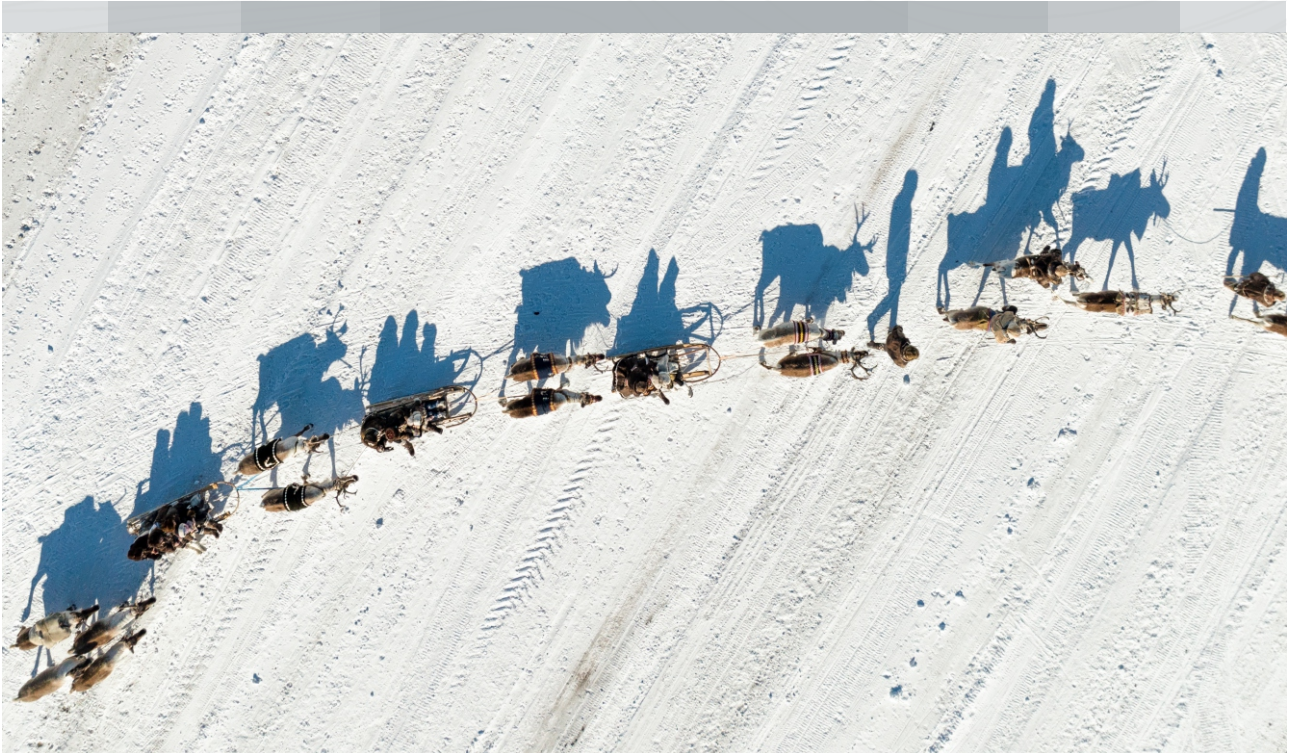

ARCTIC XXI CENTURY

АРКТИКА XXI ВЕК

1(39)2025

Научный журнал

Периодическое издание

Издается с 2013 года

До 16.09.2024 года журнал издавался под названием «Арктика XXI век. Гуманитарные науки»

Периодичность: 4 раза в год

Тираж: 25 экз., распространяется бесплатно

DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453>

Арктика XXI век – периодический рецензируемый журнал, посвященный актуальным проблемам изучения языков народов Севера и Арктики. Журнал публикует оригинальные научные исследования мирового уровня, отражающие современные тенденции в лингвистике и смежных дисциплинах.

Миссия журнала – содействие развитию и популяризации исследований, а также освещение ключевых достижений мировой науки в области возрождения, сохранения и развития языков народов Севера и Арктики.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

С 2025 года журнал публикует новейшие результаты междисциплинарных исследований российских и зарубежных ученых. Тематика охватывает широкий спектр областей, включая историю языка, лингвистическую палеонтологию, лингвистическую экологию, социолингвистику, антропологическую лингвистику, когнитивную лингвистику, ономастиологию, лингвогеографию и другие смежные дисциплины.

Целевая аудитория: научные работники, преподаватели вузов, аспиранты, магистранты и соискатели ученых степеней доктора и кандидата наук, а также российские и зарубежные ученые.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. Н. Николаев*, д.б.н., СВФУ, Якутск, Россия

Заместитель главного редактора: *Н. В. Малышева*, д.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия

Ответственный секретарь: *М. А. Осорова*, к.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия

Члены редакционной коллегии:

Л. Гренобль, Ph.D., Университет Чикаго, Чикаго, США; *Ч. Месарош*, Ph.D., Институт этнологии, Будапешт, Венгрия; *Я. Эфендиев*, Ph.D., Техасский университет, Техас, США; *М. Ууганбаяр*, Ph.D., Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия; *Т. Загарпэрэнлэй*, Ph.D., Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия; *С. Ж. Тажибаева*, д.филол.н., Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан; *А. М. Фазылжан*, к.филол.н., Институт языкознания им. А. Байтурсынова, Алматы, Казахстан; *К. К. Уметов*, к.филол.н., Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызстан; *С. А. Мызников*, д.филол.н., член-корреспондент РАН, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; *А. Н. Биткеева*, д.филол.н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия; *Д. А. Функ*, д.ист.н., Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; *Н. Б. Кошкарева*, д.филол.н., Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия; *А. А. Петров*, д.филол.н., РГПУ им А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; *Н. И. Данилова*, д.филол.н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *О. А. Мельничук*, д.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. Ю. Гусев*, к.филол.н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия; *Л. С. Заморищикова*, к.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. Г. Белолобская*, к.филол.н., СВФУ, Якутск, Россия; *А. А. Ярзуткина*, к.ист.н., Чукотский филиал СВФУ, Анадырь, Россия

ISSN: 2310-5453 (печатная версия), 2587-5639 (онлайн-версия)

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 5, кабинет 1

Тел./факс: +7 (4112) 40-38-75

Сайт <https://www.arcticjournal.ru>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88190 от 16 сентября 2024 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор)

Academic periodical

Published since 2013

Until 16.09.2024 the Journal was published under the name «Arctic XXI century. Humanitarian sciences»

Publication frequency: 4 times a year

Circulation: 25 copies, free distribution

DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453>

Arctic XXI Century is a peer-reviewed periodical focusing on current issues in the study of languages of the peoples of the North and the Arctic. The Journal publishes high-quality original research reflecting contemporary trends in linguistics and related disciplines.

The Journal's mission is to promote and advance scholarly research while spotlighting significant global progress in the revitalization, preservation, and development of Northern and Arctic Indigenous languages.

The periodical is included into the system of Russian Index of Science Citation (RISC).

Since 2025, the Journal has been publishing the latest findings from interdisciplinary research conducted by Russian and international scholars. Its scope covers a wide array of fields, including historical linguistics, linguistic paleontology, ecolinguistics, sociolinguistics, anthropological linguistics, cognitive linguistics, onomasiology, linguistic geography, and other related disciplines.

The Journal serves researchers, university professors, postgraduate students (Ph.D. candidates), master's students, and scholars pursuing doctoral (Dr. hab.) and candidate of sciences (Ph.D.) degrees, as well as the broader Russian and international scientific community.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Anatoliy N. Nikolaev*, Dr. Sci. (Biol.), NEFU, Yakutsk, Russia

Deputy Editor-in-Chief: *Ninel V. Malysheva*, Dr. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia

Executive editor: *Marina A. Osorova*, Cand. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia

Lenore Grenoble, Ph.D., University of Chicago, Chicago, USA; *Csaba Mészáros*, Ph.D., Institute of Ethnology, Budapest, Hungary; *Yalchin Efendiev*, Ph.D., Texas A&M University, Texas, USA; *Myagmarsuren Uuganbayar*, Ph.D., National University of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia; *Tumenbayar Zagarperenley*, Ph.D., National University of Mongolia, Ulan-Bator, Mongolia; *Saule Zh. Tazhibayeva*, Dr. Sci. (Philol.), L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; *Anar M. Fazylzhan*, Cand. Sci. (Philol.), Institute of Linguistics named after A. Baitursunuly, Almaty, Kazakhstan; *Kenzhebay K. Umetov*, Cand. Sci. (Philol.), Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan; *Sergey A. Myznikov*, Dr. Sci. (Philol.), corresponding member of the Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Aysa N. Bitkeeva*, Dr. Sci. (Philol.), Institute for Linguistic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Dmitriy A. Funk*, Dr. Sci. (Hist.), Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; *Natalia B. Koshkareva*, Dr. Sci. (Philol.), Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia; *Aleksandr A. Petrov*, Dr. Sci. (Philol.), Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia; *Nadezhda I. Danilova*, Dr. Sci. (Philol.), IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *Olga A. Melnichuk*, Dr. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia; *Valentin Yu. Gusev*, Cand. Sci. (Philol.), Institute for Linguistic Studies of the RAS, Moscow, Russia; *Liudmila S. Zamorshchikova*, Cand. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia; *Varvara G. Belolyubskaya*, Cand. Sci. (Philol.), NEFU, Yakutsk, Russia; *Anastasia A. Yarzutkina*, Cand. Sci. (Hist.), Chukotka branch of NEFU, Anadyr, Russia

ISSN: 2310-5453 (Print), 2587-5639 (Online)

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «M.K. Ammosov North-Eastern Federal University»

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 1 office, 5 Petrovskogo St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677027

Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75

Website <https://www.arcticjournal.ru>

Accreditation certificate ПИ № ФЦ77-88190 on September, 16, 2024 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аммосов Д. А., Эфендиев Я., Гренобль Л.</i> Моделирование языкового сдвига на основе идентичности (на англ.).....	6
<i>Ванхоннакер М.</i> Сравнительный этнолингвистический анализ понятия «мамонт» у коряков и чукчей (на англ.).....	19
<i>Курилова С. Н.</i> Заимствования в юкагирском языке: якутский словообразовательный аффикс <i>-лаа</i> в речи тундровых юкагиров	32
<i>Малышева Н. В., Канг Д.</i> Этнолингвистическое описание некоторых диалектных наименований медведя в якутском языке.....	54
<i>Петров А. А.</i> Этнокультурное и социолнгвистическое описание долганского языка	76
<i>Токмашев Д. М.</i> Семантические и морфонологические особенности телеутского языка XVIII века в словарях П.С. Палласа (соматизмы и животный мир).....	96
<i>Филиппова В. В.</i> Лингвокультурологическое поле якутских загадок	114

CONTENTS

<i>Ammosov D. A., Efendiev Ya., Grenoble L.</i> Identity-based language shift modeling	6
<i>Vanhonnaeker M.</i> Comparative ethnolinguistic analysis of the term <i>Mammoth</i> among Koryak and Chukchi peoples	19
<i>Kurilova S. N.</i> Borrowings in the Yukaghir language: Yakut derivational affix <i>-laa</i> in the speech of the Tundra Yukaghirs	32
<i>Malysheva N. V., Kang D.</i> Ethnolinguistic description of some dialect names of bear in the Yakut language.....	54
<i>Petrov A. A.</i> Ethnocultural and sociolinguistic description of the Dolgan language	76
<i>Tokmashev D. M.</i> Semantic and morphonological features of the Teleut language of the 18th century in the manuscripts by P.S. Pallas (lexical groups “body parts” and “wildlife”)	96
<i>Filippova V. V.</i> Linguocultural field of Yakut riddles.....	114

Дорогие читатели!

Перед вами первый выпуск обновленного журнала «Арктика XXI век». С 2025 года издание переориентируется на междисциплинарные лингвистические исследования, сосредоточенные на языках народов Севера и Арктики. Такой вектор развития обусловлен стремлением сохранить и изучить языковое разнообразие, являющееся важнейшей частью культурного наследия этих стратегических территорий.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, выступая ведущим научно-образовательным центром, активно поддерживает инициативы, направленные на изучение и сохранение языков коренных народов северных и арктических территорий. Наш журнал становится научной платформой, объединяющей исследователей, занимающихся историей языков, лингвистической палеонтологией, социолингвистикой, когнитивной лингвистикой, ономастологией и другими перспективными направлениями. Взаимодействие ученых разных стран и научных школ позволит глубже понять процессы языкового развития и создать основу для сохранения уникального языкового наследия.

В номере представлены исследования, охватывающие широкий спектр направлений: языковые контакты и заимствования, этнокультурные и социолингвистические аспекты, семантика и морфонология, математическое моделирование языкового сдвига, а также этнолингвистика и лингвокультурология. Рассматриваются корякский, чукотский, якутский, эвенский, эвенкийский, юкагирский, долганский и телеутский языки, их лексические и грамматические особенности, влияние языковых взаимодействий, а также связь языка с культурными, мифологическими и природными представлениями.

Работы исследователей охватывают различные регионы России – Сибирь, Северо-Восток и Северо-Запад России, а также из-за рубежа – Бельгии, США, Дубая и Кореи. Такое географическое разнообразие подчеркивает международный характер журнала, его роль как платформы для научного взаимодействия и обмена знаниями в области языков народов Севера и Арктики.

Мы приглашаем исследователей со всего мира к сотрудничеству! Ваши научные изыскания помогут не только расширить знания в области лингвистики, но и внести вклад в сохранение культурного наследия народов Арктики.

Выражаю искреннюю благодарность всем, кто принимал участие в создании этого выпуска: авторам, рецензентам, редакционной коллегии. Мы надеемся, что материалы этого выпуска вдохновят вас на новые идеи, укрепят научный диалог и станут важным шагом в изучении актуальных вопросов, стоящих перед современной наукой и обществом.

*С уважением, А.Н. Николаев,
главный редактор журнала «Арктика XXI век»*

УДК 811; 51

<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-6-18>*Original article*

Identity-based language shift modeling

Dmitry A. Ammosov¹ , **Yalchin Efendiev**² , **Lenore Grenoble**³

¹Khalifa University of Science and Technology, Abu Dhabi, UAE

²Texas A&M University, Texas, USA

³University of Chicago, Chicago, USA

 dmitrii.ammosov@ku.ac.ae

Abstract

The preservation of endangered languages is a widely discussed issue nowadays. Languages represent essential cultural heritage and can provide valuable botanical, biological, and geographical information. Therefore, it is necessary to develop efficient measures to preserve and revitalize endangered languages. However, the language shift process is complex and requires an interdisciplinary approach, including mathematical modeling techniques. This paper develops a new mathematical model that extends previous works on this topic. We introduce the factor of ethnic identity, which is a proxy for a more complex nexus of variables involved in an individual's self-identity and/or a group's identity. This proxy is socially constructed rather than solely inherited, shaped by community-determined factors, with language both indexing and creating the identity. In our model, we divide speakers into groups depending on with which language they identify themselves with. Moreover, every group includes monolinguals and bilinguals. The proposed model naturally allows us to consider cases of language coexistence and describe a broader class of linguistic situations. For example, the simulation results show that our model can result in cyclic language dynamics, drawing a parallel to cell population models. In this way, the proposed mathematical model can serve as a useful tool for developing efficient measures for language preservation and revitalization.

Keywords: mathematical modeling, language shift, language competition, language coexistence, endangered languages, language revitalization, ethnic identity, self-identity, group identity, cyclic dynamics

For citation: Ammosov D.A., Efendiev Ya., Grenoble L. Identity-Based Language Shift Modeling. *Arctic XXI Century*. 2025;(1):6–18. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-6-18>

© Ammosov D. A., Efendiev Ya., Grenoble L., 2025

Оригинальная научная статья

Моделирование языкового сдвига на основе идентичности

Д. А. Аммосов¹ , Я. Эфендиев² , Л. Гренобль³

¹ Халифский университет науки и технологий, Абу-Даби, ОАЭ

² Техасский университет A&M, Техас, США

³ Чикагский университет, Чикаго, США

 dmitrii.ammosov@ku.ac.ae

Аннотация

Сохранение исчезающих языков является широко обсуждаемой проблемой в настоящее время. Языки представляют собой важное культурное наследие и могут предоставить ценную ботаническую, биологическую и географическую информацию. Поэтому необходимо разработать эффективные меры по сохранению и возрождению исчезающих языков. Однако процесс смены языка сложен и требует междисциплинарного подхода, включая методы математического моделирования. В этой статье разрабатывается новая математическая модель, которая расширяет предыдущие работы по этой теме. Мы вводим фактор этнической идентичности, который является прокси для более сложной связи переменных, вовлеченных в самоидентификацию человека и/или идентичность группы. Этот прокси социально сконструирован, а не только унаследован, сформирован факторами, определяемыми сообществом, при этом язык как индексирует, так и создает идентичность. В нашей модели мы делим говорящих на группы в зависимости от того, с каким языком они себя идентифицируют. Более того, каждая группа включает монолингвов и билингвов. Предлагаемая модель естественным образом позволяет нам рассматривать случаи сосуществования языков и описывать более широкий класс языковых ситуаций. Например, результаты моделирования показывают, что наша модель может привести к циклической языковой динамике, проводя параллель с моделями клеточной популяции. Таким образом, предлагаемая математическая модель может служить полезным инструментом для разработки эффективных мер по сохранению и возрождению языка.

Ключевые слова: математическое моделирование, языковой сдвиг, языковая конкуренция, языковое сосуществование, исчезающие языки, возрождение языка, этническая идентичность, самоидентичность, групповая идентичность, циклическая динамика

Для цитирования: Аммосов Д.А., Эфендиев Я., Гренобль Л. Моделирование языкового сдвига на основе идентичности. *Арктика XXI век*. 2025;(1):6–18 (на англ.). DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-6-18>

Introduction

The preservation of endangered languages is a highly relevant topic in the modern world. Languages are not only an important cultural heritage [1] but also a source of botanical, biological, and geographical information [2; 3]. Therefore, the development of effective measures for their preservation and revitalization plays an essential role. However, language shift is a complex process that requires careful study with an interdisciplinary approach. Understanding the influence of various factors on the extinction of languages is the key to their preservation and revitalization [4; 5].

Mathematical modeling can be a helpful tool in studying the process of language shift. It allows us to identify the key factors influencing language extinction and to predict language dynamics. There are many works devoted to the development of mathematical models of language shift. However, the model proposed by Abrams and Strogatz is fundamental [6]. The main idea of this model is to determine the probability of transition from one language to another depending on the status of the language and the number of speakers. Subsequent works are mostly devoted to extending this mathematical model to account for various factors such as geography, population growth, and bilingualism [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

However, the mathematical models noted above predict the disappearance of bilinguals when one of the monolingual populations disappears. Therefore, they predict that only one language survives over the course of a significant time period. At the same time, it is believed that coexistence is possible [14]. To account for such a case, Kandler et al. introduced the “Diglossia model” [15; 16]. In this model, there are additional linear decay terms for each language and linear growth terms for the bilingual population. Such a modification is motivated by social pressure.

In this paper, we propose a new mathematical model that extends previous works and allows us to consider a broader class of language scenarios, including language coexistence. We introduce the factor of ethnic identity, a proxy for more complex variables shaping an individual’s self-identity and/or a group’s identity [17]. Ethnic identity is socially constructed rather than solely inherited, shaped by community-determined factors, with language both indexing and creating the identity [18; 19]. In our model, we have two groups of speakers identifying themselves with one or another language. In each of these groups, there are both monolingual and bilingual populations. Transitions can occur from one language to another (through the bilingual stage) and from one identity to another. The obtained mathematical models can naturally consider language coexistence scenarios. Moreover, our model can describe cyclic language dynamics, which makes a connection with cell population models.

The paper has the following structure. In Section 2, we provide a brief review of previous mathematical models of language shift. Section 3 describes our proposed mathematical model. In Section 4, we present results and discussions. Finally, Section 5 presents conclusions.

Review of previous works

Mathematical modeling of language shift has gained popularity with the seminal paper by Abrams and Strogatz [6]. In their work, the authors consider two languages (A and B) and denote the population percentages with a_1 and a_2 , where $a_1 + a_2 = 1$. The dynamics are governed by the equations

$$\frac{da_1}{dt} = a_2 P_{12}(a_1, s) - a_1 P_{21}(a_2, 1 - s), \quad (1)$$

$$\frac{da_2}{dt} = a_1 P_{21}(a_2, 1 - s) - a_2 P_{12}(a_1, s).$$

Here, P_{12} refers to the probability that an individual speaking language B converts to language A, and P_{21} is the opposite. The parameter $s \in [0, 1]$ refers to the status of the language A. Typical expressions for P_{12} and $P_{12}(a_1, s) \propto a_1^\beta s$ are and $P_{21}(a_2, s) \propto a_2^\beta (1 - s)$, $s > 0.5$.

The next generalization of this model includes adding various spatial dynamics, as proposed by Patriarca et al. in [7; 8]. Note Equation (1) includes the dynamics in time only. This includes adding various diffusion and convection terms that disperse the population over a region. The latter is important, but we will not dwell on this. For simplicity, we denote them by $\mathcal{F}_i(a_1, a_2)$.

$$\frac{da_1}{dt} = a_2 P_{12}(a_1, s) - a_1 P_{21}(a_2, 1 - s) + \mathcal{F}_1(a_1, a_2), \quad (2)$$

$$\frac{da_2}{dt} = a_1 P_{21}(a_2, 1 - s) - a_2 P_{12}(a_1, s) + \mathcal{F}_2(a_1, a_2).$$

The next generalization includes adding population growth, as proposed by Kandler and Steele in [9], modeled by logistic growth functions with certain carrying capabilities (maximum allowed growth). These results are further generalized by varying capacities and making probabilities P_{ij} to be nonlinear functions, as demonstrated by Isern and Fort in [10].

The next set of major generalizations came with the introduction of a model of bilingual population by Mira and Paredes in [11]. The bilingual population is denoted by a_3 , and the model problem is the following (we factor in spatial dynamics terms in these equations, which were contributed by other authors)

$$\begin{aligned}
\frac{da_1}{dt} &= (a_2 + a_3)P_{12}(a_1, s) - a_1 \left(P_{21}(a_2, 1 - s) + P_{31}(a_2, 1 - s) \right) \\
&\quad + \mathcal{F}_1(a_1, a_2, a_3), \\
\frac{da_2}{dt} &= (a_1 + a_3)P_{21}(a_2, s) - a_2 \left(P_{12}(a_1, s) + P_{32}(a_1, s) \right) \\
&\quad + \mathcal{F}_2(a_1, a_2, a_3), \\
\frac{da_3}{dt} &= a_1P_{31}(a_2, 1 - s) + a_2P_{32}(a_1, s) - a_3P_{12}(a_1, s) \\
&\quad - a_3P_{21}(a_2, s) + \mathcal{F}_3(a_1, a_2, a_3).
\end{aligned} \tag{3}$$

Here, P_{ij} are probabilities going from j to i . Note that the authors assume that speakers can switch between languages A to B and also between monolingual to bilingual. Later, Minett and Wang assumed that one can switch between monolingual to bilingual only and modified this model [12].

Later generalizations involve various spatial dynamics terms $\mathcal{F}_i$ for bilingual population, addition of logistic growth models, and introduction of spatially dependent coefficients that can change in some regions (see the work of Castelló et al. in [13]).

These models led to the fact that only one language survives over the course of a significant time period. It is believed that coexistence is possible [20]. Kandler et al. introduced the “Diglossia Model” by adding linear decay terms for each language and, as a compensation, linear growth for the bilingual population (the terms with w_i coefficients) [15; 16]. The latter is argued using social pressure. The model equation has the following form. We repeat this model here, which assumes some simplifications for transition probabilities (we ignore logistic growth terms for simplicity).

$$\begin{aligned}
 \frac{da_1}{dt} &= -\gamma_{21}a_2a_1 + \gamma_{13}a_3a_1 - w_1a_1 + \mathcal{F}_1(a_1, a_2, a_3), \\
 \frac{da_2}{dt} &= -\gamma_{12}a_1a_2 + \gamma_{23}a_3a_2 - w_2a_2 + \mathcal{F}_2(a_1, a_2, a_3), \\
 \frac{da_3}{dt} &= (\gamma_{21} + \gamma_{12})a_1a_2 - (\gamma_{13}a_1 + \gamma_{23}a_2)a_3 + w_1a_1 \\
 &\quad + w_2a_2 + \mathcal{F}_3(a_1, a_2, a_3).
 \end{aligned}
 \tag{4}$$

These models may lead to the coexistence of mono- and bilingual speakers via the terms in $\mathbf{w}$.

Proposed mathematical model

In our model, we divide the population into two groups. The members of Group 1 ethnically identify with language A, and the members of Group 2 ethnically identify with language B. We introduce the factor of ethnic identity, which serves as a proxy for a more complicated nexus of variables involved in an individual's self-identity and/or a group's identity. *Ethnic identity* is not simply determined by inheritance but is a socially constructed category involving other social variables including race, gender, social class, and status; [17] provides an overview. Which variables are relevant is largely determined by the community or communities involved in the identification. This proxy is used to account for not only inherited (genetic) identity but also ties that can be created by an individual who self identifies with a given group.

There are known ties between language and identity, with language at once used to index identity and also to be a marker of that identity. Language can index not only ethnic identity in the strict sense, but also social class or group membership [21; 22]. Moreover, identity can be created through language [23].

Note that members of each group may speak the other language or be bilingual. Thus, members of Group A may speak Language B and vice versa. We introduce the following notations:

- a_1 – the percentage of language A speakers identified as Group 1;
- a_2 – the percentage of language A speakers identified as Group 2;
- b_1 – the percentage of language B speakers identified as Group 1;
- b_2 – the percentage of language B speakers identified as Group 2;
- c_1 – the percentage of bilinguals identified as Group 1;
- c_2 – the percentage of bilinguals identified as Group 2.

Next, we illustrate the transition between different categories in Fig. 1. For simplicity, we ignore some terms and denote by dashed lines the weak transitions, which will also be ignored. The corresponding equations are (5). This model can easily be enhanced by adding spatial dispersion terms, logistic growth terms, and diglossia terms.

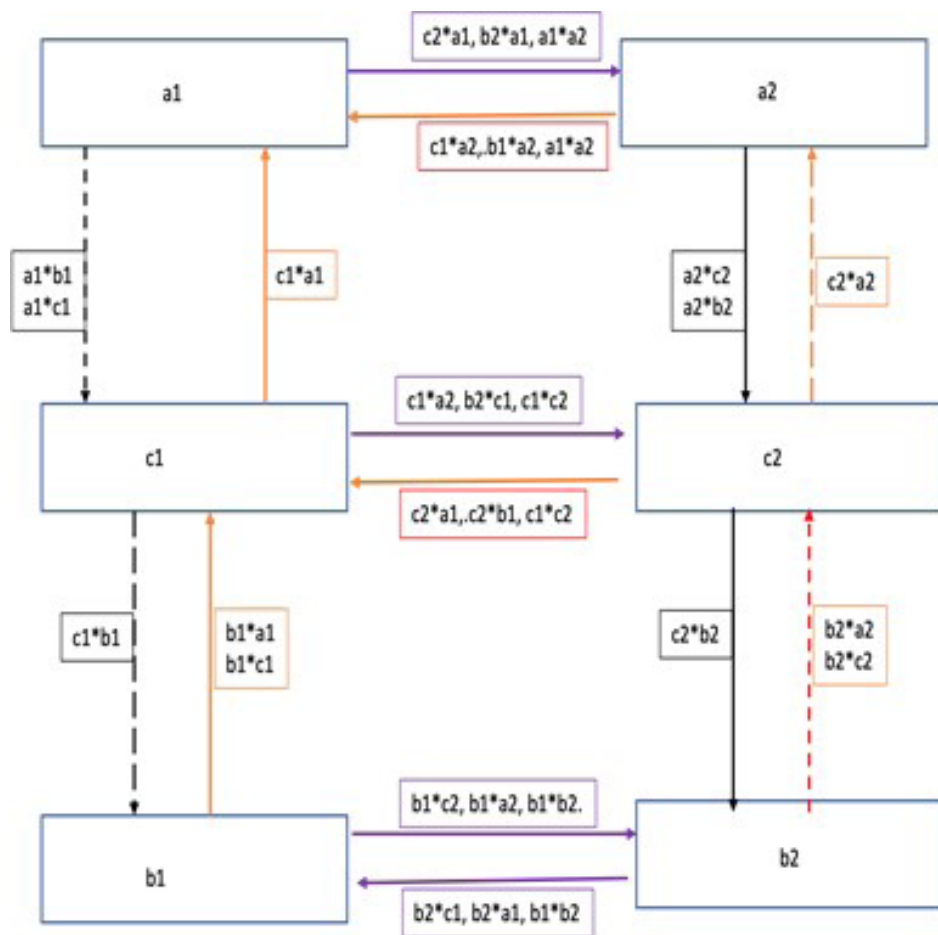

Fig. 1. Illustration of main transitions between different categories. The dashed line refers to a weak transition and will be ignored. Some connections depend on several factors that are separated by a comma. The model is simplified

Рис. 1. Иллюстрация основных переходов между различными категориями.

Пунктирная линия относится к слабому переходу и будет игнорироваться.

Некоторые связи зависят от нескольких факторов, которые разделены запятой. Модель упрощена

Модель упрощена

$$\begin{aligned}
 \frac{da_1}{dt} &= Z_{a_1c_1}a_1c_1 + Z_{a_2c_1}^a a_2c_1 + Z_{a_2b_1}^a a_2b_1 - Z_{a_1b_2}^a a_1b_2 \\
 &\quad - Z_{a_1c_2}^a a_1c_2 + X_{a_1a_2}a_1a_2, \\
 \frac{da_2}{dt} &= Z_{a_1c_2}^a a_1c_2 + Z_{a_1b_2}^a a_1b_2 - Z_{a_2c_1}^a a_2c_1 - Z_{a_2b_1}^a a_2b_1 \\
 &\quad - Z_{a_2b_2}a_2b_2 - Z_{a_2c_2}a_2c_2 - X_{a_1a_2}a_1a_2 \\
 \frac{db_1}{dt} &= Z_{b_2c_1}^b b_2c_1 + Z_{a_1b_2}^b a_1b_2 - Z_{a_1b_1}a_1b_1 - Z_{b_1c_1}b_1c_1 \\
 &\quad - Z_{b_1c_2}^b b_1c_2 - Z_{a_2b_1}^b a_2b_1 + X_{b_1b_2}b_1b_2, \\
 \frac{db_2}{dt} &= Z_{b_1c_2}^b b_1c_2 + Z_{a_2b_1}^b a_2b_1 + Z_{b_2c_2}b_2c_2 - Z_{b_2c_1}^b b_2c_1 \\
 &\quad - Z_{a_1b_2}^b a_1b_2 - X_{b_1b_2}b_1b_2, \\
 \frac{dc_1}{dt} &= Z_{a_1b_1}a_1b_1 + Z_{b_1c_1}b_1c_1 - Z_{a_1c_1}a_1c_1 + Z_{a_1c_2}^c a_1c_2 \\
 &\quad + Z_{b_1c_2}^c b_1c_2 - Z_{a_2c_1}^c a_2c_1 - Z_{b_2c_1}^c b_2c_1 + X_{c_1c_2}c_1c_2, \\
 \frac{dc_2}{dt} &= Z_{a_2b_2}a_2b_2 + Z_{c_2a_2}c_2a_2 - Z_{b_2c_2}b_2c_2 - Z_{a_1c_2}^c a_1c_2 \\
 &\quad - Z_{b_1c_2}^c b_1c_2 + Z_{a_2c_1}^c a_2c_1 + Z_{b_2c_1}^c b_2c_1 - X_{c_1c_2}c_1c_2.
 \end{aligned} \tag{5}$$

In the next section, we will present numerical results and show that our proposed model can capture various language scenarios.

Results and Discussion

In this section, we present some numerical results obtained by simulations of the proposed model (5). Note that a comprehensive numerical analysis of the model is beyond the scope of this paper. We consider the

interaction between a bilingual population and a monolingual population of language A (with the disappearance of a monolingual population of language B). As we previously noted, most models assume the disappearance of the bilingual population in such cases.

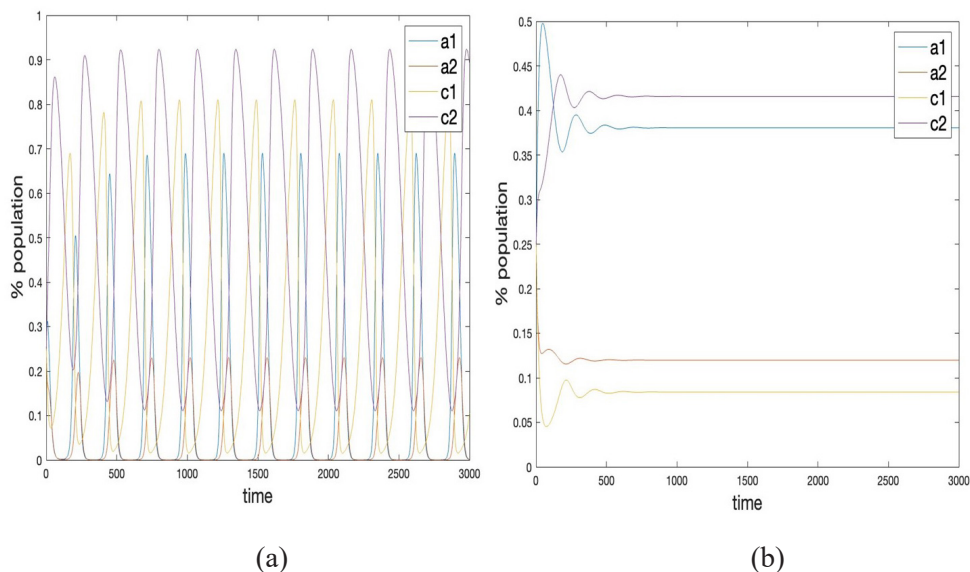

Fig. 2. The dynamics of language A and bilinguals over time.

The figure shows cyclic motion

Рис. 2. Динамика языка А и билингвов с течением времени.

На рисунке показано циклическое движение

We present the results for different sets of coefficients of the proposed model in Fig. 2 and 3. One can see that our model can predict different scenarios for the coexistence of the bilingual population and the monolingual population of language A. For example, our model can result in cyclic dynamics, i.e., periodically varying populations in each category, as is shown in Fig. 2a, 3a, and 3b. Also, it can predict constant populations in each category (Fig. 2b). Previous approaches cannot produce cyclic motions. We note that cyclic dynamics appear in cell population models, which is an indication of cells being alive. In general, it is difficult (mathematically) to understand parameter ranges when cyclic dynamics can occur.

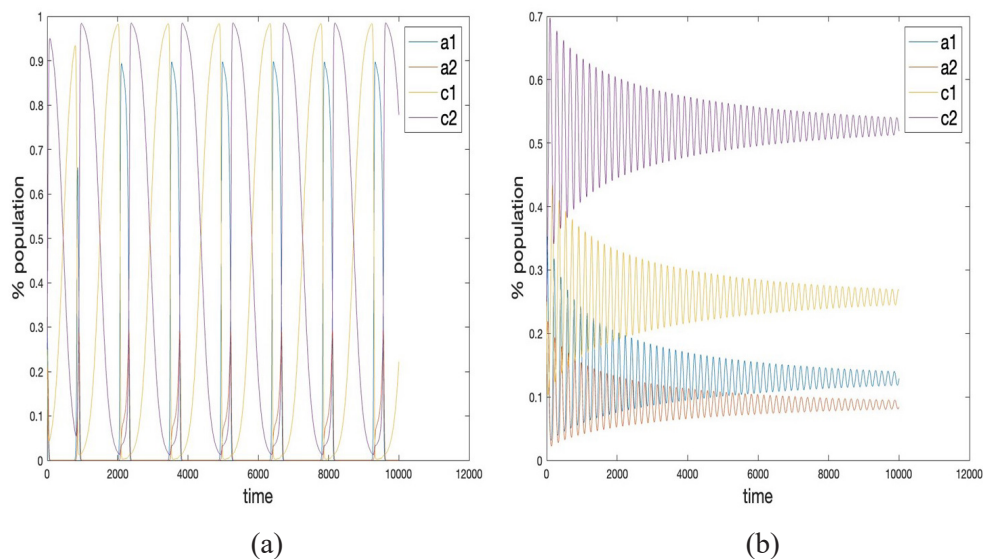

Fig. 3. The dynamics of language A and bilinguals over time.

The figure shows cyclic motion. Different coefficients

Рис. 3. Динамика языка А и билингвов с течением времени.

Рисунок показывает циклическое движение. Различные коэффициенты

Conclusions

In this paper, we have proposed a new mathematical model of language shift. We have introduced the ethnic identity factor, a proxy for more complex variables involved in self-identity and group identity. The resulting mathematical model is rich and naturally allows for the coexistence of all languages without adding diglossia terms. Moreover, our equations can result in cyclic dynamics (periodically varying populations in each category), which makes a connection with cell population models. The resulting mathematical model can serve as a useful tool for studying language situations and developing measures to preserve and revitalize endangered languages.

References

1. Hale K. Language endangerment and the human value of linguistic diversity. *Language (Baltimore)*. 1992;68(1):35–42.
2. Harrison KD. *When languages die: The extinction of the world's languages and the erosion of human knowledge*. Oxford University Press. 2008.
3. Nettle D, Romaine S, et al. *Vanishing voices: The extinction of the world's languages*. Oxford University Press on Demand. 2000.

4. Grenoble L, Whaley L. *Saving languages: An introduction to language revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005.
5. Grenoble L. Language contact in the east slavic contact zone. *Balkanistica*. 2015;(28):225–250.
6. Abrams D, Strogatz S. Modelling the dynamics of language death. *Nature*. 2003;424(6951):900–900.
7. Patriarca M, Leppänen T. Modeling language competition. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2004;338(1–2):296–299.
8. Patriarca M, Heinsalu E. Influence of geography on language competition. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2009;388(23):174–186.
9. Kandler A, Steele J. Ecological models of language competition. *Biological Theory*. 2008;(3):164–173.
10. Isern N, Fort J. Language extinction and linguistic fronts. *Journal of the Royal Society Interface*. 2014;11(94). DOI: <https://doi.org/10.1098/rsif.2014.0028>.
11. Mira J, Paredes A. Interlinguistic similarity and language death dynamics. *Europhysics letters*. 2005;69(6):1031.
12. Minett J, SY Wang W. Modelling endangered languages: The effects of bilingualism and social structure. *Lingua*. 2008;118(1):19–45.
13. Castelló X, Loureiro-Porto L, Eguíluz V, Miguel MS. The fate of bilingualism in a model of language competition. *Advancing social simulation: the first World Congress*. Springer. 2007.
14. Edwards J. Bilingualism and multilingualism: Some central concepts. *The Handbook of Bilingualism and Multilingualism*, Second Edition. Chichester: Wiley-Blackwell. 2012.
15. Kandler A, Unger R, Steele J. Language shift, bilingualism and the future of britain's celtic languages. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2010;365(1559):3855–3864.
16. Kandler A, Unger R. Modeling language shift. *Diffusive spreading in nature, technology and society*. Springer. 2023.
17. Fought C. Language and ethnicity. In *The Cambridge Handbook of Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2011.
18. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. London: Allen Lane. 1969.
19. Waters MC. The social construction of race and ethnicity: Some examples from demography. *American diversity: A demographic challenge for the twenty-first century*. 2002.
20. Fishman JA. Bilingualism and biculturism as individual and as societal phenomena. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1980;1(1):3–15.
21. Eckert P. Where do ethnolects stop? *International Journal of Bilingualism*. 2008;12(1/2):25–42.

22. Eckert P. Three waves of variation study: The emergence of meaning in the study of sociolinguistic variation. *Annual Review of Anthropology*. 2012;(41):87–100.

23. Bucholtz M, Hall K. Language and identity. In Alessandro Duranti, editor, *A Companion to Linguistic Anthropology*. Blackwell, Malden, MA/Oxford. 2003.

About the authors

Dmitry A. AMMOSOV – Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Post Doctoral Fellow, Khalifa University of Science and Technology, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8616-9397>, WoS ResearcherID: AAY-5903-2021, Scopus Author ID: 57208263321, Elibrary AuthorID: 1258891, SPIN: 3408-3737, e-mail: dmitrii.ammosov@ku.ac.ae

Yalchin EFENDIEV – Ph.D. (Applied Mathematics), Mobil Chair Professor, Texas A&M University, Texas, USA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9626-303X>, WoS ResearcherID: F-2777-2015, Scopus Author ID: 12039192600, e-mail: yalchinrefendiev@gmail.com

Lenore GRENABLE – Ph.D. (Slavic Linguistics), John Matthews Manly Distinguished Service Professor, University of Chicago, Chicago, USA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8810-7395>, WoS Researcher ID: H-5469-2017, Scopus Author ID: 6506649857, Elibrary AuthorID: 1258891, SPIN 3405-6850, e-mail: grenoble@uchicago.edu

Об авторах

АММОСОВ Дмитрий Андреевич – кандидат физико-математических наук, научный сотрудник (постдокторант), Университет науки и технологий Халифы, Абу-Даби, ОАЭ, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8616-9397>, WoS ResearcherID: AAY-5903-2021, Scopus Author ID: 57208263321, Elibrary AuthorID: 1258891, SPIN: 3408-3737, e-mail: dmitrii.ammosov@ku.ac.ae

ЭФЕНДИЕВ Ялчин – Ph.D. (прикладная математика), профессор кафедры Mobil, Техасский университет А&М, Техас, США, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9626-303X>, WoS ResearcherID: F-2777-2015, Scopus Author ID: 12039192600, e-mail: yalchinrefendiev@gmail.com

ГРЕНОБЛЬ А. Ленора – Ph.D. (славянское языкознание), заслуженный профессор имени Джона Мэтьюза Мэнли, Чикагский университет, Чикаго, США, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8810-7395>, WoS Researcher ID: H-5469-2017, Scopus Author ID: 6506649857, Elibrary AuthorID: 1258891, SPIN 3405-6850, e-mail: grenoble@uchicago.edu

Authors' contribution

Dmitry A. Ammosov – conceptualization, methodology, software, validation, investigation, data curation, writing – original draft, writing – review & editing, visualization

Yalchin Efendiev – conceptualization, methodology, software, validation, investigation, formal analysis, data curation, writing – original draft, writing – review & editing, visualization, supervision, project administration

Lenore Greboble – conceptualization, methodology, validation, investigation, data curation, writing – original draft, writing – review & editing, supervision, project administration

Вклад авторов

Аммосов Д.А. – разработка концепции, методология, программное обеспечение, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, визуализация

Эфендиев Я. – разработка концепции, методология, программное обеспечение, верификация данных, проведение исследования, проведение статистического анализа, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, визуализация, руководство исследованием, администрирование проекта

Гренобль Л. – разработка концепции, методология, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, руководство исследованием, администрирование проекта

Conflict of interests

The authors Efendiev Ya. and Grenoble L. are members of editorial board of the journal “Arctic XXI Century”. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article

Конфликт интересов

Авторы Эфендиев Я. и Гренобль Л. являются членами редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Submitted / Поступила в редакцию 25.01.2025

Revised / Поступила после рецензирования 07.03.2025

Accepted / Принята к публикации 14.03.2025

УДК 81:39; 811.551; 398.41:599.61

<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-19-31>

Original article

Comparative ethnolinguistic analysis of the term *Mammoth* among the Koryak and Chukchi peoples

Mathieu Vanhonnaeker

Centre for Cultural Mammothology (CeRMaC),

Brussels, Belgium

✉ m.vanhonnaeker@cermac.org

Abstract

The article analyses the terms that the Chukchi and Koryaks use to define the *mammoth* (*Mammuthus primigenius*), in relation to traditional conceptions linked to this figure. We also examine the relationships between these terms in the Chukchi language and the Palana, Chavchoven, Alutor and Karagin dialects, using a comparative etymological and ethnolinguistic methodological approach. To this end, we rely on both the classical ethnographic literature related to these peoples and the dictionaries associated with them. Our research has revealed a significant degree of polysemy in the context studied, centred on the figure of the mammoth, leading us to the conclusion that the Chukchi nominal form *kamak*, originally used by the Koryaks, is relatively recent in defining the mammoth and is largely linked to the trade and transaction of the animal's ivory. We also show that the notion of 'beetle', linked to that of 'mammoth' among both the Chukchi and the Koryaks, did not develop etymologically among the Koryaks towards the form it took in Chukchi (*təqinewət*), because the term *kamak* (or *kemek(e)*) associated with the notion of horn, probably already fulfilled this semiotic function. Our conclusions demonstrate the importance of considering the figure of the mammoth in a cross-disciplinary way among the peoples concerned, while emphasising the need for further investigation, particularly concerning the functions and conceptions of this figure among the Chukchi and the Koryaks.

Keywords: mammoth, Chukchi people, Koryak people, Palana, Karagin, Alutor, Chavchoven, Chukchi, ethnolinguistic analysis, comparative method, etymology, *kamak*, beetle, evil spirit

For citation: Vanhonnaeker M. Comparative ethnolinguistic analysis of the term Mammoth among the Koryak and Chukchi peoples. *Arctic XXI Century*. 2025;(1):19–31. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-19-31>

© Vanhonnaeker M., 2025

Оригинальная научная статья

Сравнительный этнолингвистический анализ понятия «мамонт» у коряков и чукчей

М. Ванхоннакер

Центр культурной мамонтологии (CeRMac), Брюссель, Бельгия

✉ m.vanhonnaeker@cermac.org

Аннотация

В статье анализируются термины, которые чукчи и коряки используют для обозначения мамонта (*Mammuthus primigenius*), в связи с традиционными представлениями, связанными с этой фигурой. Мы также исследуем взаимосвязи между этими терминами в чукотском языке и паланском, чавчувенском, алюторском и карагинском диалектах, применяя сравнительно-этимологический и этнолингвистический методологический подходы. С этой целью мы опираемся как на классическую этнографическую литературу, связанную с этими народами, так и на связанные с ними словари. Наше исследование выявило значительную степень полисемии в изучаемом контексте, сосредоточенном вокруг фигуры мамонта, что приводит нас к выводу, что чукотская именная форма камак, изначально используемая коряками, является относительно недавней для обозначения мамонта и в значительной степени связана с торговлей и сбытом слоновой кости животного. Мы также показываем, что понятие «жук», связанное с понятием «мамонт» как у чукчей, так и у коряков, не развивалось этимологически у коряков в сторону той формы, которую оно приняло в чукотском языке (*təqijewət*), поскольку термин камак (или кемек(э)), связанный с понятием рога, вероятно, уже выполнял эту семиотическую функцию. Наши выводы демонстрируют важность рассмотрения образа мамонта в междисциплинарном плане среди соответствующих народов, одновременно подчеркивая необходимость дальнейших исследований, особенно касающихся функций и представлений об этом образе у чукчей и коряков.

Ключевые слова: мамонт, чукчи, коряки, Палана, Карагин, Алютор, Чавчувен, чукчи, этнолингвистический анализ, сравнительный метод, этимология, камак, жук, злой дух

Для цитирования: Ванхоннакер М. Сравнительный этнолингвистический анализ понятия «мамонт» у коряков и чукчей. *Арктика XXI век*. 2025;(1):19–31 (на англ.). DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-19-31>

Introduction

The aim of our article is to analyse, using an ethnolinguistic approach, the terms used by the Koryaks and Chukchi to name the mammoth (*Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799)). Although there are isolated references to it in classical ethnographic literature (W. Bogoras [1] or I.S. Vdovin [2]), as well as in dictionaries of reference (A.N. Zhukova and T. Kurebito [3] or T.A. Moll [4]), it appears that there are no studies that have attempted to gather all this information in order to compare and analyse it. The aim of this article is to fill this gap in order to observe and analyse the guidelines that emerge from these comparisons. Beyond providing the most exhaustive panorama possible of linguistic references to the mammoth in these particular contexts, our objective is also to lay the theoretical foundations of the plural interconnections between the Koryaks and the Chukchi around the term ‘mammoth’ and its meanings for these peoples.

Materials and Methods

The materials on which our analysis is based are found in the classical ethnographic literature on the Koryaks and the Chukchi (mainly W. Bogoras [1, 5, 6] and I.S. Vdovin [2]), as well as in the dictionaries of the most studied languages and dialects spoken by these peoples (for example, A.N. Zhukova and T. Kurebito [3], T.A. Moll [4], A.N. Zhukova [7], W. Bogoras [8]). We also ground our analysis on comparative reference dictionaries focusing, in particular, on the reconstructions of the supposed bases in Proto-Chukotian (I.A. Muraveva [9], M. Fortescue [10] and O.A. Mudrak [11]). With regard to the Koryaks, it should be noted that when the dialect from which a particular term comes is subject to controversy, we will refer to the Koryaks in general, without mentioning a particular dialect. Methodologically, we rely on linguistic and dialectological comparatism, both on a semiotic and etymological level, enriched and substantiated by ethnological comparatism. We used modern transliterations, modifying them, if necessary, in the sources cited, in the interest of uniformity and to make reading easier (when, exceptionally, we keep the original transliteration, we state it explicitly in a footnote). Where necessary, we translated the quoted passages into English.

Results and Discussion

Critical analysis of the Chukchi word *kamak*

The Chukchi word for ‘mammoth’, *kamak*, is, in itself, subject to debate. Indeed, this word also means ‘evil spirit’ (Rus. *zloj duh*) and is, as we shall see, highly polysemous. In fact, this second meaning seems much more widespread than the first one. Actually, only Ch. Weinstein proposes the translation ‘mammoth’ for *kamak* in a univocal lexical entry [12, item 94]. O.A. Mudrak, in his comparative dictionary, gives two meanings for the

term *kamak*: ‘evil spirit’ (Rus. *zloj duh*) and ‘mammoth’ (Rus. *mamont*) [11, p. 177]. While the meaning ‘evil spirit’ originates from W. Bogoras, the origin of the meaning ‘mammoth’ that he gives is more mysterious. Indeed, this translation is not found in the sources he mentions in connection with the Chukchi language (i.e. the dictionary of W. Bogoras [8] and of T.A. Moll and P.I. Inènikèj [13]). The only possible explanation for this translation is a logical deduction: in his work published in 1907, W. Bogoras emphasises that *kamağrætən* literally means ‘kamak’s tooth’, which means ‘mammoth ivory’ or ‘mammoth’s tusk’ [6, p. 341]. The literal translation *kamak* for ‘mammoth’ is therefore not very developed in Chukchi. This is even more noticeable when we realise that several Russian-Chukchi dictionaries, such as, for example, T.A. Moll and P.I. Inènikèj [13] or P.I. Inènikèj [14], do not include the entry ‘mammoth’, nor *kamak*.

By contrast, it is more common to find the translation ‘mammoth’ for the word *kamak* in connection with its ivory. As we have just emphasised, W. Bogoras, who does not mention the translation ‘mammoth’ for *kamak*, underlines, on the other hand, that, in Chukchi, *kamağrætən* (or *kamagrætən* [8, p. 66]) means ‘kamak’s tooth’ [6, p. 341]. This noun is the product of an incorporation of the names *kamak* and *rætən*¹. Within this same semantic network, W. Bogoras specifies that *kamagrænne* means ‘made of mammoth ivory’ [8, p. 66]. As emphasised above, while in his work published in 1907, W. Bogoras indicates that *rætən* literally means ‘tooth’ (in ‘kamak’s tooth’) [6, p. 341], he specifies in his Russian-Chukchi dictionary published in 1937 that this term can, besides ‘tooth’ (Rus. *zub*), also mean ‘horn’ (Rus. *rog*) [8, p. 133]².

The most common association of the term *kamak* is, as emphasised above, not done with the mammoth itself. Indeed, W. Bogoras, in his dictionary published in 1937, does not give the meaning ‘mammoth’ for the entry *kamak*, but ‘evil spirit’ (Rus. *zloj duh*). M. Fortescue refers to W. Bogoras in his comparative dictionary and also mentions only the meaning ‘evil spirit’ [10, p. 127]. W. Bogoras notes that *kamak* also means ‘spirit of disease’ [6, p. 312], underlining that in the Russian-Chukchi jargon, as he explains, ‘a kind of broken dialect, with simplified grammar and pronunciation, adapted to the use of both parties’ [6, p. 289], particularly in commercial contexts (W. Bogoras refers to this jargon as ‘trading jargon’ [6, p. 289]), this term means ‘epidemic’ or ‘plague’ (Rus. *mor*) [8, p. 66], ‘death’, ‘dying’ [6,

¹The apparition of the letter *ğ/g* being the consequence of a consonant alternation.

²In the context of the mammoth, the latter term seems actually more appropriate, since W. Bogoras himself specifies that the tusks of the *kamak* are considered to be ‘horns’ [6, p. 326].

p. 312], ‘to die’ or even ‘devil’ [6, p. 341]. We can therefore observe a significant polysemy in relation to this word, which is not strictly Chukchi in origin. Indeed, W. Bogoras specifies that the term *kamak* comes from the Koryaks and is rarely used in Chukchi [1, p.120; 6, p. 341] (as a matter of fact, this term is rarely present in his work on the Chukchi and, when it is, it is often in connection with the Koryaks). The fact that it comes from the Russian-Chukchi jargon coincides with this origin, since a large part of the vocabulary specific to this jargon comes from the Koryaks [6, p. 289].

Following the fact that the occurrence of *kamak* linked to the mammoth is mainly related to its ‘horns’ – its ivory, we can assume here that the term *kamak* was borrowed from the Koryaks by the Chukchi to define, among other things, a particular evil spirit in the form of the mammoth with ‘horns’, the word *kamağrätən* [6, p. 341] leading implicitly to the existence of an evil horned spirit. In this context, it is highly probable that the name *kamak* in its reference to the mammoth comes from the ivory trade and transactions with the Russians (probably from the second half of the 18th century, when more peaceful relations with the Russians developed, allowing a greater expansion of the ivory trade [15, p. 149-150]), the term *kamak* being used, as we have just mentioned, in connection with ivory and in the Russian-Chukchi jargon in particular, the origin of which is said to be found mostly among the Koryaks. This is further supported by the fact that in Chavchuen we found the term *kamağrätən* for ‘mammoth tusk’, which is exactly the same term used in Chukchi [16 in 10, p. 127]. As a sign of the intense interpenetration of the languages and dialects under consideration, in the Chavchuen word *kamağrätən*, it is quite possible that the word *rätən* was borrowed from Chukchi, where it means, as we have seen, ‘tooth’ or ‘horn’. Indeed, the term *rätən* doesn’t appear in Chavchuen. We would therefore have a mutual influence between Chukchi and Koryak (in this case Chavchuen) in the formation of this word. Beyond these linguistic hypotheses, it is clear that the semantic field associated with the *kamak*, referring to danger, death and disease, is clearly negative, linking the mammoth mainly to chthonic elements in the Chukchi context, as can be seen among other Siberian peoples, such as the Yakuts, for example [17].

The term ‘mammoth’ in the dialects of the Koryaks: *kamak* and *kemek(e)*

As emphasised above, W. Bogoras specifies that the term *kamak* originates from the Koryaks. Indeed, the meaning ‘evil spirit’ for *kamak* is found in Chavchuen in I.A. Muraveva [9 in 11, p. 177] and A.N. Zhukova and T. Kurebito [3, p. 132]. T.A. Moll [4, p. 50], V.V. Leontiev and K.A. Novikova [18, p. 172] give the Chavchuen meaning ‘spirit of the earth’

(Rus. *zemljanoj duh*) for *kamak*. In Palana, A.N. Zhukova [7 in 11, p. 177] records the term *kamak*, but also *kemek(e)*, both meaning ‘evil spirit’ (A.N. Zhukova also reports *kemek* in her work with T. Kurebito [3, p. 132]). In Alutor, I.A. Muraveva, A.N. Zhukova and T. Kurebito mention *kamak* for ‘bad spirit’ (Rus. *zloj duh*) [9 in 10, p. 127; 3, p. 132]. In Karagin, we find, again for this meaning, *kemek* in A.N. Zhukova and T. Kurebito [3, p. 132].

The major difference between the Chukchi and the Koryaks is that among the latter, the terms *kamak* or *kemek(e)*, depending on the dialect, clearly mean ‘mammoth’, and this is much more extensively documented than in Chukchi³. Indeed, in Palana, Alutor and Karagin, these terms meaning ‘evil spirit’ are found in the same above-mentioned sources, with the translation ‘mammoth’. The meaning ‘mammoth’ for *kamak* is also widely found in Chavchuen. This meaning is reported by I.A. Muraveva [9 in 11, p. 177], T.A. Moll [4, p. 50], V.V. Leontiev and K.A. Novikova [18, p. 172] and also by A.N. Zhukova and T. Kurebito [3, p. 132]. As can be seen, the isolated term ‘mammoth’ is therefore much more common among the Koryaks than among the Chukchi, which is in accordance with W. Bogoras’ remark when he emphasises that the term *kamak* comes from the Koryaks and is rarely used in Chukchi. Given the phonetic similarity of this term, which is found in the various dialects spoken by the Koryaks as well as in Chukchi, M. Fortescue proposes the stem *kamak* in Proto-Chukotian as the origin of this word [7 in 10, p. 127]. O.A. Mudrak, for his part, proposes the Proto-Chukotian stem with no Kamchatkan etymology *kamaka* [11, p. 177].

The mammoth and the beetle, a common tonality among the Chukchi

Another Chukchi word associated with the mammoth can be found in the literature: the word *təqinewət*, which is linked, at first glance surprisingly, to a beetle. As far as we know, A.N. Zhukova and T. Kurebito are the only authors reporting the Chukchi denomination *təqinewət* for ‘mammoth’ [3, p. 132]. It is in fact a polysemous word, which also means ‘evil spirit’ (Rus. *zloj duh*) and ‘a kind of beetle’ (Rus. *vid žuka*). Following what we have analysed above, the meaning ‘evil spirit’ is not unexpected in relation to the mammoth. However, the third meaning they report is more intriguing, as the authors do not mention the term *kamak* in Chukchi to refer to the mammoth. Ch. Weinstein, referring to A.N. Zhukova and T. Kurebito for the name *təqinewət*, reports in his lexicon the two designations (*kamak* and *təqinewət*) as being synonymous in Chukchi [12, items 94–95], both meaning ‘mammoth’.

³It is worth noting that, surprisingly, W. Jochelson makes no mention of the mammoth when he discusses the concept of the *kamak* in his classic work on the Koryaks.

In reality, the meaning ‘a kind of beetle’ is also linked to the chthonic world, so it is not completely unrelated to its homonyms – homophones and homographs – ‘mammoth’ and ‘evil spirit’. Indeed, W. Bogoras, who translates this term (spelt *təqijewət* [6, p. 329]) as ‘black beetle’, specifies that literally, in Chukchi, it means ‘shining black woman’ [6, p. 329], *təqi* meaning ‘shine’ [10, p. 301] and *ɣew* – ‘female’ [10, p. 195]⁴.

According to the Chukchi, *təqijewət* is a small black beetle considered to be ‘a woman who takes human form and marries a human after having bewitched and killed his first wife. The husband eventually discovers the imposture and kills the ‘brilliant woman’. But before dying she curses her descendants and promises to send them syphilis’ [5, p. 122]. This figure develops in many ways, playing an important role in several Chukchi tales. For example, in a tale entitled ‘About Ėmèmkut’ (Russian: *Ob Ėmèmkute skazka*), the latter marries a beetle-woman and kills her by throwing her into the fire. Before dying, she puts a curse – a disease – on mankind [5, p. 304–305]. In another version, this beetle is a Chuvan woman killed by her Chukchi husband. Before he burned her on a pyre, she ‘cursed his race and promised him all kinds of diseases in the future, especially syphilis’ [5]. W. Bogoras reports another story in which the beetle-woman this time killed her husband when he left her by ‘pouring into his ear water taken from a piece of old sea-ice’ [6, p. 329]. Finally, W. Bogoras also relates a tale in which the Black-beetle-woman strips the Sun’s bride of her clothes (in another version, her skin), conceals her under the roots of the grass and usurps her place by the sun. The Sun’s bride manages to emerge from the ground and gives birth to a son, recognised by the sun when he becomes an adult. Having found his true wife, ‘He asks the Beetle-woman to let him louse her head, and, when running his fingers through her hair, he finds out that she has a beetle-neck. Then he makes a pile of wood in front of the entrance to his house, and burns her. Before dying, the Beetle-woman curses the human race with various diseases, – smallpox, syphilis, and others. She continues cursing mankind until her husband pushes her with a stick farther into the flame, and turns her over, belly upward’ [19, p. 657–658, for another version see 5, p. 176–178].

In an alternative version of this legend, after being burnt alive, the beetle-woman ‘was sent back to this world in the shape of a beetle to announce to

⁴In his Russian-Chukchi dictionary, W. Bogoras gives the following spelling of *təqijewət*: *təqijæwt* (with the unrounded pre-open front vowel [æ]) [8, p. 104], underlining that *ɣew* means, in compound nouns, ‘woman’, ‘female’ (Rus. *ženšina*, *samka*) and that *ɣæwt* is used in the names of mythological women [8, p. 104]. The colour black mentioned in his translation is more open to discussion, W. Bogoras pointing out that ‘black’ is *uw-* in compound names [8, p. 114], which is not found here.

mankind the coming of death. She also created and spread abroad contagious diseases' [6, pp. 329–330]. As we can see, the figure of *təqijewət* resonates in many ways with that of *kamak*. They both share the same negative elements, including a link to disease and, more generally, to death. It is perhaps through these elements, which are closely linked to the term *kamak*, that the extension of *təqijewət* to the figure of the mammoth has taken place.

The words *kamak* and *kemek(e)* related to the beetle in the dialects of the Koryaks

The same terminological association between the words 'mammoth' and 'beetle' can be found in the Koryak dialects. In Chavchoven, T.A. Moll translates *kamak* (together with the meanings 'spirit of the earth' (Rus. *zemljanoj duh*) and 'mammoth' (Rus. *mamont*)) as 'beetle' (Rus. *žuk*) [4, p. 50] and we find exactly the same translations for the same term in V.V. Leontiev and K.A. Novikova [18, p. 172]. A.N. Zhukova and T. Kurebito also report in Chavchoven, for this same term, 'a kind of beetle' (Rus. *vid žuka*) [3, p. 132]⁵. Finally, we find a similar meaning in A.N. Zhukova for the Chavchoven word *kamak*: 'one of the kinds of beetle' (Rus. *odin iz vidov žuka*) [7 in 10, p. 131]. In Palana, we find both in A.N. Zhukova and in A.N. Zhukova and T. Kurebito, the term *kemek*, translated respectively as 'one of the kinds of beetle' (Rus. *odin iz vidov žuka*) [7 in 10, p. 131] and 'a kind of beetle' (Rus. *vid žuka*) [3, p. 132]. In the Alutor dialect, we find, both in I.A. Muraveva and in A.N. Zhukova and T. Kurebito, the term *kamak*, translated respectively as 'beetle' (Rus. *žuk*) [9 in 10, p. 131] and 'a kind of beetle' (Rus. *vid žuka*) [3, p. 132]. Finally, in Karagin we find *kemek* in A.N. Zhukova and T. Kurebito for 'a kind of beetle' (Russian: *vid žuka*) [3, p. 132].

Given these phonetic similarities, M. Fortescue and O.A. Mudrak do not propose the base *kamak* or *kamaka* as the common origin of the term 'beetle' (Rus. *žuk*), but respectively *kæmæk* [10, p. 131] (common origin in Proto-Chukotko-Kamchatkan) and *kaməka* [11, p. 178]⁶ (Proto-Chukotian base without Kamchatkan etymology). It is particularly interesting here to note that neither O.A. Mudrak nor M. Fortescue give a word in Chukchi that would go back to this common etymology in connection with the beetle, M. Fortescue explicitly mentioning its absence. On the other hand, this lexical field around the beetle directly echoes the Chukchi term *təqijewət* meaning, as reported by A.N. Zhukova and T. Kurebito, 'mammoth' [3, p. 132], but also 'evil spirit' (Rus. *zloj duh*) and, specifically, 'a kind of beetle' (Rus.

⁵As for the other entries from this source cited below, the translation 'a kind of beetle' is always given with the meanings 'evil spirit' (Rus. *zloj duh*) and 'mammoth' (Rus. *mamont*).

⁶O.A. Mudrak uses the vowel 'ə' here ('a' with a subscript dot) to represent a mid vowel harmony, between the vowels 'a' and 'e' [11, p. 8].

vid žuka). In other words, three meanings very similar to those of the word *kamak* in Chavchoven reported by T.A. Moll as well as V.V. Leontiev and K.A. Novikova. Moreover, all our sources in Chavchoven and Alutor report the same word – *kamak* – for ‘evil spirit’ (or ‘spirit of the earth’), ‘beetle’ (or ‘one of the kinds of beetle’, ‘a kind of beetle’) and ‘mammoth’. In Palana, all our sources combined, we find the terms *kamak* and *kemek*, (or *kemek(e)*) for these three meanings. In Karagin, our source reports the same word *kamak* and *kemek*, also for the three meanings (‘mammoth’, ‘evil spirit’ and ‘beetle’ or ‘a kind of beetle’). Consequently, it can be established that the Chukchi word *təqijewət* does not harmonise etymologically with the terms *kamak-kemek(e)*, but does harmonise in terms of the meanings they share, namely ‘mammoth’, ‘beetle’ (‘one of the kinds of beetle’ or ‘a species of beetle’) as well as ‘evil spirit’ (or ‘spirit of the earth’), and this is often explicitly stated in the same dictionary, such as, for example, that of T.A. Moll, A.N. Zhukova and T. Kurebito or V.V. Leontiev and K.A. Novikova.

Concerning the Koryaks speaking Alutor, I.S. Vdovin informs us that, ‘*Kamak* is a harmful creature, in nature it is a beetle. It lives in the earth. It doesn’t harm humans directly but it can create earthquakes, spew smoke and lava from volcanoes, which is why there are *jekamaku* – ‘mountain kamak’. They walk underground in the form of a mammoth – *rənəkamak* (‘horned kamak’)’ [2, p. 94].

The form *rənəkamak* could therefore have been used in its diminutive form *kamak*, linking the figures of the beetle (a particular form of ‘horned’ beetle) and the mammoth. This representation coincides particularly well with the notion ‘spirit of the earth’ reported by T.A. Moll [4, p. 50] and V.V. Leontiev and K.A. Novikova [18, p. 172] linked to the traditional *geoplasical* function of the mammoth in Siberia (i.e. the modification of the natural landforms) [20], perhaps revealing the existence of this representation among the Chavchuvens too.

Finally, it should be noted that we find in Chavchoven the term *t(ə)qil’ğəjet*⁷, which is phonetically close to the Chukchi term *təqijewət*, meaning ‘shine’ [10, p. 301]⁸. T.A. Moll also has the Chavchoven verb *təqil’gəetək* meaning ‘glitter, shine, sparkle’ (Rus. *blesnut*’, *blestet*’, *sverkat*’) [4, p. 94]. We remember that in Chukchi, as Bogoras emphasises, *təqijewət* literally means ‘shining black woman’ [6, p. 329]. However, in Chavchoven, the terms *t(ə)qil’ğəjet* and *təqil’gəetək* only refer to the notion of brilliance, with no meaning referring to the term ‘beetle’ [10, p. 301].

⁷The phonetic transcription [j] transcribes a secondary articulation based on palatalisation.

⁸*Tqil’ğərrat* in Palana, Alutor and Karagin, with the same meaning as in Chavchoven [10, p. 301].

Conclusion

As we emphasised in our introduction, our objectives were both to analyse the terms used by the Koryaks and the Chukchi to name the mammoth, and to lay the theoretical foundations of the plural interconnections between these peoples around this figure. Taking into account the various elements brought up throughout our analyses, we can formulate the following hypothesis clarifying the different terms related to the mammoth: the form *kamak* being relatively recent among the Chukchi to define the mammoth and being largely linked to the animal's ivory, the term *təqijewət* did not, unlike the linguistic situation among the Koryaks, conflict with another term to designate this figure. This hypothesis is reinforced by M. Fortescue and O.A. Mudrak's supposition that Chukchi is not related to the proto-term *kæmæk* or *qaməka*, meaning 'beetle' and by the fact that M. Fortescue does not report a common Proto-Chukchi basis for 'mammoth' (unlike O.A. Mudrak who, in the context of our hypothesis, would therefore make an erroneous extrapolation). Among the Koryaks, the term 'horned beetle' already existed to define the mammoth, based on I.S. Vdovin's material. Thus, the noun *mammoth-beetle* based on the proto-base *təqi-tqi* did not have the semantic space to be developed in this direction, remaining therefore centred only on meanings related to 'shininess'. On the contrary, among the Chukchi, the field was open for the development of the term *təqijewət*, generally linking the notions of 'mammoth' and 'beetle' in a chthonic tonality, developing – or relating to – the figure of the 'shining black woman'. The innovative elements brought up in this article deserve further examination, particularly based on field research, but they have the merit of opening the way to a critical look at the linguistic interconnections between the Chukchi and the dialects spoken by the Koryaks in relation to the mammoth, which are inseparable from its representations. Furthermore, a more extensive study focusing on the conceptions and functions of the figure of the mammoth among the Chukchi and the Koryaks, in relation to its nominations and in connection with its natural landforms modification function, would expand and deepen the overview provided by our analysis.

References

1. Bogoras W. Chukchee mythology. *The Jesup North Pacific Expedition*. Vol. 8, Part 1. New York: American Museum of Natural History. 1910.
2. Vdovin IS. *Essays on the ethnic history of the Koryaks* (Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков). Leningrad: Nauka. 1973.
3. Zhukova AN, Kurebito T. *A basic topical dictionary of the Koryak-Chukuchi languages*. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies. 2004.
4. Moll TA. *Koryak-Russian Dictionary* (Молл Т.А. Корякско-русский словарь). Leningrad: Uchpedgiz. 1960.
5. Bogoraz VG. *Materials on the study of the Chukchi language and folklore, collected in the Kolyma District by V.G. Bogoraz. Part I. Examples of Chukchi folk literature (texts with translations and retellings). Works of the Yakut expedition, equipped with funds from I.M. Sibiryakov* (Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.Г. Богоразом. Часть I. Образцы народной словесности чукоч (тексты с переводами и пересказы). Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова). Section 3, v. XI, part III. St. Petersburg: printing house of the Imperial Academy of Sciences. 1900.
6. Bogoras W. The Chukchee. Religion. *The Jesup North Pacific Expedition*. New York: American Museum of Natural History. 1907.
7. Zhukova AN. *Language of the Palan Koryaks*. Leningrad: Nauka. 1980 (in Russian).
7. Zhukova AN. *Language of the Palan Koryaks* (Жукова А.Н. Язык паланских коряков). Leningrad: Nauka. 1980.
8. Bogoraz VG. *Luoravetlan-Russian (Chukchi-Russian) dictionary* (Богораз В.Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь). Moscow-Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House. 1937.
9. Muraveva IA. *Comparative study of the morphology of the Chukchi, Koryak, and Alyutor Languages*. Doctor's dissertation (Philology) (Муравьева И.А. Сопоставительное исследование морфонологии чукотского, корякского и алыторского языков). Moscow: Moscow State University. 1979.
10. Fortescue M. *Comparative Chukotko-Kamchatkan dictionary*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 2005.
11. Mudrak OA. *Etymological dictionary of the Chukchi-Kamchatka languages* (Мудрак О.А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков). Moscow: Languages of Russian culture: Koshelev. 2000.
12. Weinstein Ch. *Miscellanées tchouktches. Lexique thématique. Animals (except reindeer; sea mammals, insects, birds, fish)*. Available at: <http://charles.weinstein.free.fr/chukches/LEX/Lex-Animaux-fr.html> (accessed: 16.02.2025).

13. Moll TA, Inenlikei PI. *Chukchi-Russian Dictionary*. (Молл Т.А., Инэнликэй П.И. Чукотско-русский словарь). Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. 1957.

14. Inenlikei PI. *Chukchi-Russian and Russian-Chukchi dictionary* (Инэнликэй П.И. Словарь чукотско-русский и русско-чукотский). Leningrad: Education. 1982.

15. Forsyth J. *A history of the peoples of Siberia: Russia's North Asian colony 1581–1990*. Cambridge: Cambridge University Press. 1994.

16. Vdovin IS. Eskimo elements in the culture of the Chukchi and Koryaks (Вдовин И.С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков). *TIE. Scientific collection*. 1961;(64):27–64.

17. Vanhonnacker M. The image of the mammoth in the ritual dimension of the Sakha people: the formation of a new identity (Ванхоннакер М. Образ мамонта в ритуальном измерении народа саха: формирование новой идентичность). *Traditional rituals as a manifestation of a remembering culture: resources and strategies of the symbolic capital of the steppe Eurasia. Proceedings of the international scientific and practical conference*. Astana: Altyn. 2023:64–73.

18. Leontiev VV, Novikova KA. *Toponymic dictionary of the North-East of the USSR* (Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР). Magadan: Magadan book Publishing House. 1989.

19. Bogoras W. The folklore of Northeastern Asia, as compared with that of Northwestern America. *American Anthropologist*. 1902;4(4):577–683.

20. Vanhonnaeker M. The Mammoth figure in geo-cultural representations of Northeastern Siberian peoples (myth, functions, geoplasy) (Ванхоннакер М. Фигура Мамонта в геокультурных представлениях народов Северо-Восточной Сибири (миф, функции, геоплазия)). *North-Eastern Journal of Humanities*. 2023;3(44):37–47. DOI: <https://doi.org/10.25693/SVGV.2023.45.4.003>

About the author

VANHONNAEKER Mathieu – PhD, Director, Research Centre for Cultural Mammothology (CeRMaC), Brussels, Belgium, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4350-8651>, WoS ResearcherID: MGT-2781-2025, e-mail: m.vanhonnaeker@cermac.org

Об авторе

ВАНХОННАКЕР Матье – Ph.D., директор, Исследовательский центр культурной мамонтологии (CeRMaC), Брюссель, Бельгия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4350-8651>, WoS ResearcherID: MGT-2781-2025, e-mail: m.vanhonnaeker@cermac.org

Conflict of interests

The author declares that he has no competing financial interests or personal relationships that could influence the research reported in this article

Конфликт интересов

Автор заявляет, что у него нет никаких конкурирующих финансовых интересов или личных отношений, которые могли бы повлиять на исследование, представленное в настоящей статье

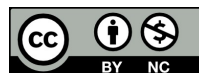
Submitted / Поступила в редакцию 07.02.2025

Revised / Поступила после рецензирования 01.03.2025

Accepted / Принята к публикации 10.03.2025

УДК 811.554

<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-32-53>

Оригинальная научная статья

**Заимствования в юкагирском языке:
якутский словообразовательный аффикс *-лаа*
в речи тундровых юкагиров**

С. Н. Курилова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Российская Федерация
✉ samonakur@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальной и малоисследованной теме иноязычного влияния на язык юкагиров – представителей одного из крайне малочисленного этноса северо-восточной части Сибири, численность носителей которых составляет менее 50 человек, в основном проживающих в Нижнеколымском и Верхнеколымском районах Республики Саха (Якутия). Недавние исследования показали, что в речи тундровых юкагиров выделяется небольшая по своему составу группа русских по своему происхождению слов, заимствование которых не было бы возможно без участия аффиксальной морфемы *-лаа* из якутского как языка-посредника. Установлено, что употребление заимствованных основных якутских алломорфов *-лаа*, *-наа*, *-даа*, *-таа* в юкагирском языке согласуется с последним звуком основы, как и в языке-источнике. По признаку освоенности выделяются неадаптированные, частично адаптированные (с усвоением корневой части или аффикса) и адаптированные формы с *-лаа*, часть из которых относительно частотна в речи носителей и встраивается в грамматическую систему принимающего языка. Со структурно-морфологической точки зрения глаголы, как заимствованные в готовом виде, так и созданные по аналогии с якутскими словообразовательными моделями, выступают существительные, императивные формы глаголов и междометие. Автором дана хронологически-частотная характеристика, согласно которой глаголы с *-лаа* следует считать фактами советского периода и речевой стратегией одного носителя, хотя небольшое количество таких лексем нашло отражение в двуязычном словаре. Усвоение якутского аффикса *-лаа* стало возможным благодаря распространенному полилингвизму среди юкагиров и структурной близости юкагирского и якутского языков.

© Курилова С. Н., 2025

Ключевые слова: язык тундровых юкагиров, якутский язык, русский язык, части речи, лексема, аффикс, аллофон, заимствование, ассимиляция, разговорная речь, частотность

Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616)

Для цитирования: Курилова С.Н. Заимствования в юкагирском языке: якутский словообразовательный аффикс *-лаа* в речи тундровых юкагиров. *Арктика XXI век*. 2025;(1):32–53. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-32-53>

Original article

Borrowings in the Yukaghir language: Yakut derivational affix *-laa* in the speech of the Tundra Yukaghirs

Samona N. Kurilova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russian Federation

✉ samonakur@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a relevant and under-researched topic of foreign language influence on the Yukaghir language, spoken by one of the smallest ethnic groups in the northeastern part of Siberia, with fewer than 50 speakers, primarily residing in the Low Kolyma and Upper Kolyma regions of the Sakha Republic (Yakutia). Recent studies have shown that in the Tundra Yukaghir speech, there is a small group of Russian words, the borrowing of which would not have been possible without involvement of the affixal morpheme *-laa* from Yakut as an intermediary language. It has been established that the use of borrowed Yakut allomorphs *-laa*, *-naa*, *-daa*, *-taa* in Yukaghir aligns with the final sound of the stem, as in the source language. Based on the degree of assimilation, non-adapted, partially adapted (with assimilation of either the root or the affix), and fully adapted forms with *-laa* are distinguished, some of which are relatively frequent in the speech of native speakers and are integrated into the grammatical system of the recipient language. From a structural-morphological perspective, verbs, whether borrowed as complete forms or created by analogy with Yakut word-formation patterns, include nouns, imperative verb forms, and an interjection. The author provides a chronological-frequency analysis, according to which verbs with *-laa* should be considered phenomena of the Soviet period and the speech strategy of one speaker, although a small number of such

lexemes are reflected in a bilingual dictionary. The assimilation of the Yakut affix *-laa* became possible due to the widespread multilingualism among the Yukaghirs and the structural similarity between the Yukaghir and Yakut languages.

Keywords: Tundra Yukaghir language, Yakut language, Russian language, parts of speech, lexeme, affix, allophone, borrowing, assimilation, colloquial speech, frequency.

Funding. The research was funded by the grant № 075-15-2021-616 from the Government of the Russian Federation for the project “Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation”

For citation: Kurilova S.N. Borrowings in the Yukaghir language: Yakut derivational affix *-laa* in the speech of the Tundra Yukaghirs. *Arctic XXI Century*. 2025;(1):32–53 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-32-53>

Введение

Юкагирский язык является одним из древних языков Северной Азии, на котором говорили несколько юкагирских племен, занимавших не одну сотню лет значительную часть территории современной Якутии (Россия) и даже за ее пределами. До наших дней сохранились лишь две территориально изолированные группы юкагиров: тундровые или северные юкагиры (самоназвание *вадулы*) проживают в Нижнеколымском, Аллаиховском, Среднеколымском и Усть-Янском районах Республики Саха (Якутия), в то время как лесные или южные юкагиры (самоназвание *оулы*) – на Верхней Колыме Якутии, а также в Магаданской области и Чукотском автономном округе. Идиомы этих двух локальных групп различаются на уровне фонетики, лексики и морфологии [1; 2; 3; 4], что и является одной из основных причин, почему у юкагиров не установился литературный язык [5]. Особенно ощутимо различается лексика. Установлено, что лексические соответствия между юкагирскими стословниками составляют менее половины (47%), что позволило установить вероятное время расхождения северо- и южно-юкагирских языковых ареалов – 1350 г. до н.э. [6; 7]. Действительно, наши подсчеты по юкагирским двухсловникам на платформе «ЛингвоДок» дали результат сходства менее 40% (<https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7726/1/perspective/7726/2/edit>). Также были сопоставлены юкагирские материалы на уровне фонетики и морфологии, которые не дали такого существенного различия, как лексика. Такое расхождение в лексике, очевидно, связано с результатом контактов юкагиров с другими народами. Примерно с XII века в Сибири начинаются активные миграционные процессы, оказавшие влияние на образ жизни и культу-

ру юкагиров. Давление тунгусов с запада, чукчей и коряков с востока, а позднее якутов с юга и русских колонизаторов привело к вытеснению юкагиров с их некогда исконных земель на север. Вынужденное соседство юкагиров с пришлыми народами привело к изменениям и развитию их культуры на основе взаимодействия культурных традиций и практик, межэтнических браков, совместных миграций. Это очевидным образом отразилось, во-первых, на языке юкагиров, который сегодня содержит элементы корякского, чукотского, эвенкийского, эвенского, якутского и русского языков практически на всех уровнях языковой системы, а, во-вторых, на языковом репертуаре тундровых юкагиров, в местах проживания которых некогда было распространено многоязычие. В.И. Иохельсон в своем труде «Одульский (юкагирский) язык» (1934) первым обратил внимание на наличие довольно освоенных юкагирским языком тунгусизмов [8]. Позднее Е.А. Крейнович предложил сопоставления с самодийскими, тюркскими, чукотско-корякскими, тунгусскими и другими языками [2; 9; 3]. Сегодня некоторые аспекты языковых контактов в юкагирском языке были в той или иной степени рассмотрены рядом современных исследователей, как Г.Н. Курилов (2003), А.А. Буркин (2003), Е.С. Маслова (2003), И.А. Николаева (2006), Д. Матич (2008), П. Пииспанен (2013, 2018, 2020), С.Н. Курилова (2022) [4; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]. Однако, многие аспекты иноязычного влияния в юкагирском языке остаются недостаточно или совершенно неописанными. Исследования иноязычной лексики позволили обратить внимание на такие малоисследованные явления как морфологические показатели. В данной статье мы предпринимаем попытку дать насколько возможно полное описание одного из самого употребительного в юкагирской речи якутского аффикса *-лаа*, что крайне важно для понимания грамматико-адаптивных особенностей языка в поликультурных условиях.

Материалы и методы

Предпринятое исследование предполагает использование разнообразных материалов и методов, позволяющих детально описать и проанализировать иноязычные морфологические элементы в словообразовательной структуре юкагирского языка. В качестве материалов используются текстовые корпуса, включающие письменные и устные источники (фольклор, художественные произведения, разговорную речь), а также словари и грамматические описания, дающие представления о фокусных морфемах как в языке-источнике, так и в принимающем языке. Для изучения находящихся на грани исчезновения младописьменных и малоописанных языков особо значимы полевые данные, полученные в результате работы с носителями языка, поэтому данное исследование

предполагает использование личных полевых материалов, которые могут свидетельствовать о степени интегрированности иноязычных элементов в живой речи юкагиров. Полученные результаты найдут отражение в электронной базе по заимствованиям в юкагирском языке, разрабатываемой с 2015 г. в рамках НИР Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН). Благодаря применению различных лингвистических методов (компонентный, структурный, статические и др.) автор предлагает рассматривать якутский морфологический аффикс как достаточно интегрированную морфему в словообразовательной системе юкагирского языка, функционирование которой не нарушает законов принимающего языка и способствует его адаптации к новым потребностям своих носителей в современных условиях.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования иноязычного материала в языке тундровых юкагиров наряду с заимствованными глаголами также были выявлены заимствованные словообразовательные аффиксы, встроившиеся в морфологическую систему принимающего языка и выполняющие особую роль в ассимиляционных процессах. В целом в языке тундровых юкагиров доля заимствованных глаголов составляет около трех процентов из всех выявленных инолексем, например:

юк. *тилбаа-* ‘топтать, растоптать; раздавить’ [18, с. 464; 19, с. 27, 82] < эв. берез. *тилбаадай, тилбаалдай* ‘раздавить, расплющить, размять’ [20, с. 247]

(1) *Тидэ-н тудэ корэ-н вальбарэ-банэ саал-ба пай-ду-ллэк пай-ду-ллэк тилба-льэ-с-тэлэк мэ поньим.*

INVS-AT 3SG.POSS черт-GEN половина-ACC дерево-LOC ударить-MULT-CVB ударить-MULT-CVB раздавить.EV-STAT-CAUS-CVB AFF оставить-3SG.TR

‘Ту свою половину черта об дерево (несколько раз) ударив и расплющив, оставил’ [21, р. 24]

юк. *батаа-* ‘сдерживать, удерживать, притеснять’ [12, р. 116] < як. *баттаа-* ‘давить, нажимать; угнетать, притеснять; обижать’ [22, с. 404; 23, с. 67]

(2) *Ту-н-ньэ-н идьиз-нэ мон-уол-дэ, чама-д-алдьэ батта-л-ба сабанэ-йли.*

PRXM-AT-IDR-FC сейчас-TMP сказать-RES-CVB большой-GEN-рука притеснять.YAK-NR-LOC сидеть-1PL.INTR

‘Так (это) теперь скажем, под гнетом царя жили’ [2, с. 259]

юк. *толдич*- ‘переводить’ < рус. диал. *толдычь* 2 ед. повел. от *толдычить, толмачить* [24, с. 610]

(3) *Тудэ-л ат толдич-и.*

3SG-NOM IRR переводить-3SG.INTR

‘Он бы переводил’ [18, с. 469]

Однако, вместе с иноязычными глаголами в юкагирский язык проникли и определенные морфологические явления, без которых сегодня не стала бы возможной адаптация лексем из других языков окружения. Речь идет о якутском продуктивном словообразовательном аффиксе *-лаа*, который и в якутском языке также способствует усвоению многих русских глаголов [25, с. 219].

Аффикс *-лаа* в якутском языке

Собственно, в якутском языке благодаря словообразовательному аффиксу *-лаа* практически от любого слова могут быть продуцированы глагольные основы. В зависимости от конечного звука основы аффикс *-лаа* формально варьируется [27, с. 98]:

– если основа заканчивается на гласный звук, то употребляется аффикс *-лаа* и его варианты *-лээ*, *-лоо*, *-лөө* (напр., юк. *оҕо* ‘ребенок’ > *оҕолоо*- ‘присматривать за ребенком’ [23, с. 265]);

– если основа заканчивается на согласные звуки *к, н, с, х, т*, то имеет место аффикс *-таа* и его варианты *-тээ*, *-тоо*, *-төө* (напр., юк. *ньуолах* ‘пух’ > *ньуолахтаа*- ‘ощипывать (птицу)’ [23, с. 262]);

– если конечными звуками основы являются *й* и *р*, то примыкает аффикс *-даа* и его варианты *-дээ*, *-доо*, *-дөө* (напр., юк. *ангар* ‘половина чего-либо’ > *ангардаа*- ‘делить пополам, на две части’ [23, с. 43]);

– если конечные звуки основы это сонанты *м, н, ɲ*, то употребляется аффикс *-наа* и его варианты *-нээ*, *-ноо*, *-нөө* (напр., юк. *айан* ‘дальний путь, дальняя дорога’ > *айаннаа*- ‘отправляться в путь, в дорогу; путешествовать’ [23, с. 33]).

Будучи одной из самых продуктивных и универсальных морфем в якутском языке, аффикс *-лаа* способен образовывать глаголы от разных частей речи:

– от существительных: юк. *үлэ* ‘работа’ > *үлэлээ*- ‘работать, трудиться’ [25, с. 215; 28, с. 442, 444];

– от прилагательных: *ыраас* ‘чистый, опрятный, сверкающий чистотой’ > *ыраастаа*- ‘чистить, очищать, вычищать, удалять грязь с кого-чего-л.’ [25, с. 218; 29, с. 461, 466];

– от числительных: *бэһис* ‘пятый’ > *бэһистээ*- ‘делать в пятый раз’ [25, с. 218];

– от местоимений: *ханна* ‘где, в каком месте, куда’ > *ханналаа*- ‘идти, направляться куда-л.’ [25, с. 218; 30, с. 291];

– от наречий: *наһаа* ‘слишком, чересчур, очень’ > *наһаалаа* ‘перейти меру в чем-л., переборщить, хватить через край’ [25, с. 218; 31, с. 467];

– от междометий: *айыкка* передает боль > *айыккалаа* ‘ойкать, охать (от боли); стонать, стенать’ [25, с. 218; 32, с. 355];

– от звукоподражаний: *кылыр* ‘легкий звон, возникающий при ударе друг о друга мелких металлических или стеклянных предметов’ > *кылырдаа* ‘с определенным интервалом издавать звякающие звуки, побрякивать, позвякивать’ [25, с. 218; 33, с. 248, 250];

– от образных слов: *лэппэй* ‘иметь срезанный верхний конец, вершину, макушку при небольшой толщине (о ком-чем-л.)’ > *лэппэннээ* ‘двигаться, будучи коротким и толстым’ [25, с. 218; 31, с. 167–168; 34, с. 87].

Как упоминалось выше, аффикс *-лаа* в своей фонетической парадигме также участвует в ассимиляции русского лексического материала в якутском языке. При ассимиляции русских слов исследователи якутского языка отмечают несколько типов переноса из языка-источника материала для образования глагольных форм. Во-первых, происходит перенос имени существительного, от которого продуцируется глагол посредством аффикса *-лаа* (напр., рус. *ондатра* + як. *-лаа* ~ *-даа* > як. *андаатардаа* ‘охотиться на выдру’, рус. *старт* + як. *-лаа* ~ *-таа* > *стартаа* ‘стартовать’ [23, с. 41, 338]).

Во-вторых, переносится русский глагол во 2-м лице единственного числа в повелительном наклонении, оформленный либо якутской морфемой *-лаа*, либо вспомогательными глаголами *гын* ‘делать’ или *буол* ‘быть’ (напр., рус. *толкай* + як. *-лаа* > як. *талкайдаа* ‘толкать’ [25, с. 219], рус. *утверди* + як. *гын* > як. *тэбэрдии гын* ‘утверждать’ [34, с. 149], рус. *(ис)порти* + як. *буол* > як. *буол* ‘(ис)портиться’ [35, с. 2000]).

Во-третьих, переносу подвергается финитная форма русского глагола без оформления каким-либо аффиксом языка-реципиента, в результате чего образуется либо глагол, либо предикативное наречие (напр., рус. *твердись* от *твердить* > як. *тэбэрдис* ‘твердить, внушать’, рус. *не видал* 3 ед. > як. *нымыдаал* ‘совершенно нет’) [36, с. 176, 169].

Таким образом, для носителя якутского языка русский глагол в повелительном наклонении и финитной форме воспринимается как именное слово, обозначающее предмет (субстанцию) и служащее основой для построения глагольной формы через оформление продуктивным аффиксом *-лаа*, а также вспомогательными глаголами *гын* ‘делать’ и *буол* ‘быть’, так как, например, аффикс *-лаа* характерен главным образом глаголам, производным от имен существительных [37,

с. 128; 34, с. 147]. Однако, по мнению некоторых исследователей, часть русских глаголов в повелительном наклонении не прошли этап субстантивации, и к ним относятся многие аналитические формы со вспомогательными глаголами *гын* ‘делать’ и *буол* ‘быть’, не имевшие до этого сочетаемости со словообразовательным аффиксом *-лаа* (напр., рус. *звони* 3 л. повел. + як. *гын* / *буол* > як. *субуоньуу гын* ‘звонить во что-либо’, *субуоньуу буол* ‘звонить (о колоколе)’ [36, с. 172–178]. Самостоятельно русские глаголы в повелительном наклонении или финитной форме в якутской речи не употребляются, за исключением тех, что выступают в качестве имен существительных, как, например, *бэрэ-мэдэи* ‘переметные сумы’ (от рус. *переметай*), *мээрэй* ‘мерка’ (от рус. *меряй*), *уусунаи* ‘ужин’ (от рус. *ужинай*) и др. [22, с. 432; 35, с. 1561; 38, с. 3090].

Якутский аффикс *-лаа* в юкагирском языке

Анализ выявленной иноязычной лексики в языке тундровых юкагиров позволил выделить отдельную, небольшую по своему составу группу слов, а именно русских глаголов, которым характерно вхождение в категорию глаголов посредством заимствованного из якутского языка словообразовательного аффикса *-лаа*. Как и в языке-источнике, данный аффикс обладает формальной вариативностью в зависимости от того, каким звуком завершается основа слова:

- если основа завершается гласным звуком, то употребляется аффикс *-лаа* (напр., рус. *прости* + як. *-лаа* > юк. *парасчилаа*- ‘простить’);
- если основа заканчивается на согласный звук, как, например, *г*, то реализуется алломорф *-таа* (напр., рус. *утюг* + як. *-таа* > юк. *утюг-таа*- ‘гладить утюгом’);
- если конечный звук основы сонорные *й* или *р*, то реализуется алломорф *-даа* (напр., рус. *повторяй* + як. *-даа* > юк. *повторяйдаа*- ‘повторить’, рус. *повар* + як. *-даа* > юк. *повардаа*- ‘быть, работать поваром’);
- если в конце основы сонант, как, например, *н*, то реализуется алломорф *-наа* (напр., рус. *ремонт* + як. *-наа* > юк. *ремоннаа*- ‘ремонтировать’).

Заимствованию подверглись только основные алломорфы якутской морфемы: *-лаа*, *-наа*, *-даа*, *-таа*. Другие фонетические варианты этих аффиксов (как *-лээ*, *-лоо*, *-лөө*, *-тээ*, *-тоо*, *-төө*, *-дээ*, *-доо*, *-дөө*, *-нээ*, *-ноо*, *-нөө*) или вспомогательные глаголы *гын* ‘делать’ и *буол* ‘быть’ не характерны юкагирской речи.

В целом в языке тундровых юкагиров глагольные основы с аффиксом *-лаа* и его аллофонами по признаку освоенности делятся на следующие типы:

– неассимилированные переносы: як. *куоластаа*- ‘голосовать, отдавать голос (на выборах); голосовать (на дороге)’ [22, с. 1225; 23, с. 189; 39, с. 489–490] > юк. *куоластаа*- ‘голосовать’ [17, с. 216], як. *салааскалаа*- ‘кататься на салазках’ [23, с. 311] > юк. *салааскалаа*- ‘кататься на салазках’ [17, с. 160, 168, 232], як. *укуоллаа*- ‘ставить укол, вводить инъекцию’ [28, с. 111] > юк. *укуоллаа*- ‘ставить укол’¹, як. *чаайдаа*- ~ *чэйдээ*- ‘пить чай, пить за столом чай и есть’ [28, с. 70, 289] > юк. *чаайдаа*- ‘пить чай’²;

– переносы с ассимилированной основой: як. *кырааскалаа*- ‘красить (что-л. краской); придавать чему-л. особый колорит, оттенок; приукрашивать действительность, рассказывать, приукрашивая, присочиняя’ [23, с. 209; 32, с. 300] > юк. *кырааскалаа*-, *краскалаа*- ‘(рас)красить, окрашивать’ [17, с. 222], як. *обуойдаа*- ‘покрывать, оклеивать обоями’ [40, с. 196] > юк. *обойдаа*- ‘оклеить обоями’ [17, с. 226], як. *саахыматтаа*- ‘играть в шахматы; содействовать кому-л. в приобретении шахмат’ [23, с. 307; 41, с. 107] > юк. *саахмэттаа*- ‘играть в шахматы’ [17, с. 168, 240], як. *уруһуйдаа*- ‘рисовать; изображать что-л. с помощью образов’ [23, с. 442; 27, с. 265] > юк. *ирисуйдаа*- ‘(на)рисовать’ [17, с. 167, 231];

– переносы с ассимилированным аффиксом: як. *кэнсиэрдээ*- ‘смотреть концерт, быть на концерте’ [32, с. 500] > юк. *кэнсиэрттаа*- ‘давать концерт’³ [17, с. 160];

– ассимилированные переносы: як. *буутайдаа*- ‘путать, сбивать с толку кого-л.; ничем не довольствоваться, все капризничать’ [23, с. 87; 34, с. 147; 42, с. 607] > юк. *пуутэйдэ*- ‘(за)путать’ [17, с. 167, 231].

Небольшая часть таких глаголов даже включена в двуязычный словарь (Курилов, 2001), однако многие из них довольно частотны в речи носителей тундрового юкагирского и без усилий встраиваются в грамматическое окружение принимающего языка. Например:

(4) *Ньиэдьи-л чун-рэлэк, ирисуйдаа-ни-к: ньарха-йэwлидьэ ирисуйдаа-рэлэк, ал-у-н ньимэлэ-с-ни-к «ньарха-йэwлидьэ».*

рассказать-NR читать-CVB рисовать.YAK-PL-IMP.2 новорожденный-оленок рисовать.YAK-CVB под-0-PROL написать-CAUS-PL-IMP.2 новорожденный-оленок

‘Рассказ прочитай, нарисуйте: новорожденного олененка нарисовав, внизу напишите «новорожденный олененок»’ [43, с. 47];

¹Материалы автора, 2011 г.: информант 1941 г.р., г. Якутск, Республика Саха (Якутия).

²Материалы автора, 2012 г.: информант 1952 г.р., п. Черский, Нижнеколымский района, Республика Саха (Якутия).

³Материалы автора, 2012 г.: информант 1945 г.р., п. Черский, Нижнеколымский района, Республика Саха (Якутия).

(5) *Маарха-дьэ-н ту-н көдэ-н куорат-инь мэ кэwэ-ч нада-rawэ кудэ-риэ-чэ-р, куоластаа-чэ-р.*

один-FRQ-FC PRXM-AT человек-FC город. YAK<RUS-DAT AFF уходить-3SG.INTR волк-шкура класть-CAUS-AM-CVB голосовать. YAK-AM-CVB

‘Однажды этот человек поехал в город платить ясак и голосовать’ [44, с. 446];

(6) *Кирааскалаа-л дитэ пугэ-чэ көөйлэ-лэк эйк waбадиилиэ көөйлэ-лэк мэт сукун мэ мойиэ-т.*

красить.YAK-NR как быть.теплым-PTCP кусочек-INS или ткань кусочек-INS 1SG одежда трогать-FUT.1

‘Словно раскрашивая, пучком шерсти или кусочком ткани я одежду натру’ [45, р. 264];

(7) *Ту-н гөдэ пойу-му-дабанэ, чунрэ-пул-ги мэ пуутэйдэ-ну-тэ-й.*

PRXM-AT человек быть.много-TRNSF-CVB мысль-PL-POSS.3 AFF путать.YAK-PL-FUT-3

‘Когда тех людей станет много, их мысли запутаются’ [42, с. 444]

(8) *О, ханьинэгэ! Салааскалаа-тэ-йли!*

INTJ PTL кататься.на.санках.YAK-FUT-1PL.INTR

‘О, конечно же! На санках покатаемся!’ [46, с. 57];

Небольшая часть глаголов с *-лаа* представляет собой результат творческого подхода самих юкагирских носителей, которые по образцу якутских глаголов интегрировали в свой родной язык некоторые русские основы.

юк. *пастууктаа*- ‘работать пастухом, пастушить’ [17, с. 227] (ср. рус. пастух> як. *бостууктаа*- ‘быть, работать пастухом’ [45, с. 412]), например:

(9) *Льэ-йэнг пастуук-таа-ну-йэнг.*

быть-1SG.INTR пастух.RUS-VR.YAK-PROG-1SG.INTR

‘Вот я пастушила’⁴

юк. *утюгтаа*- ‘гладить утюгом’ [17, с. 90, 237] (ср. рус. утюг > як. *өтүүктээ*- ‘утюжить, гладить утюгом’ [40, с. 497]), например:

(10) *Лавйэ-лэк порчаб-ии-рэлэк утюг-таа-к.*

вода-INS брызгаться-APPL-CVB утюг.RUS-VR.YAK-IMP.2

‘Погладь, водой сбрызнув’ [18, с. 384]

При этом некоторые глаголы с *-лаа*, очевидно, относятся к неосвоенным переносам в связи с тем, что многие из них пока еще не отражены

⁴ Материалы автора, 2011 г.: информант 1941 г.р., г. Якутск, Республика Саха (Якутия).

в словарях, однако употребляются в разговорной речи якутскими носителями. К ним относятся:

як. разг. *звоннаа-* ‘звонить по телефону’ (ср. *звони гын* ‘звонить по телефону’ [34, с. 148]) > юк. *звоннаа-* ‘звонить (по телефону)’ [17, с. 218], например:

(11) *Мэт амаа-нь ат звон-наа-һ.*

1SG.POSS отец-DAT IRR звон. YAK<RUS-VR.YAK-1SG.TR

‘Мне нужно бы позвонить отцу’ [47, с. 17]

як. разг. *повардаа-* ‘быть, работать поваром’ [23, с. 296] (ср. як. *бу-обар* ‘повар’ [34, с. 220]) > юк. *повардаа-* ‘быть, работать поваром’ [17, с. 168, 228], например:

(12) *Истолбуй-бэ Аксиныя энһиэ повар-даа-ну-й.*

столовая. YAK<RUS-LOC А. мать повар.YAK<RUS-VR.YAK-PROG-3SG.INTR

‘В столовой мама Аксиныя поваром работает’ [48, с. 39]

як. разг. *проверкалаа-* ‘проверять’ (ср. як. *бэрибиэркэлээ-* ‘проверять’ [42, с. 883]) > юк. *проверкалаа-* ‘проверять’, например:

(13) *Эһи-н уу-чиһ-л чайлэ-бэ ураа-ри-ч-уо-л повторяй-даа-тэ-й, проверка-лаа-тэ-й.*

сначала-ADV проходить-DLMT-PTCL день-LOC учиться-CAUS-MULT-RES-NR повторять.RUS-VR.YAK-FUT-1PL.INTR проверка. YAK<RUS-VR.YAK-FUT-1PL.INTR

‘Сначала повторим, проверим вчерашнюю тему’ [49, с. 29]

як. разг. *ремоннаа-* ‘ремонттировать’ (ср. як. *өрөмүөннээ-* ‘ремонттировать что-л.’ [40, с. 458]) > юк. *ремоннаа-* ‘ремонттировать’, например:

(14) *Таат уудэк гараж-хэ чаҕадыэ-й; трактор-нэ-лэ ремонт-наа-м.*

так всегда гараж.RUS-LOC работать-3SG.INTR трактор.RUS-PL-ACC ремонт. YAK<RUS-VR.YAK-3SG.TR

‘Так все время работает; тракторы ремонтирует’ [48, с. 57]

Источниками для построения как полностью заимствованных, так и образованных по образцу якутских глаголов в юкагирском языке выступают:

1) имена существительные

рус. *звон* + як. *-наа* > юк. *звоннаа-* ‘звонить по телефону’;

рус. *голос* + як. *-таа* > юк. *куоластаа-* ‘голосовать’;

рус. *концерт* + як. *-таа* > юк. *кэнсиэртаа-* ‘давать концерт’;

рус. *краска* + як. *-лаа* > юк. *краскалаа-* ‘красить’;

рус. *обои* + як. *-даа* > юк. *обойдаа-* ‘оклеить обоями’;

рус. *пастух* + як. *-таа* > юк. *пастууктаа-* ‘пастушить’;

рус. *повар* + як. *-даа* > юк. *повардаа*- ‘быть, работать поваром’;
рус. *проверка* + як. *-лаа* > юк. *проверкалаа*- ‘проверить’;
рус. *ремонт* + як. *-наа* > юк. *ремоннаа*- ‘ремонтировать’;
рус. *салазки* + як. *-лаа* > юк. *салааскалаа*- ‘кататься на салазках’;
рус. *укол* + як. *-лаа* > юк. *укуоллаа*- ‘ставить укол’;
рус. *утюг* + як. *-таа* > юк. *утюгтаа*- ‘гладить утюгом’;
рус. *чай* + як. *-даа* > юк. *чаайдаа*- ‘пить чай’;
рус. *шахматы* + як. *-таа* > юк. *сахтэттаа*- ‘играть в шахматы’.
Например:

(15) *Ирисууй-нэ тит-эйлэк краска-лаа-ни-к, чала-й-ну-рэн.*

рисуй. YAK<RUS-PL 2PL-INTS краска.RUS-VR.YAK-PL-2
добавить-PFV-PROG-CVB

‘Рисунки сами раскрасьте, добавляя (т.е. дорисовывая)’ [48, с. 5];

(16) *Нимэ-лэ-н обой-даа-ну-м-лэ.*

дом-ACC-FC обои.RUS<YAK-PL-TR-OF.3

‘Дом обоями оклеивает’ [18, с. 551]

(17) *Тадаат мэт хавдьаа-ньэнг мэ саахмэттаа-йэн.*

потом 1SG дядя-COM AFF играть.в.шахматы.YAK-1SG.INTR

‘Потом я играл в шахматы с дедушкой’ [18, с. 428]

2) глаголы во 2-м лице единственного числа в повелительном
наклонении

рус. *повторяй* + як. *-даа* > юк. *повторяйдаа*- ‘повторить’;

рус. *поздравляй* + як. *-даа* > юк. *поздравляйдаа*- ‘поздравлять’

рус. *понимай* + як. *-даа* > юк. *понимайдаа*- ‘понимать’;

рус. *прости* + як. *-лаа* > юк. *парасчилаа*- ‘простить’;

рус. *путай* + як. *-дэ* > юк. *пуутэйдэ*- ‘путать’;

Например:

(18) *Мэ поздравляй-даа-н!*

AFF поздравляй.RUS-VR.YAK-1SG.INTR

‘Поздравляю!’ [47, с. 19]

(19) *Мэт тит-ул эл понимай-даа-йэн.*

1SG 2PL-ACC NEG понимай.RUS-VR.YAK-1SG.INTR

‘Я вас не понял’ [49, с. 9]

(20) *Мит-ул парасчи-лаа-ни-к.*

1PL-ACC прости.RUS-VR.YAK-PL-IMP.2

‘Простите нас’ [50, с. 11]

3) междометие

рус. *спасибо* + як. *-лаа* > юк. *пасишвалаа*- ‘благодарить’.

Например:

(21) *Ахун пасиива-лаа-та-банэ-н, тади-й-уол-морав эвлэ-дабанэ.*

MOD спасибо.RUS-IMP-FC дать-PFV-RES-PRSP NEG-CVB

‘Хотя бы поблагодари, если дать нечего’ [18, с. 371].

Самостоятельно, т.е. без оформления словообразовательным аффиксом *-лаа*, вышеприведенные русизмы в юкагирской речи не употребляются, за исключением рус. *краска* как самостоятельное существительное (юк. *краска* ‘цвет; краска; краски’) и рус. *спасибо* в качестве этикетной формулы (юк. *пасиива* ‘спасибо, благодарю’). Таким образом, как в якутском и многих других языках Сибири, так и в юкагирском языке русские глаголы и междометия сначала субстантивируются, и затем принимают якутский словообразовательный аффикс, который, как мы можем видеть выше, характерен преимущественно именам существительным.

Стоит отметить, что в юкагирском языке не типичен перенос ино-лексемы в виде существительного и в составе глагольной конструкции с аффиксом *-лаа* (исключение: рус.>як.>юк. *кырааскэ, кирааска* ‘краска’ и *кирааскалаа-* ‘красить’; рус.>юк. *пасиива* ‘спасибо’ и *пасиивалаа-* ‘благодарить’). Как правило, слово проникает либо в виде существительного, либо в виде глагола с *-лаа*. Например, ряд опосредованных русизмов вошел в юкагирский только в виде существительных, а не в паре со своей глагольной формой, которые оформились в якутском языке:

рус. *диво* > як. *дьиибэ, дьыыба* > *дьиибэлээ-* ‘проказничать’ [23, с. 128] > юк. *дьиибэ, дьииwэ* ‘диво, чудо’ [18, с. 80; 17, с. 161, 217];

рус. *рождество* > як. *ороһуосна* > *ороһуосналаа-* ‘праздновать рождество’ [23, с. 277] > юк. *ороһусна, ороһуснэ* ‘рождество’ [17, с. 138, 232];

рус. *свадьба* > як. *сыбаайба, сыбаайбэ, сыбааддьыба* > *сыбаайбалаа-* ‘справлять свадьбу’ [23, с. 355; 54, с. 358] > юк. *сыбаайбэ, сыбадьбэ* ‘свадьба’ [17, с. 160, 232], и др.

В материалах исследователя юкагирской культуры В.И. Иохельсона слова с якутским словообразовательным аффиксом *-лаа* не фиксируются, поэтому, скорее всего, их следует считать языковыми фактами постреволюционного, советского периода. Более того, тщательная выборка и анализ глаголов с *-лаа* показали, что все эти явления не носят частотный или регулярный характер, обычно возникая в одномоментной, спонтанной речевой деятельности или стратегии одного носителя. Так, глагол *утюгтаа-* ‘гладить утюгом’ регистрируется разово только в словаре [18], глагол *ремоннаа-* ‘ремонттировать’ – два раза в учебном пособии [48], *пуутэйдэ-* ‘путать’ – один раз в фольклорных текстах [44], а *пастууктаа-* ‘пастушить’ – разово в живой речи носителя.

Заключение

Таким образом, в тундровом юкагирском языке действует якутский тип переноса русских глаголов посредством заимствованного в советский период продуктивного словообразовательного аффикса *-лаа*, который находит свое отражение преимущественно в письменной речи (главным образом советского периода), но реже в живой речи юкаги-ров. Как и в языке-источнике, начальный звук аффикса *-лаа* претерпе-вает фонетическое варьирование в зависимости от конечного звука ос-новы слова (*-даа*, *-наа*, *-таа*). Заимствованы исключительно базовые алломорфы якутской морфемы *-лаа*, без учета фонетических вариантов, а также вспомогательных глаголов. Основой производимых глаголь-ных слов от русских основ выступают имена существительные, глаго-лы-императивы во 2-м лице единственного числа и междометия. Чаще всего результатом творческой стратегии носителей выступают русские глаголы-императивы, что позволяет сэкономить речевые усилия и при-дать речи выразительность. Глагольные конструкции с русской основой и якутским аффиксом *-лаа* (и его аллофонами) в иноязычном сегменте лексики юкагирского языка имеют в своем большинстве статус оккази-онализмов по частотному критерию, при том, что часть тем не менее отражена в двуязычном словаре (Курилов, 2001).

Сокращения

0 – нулевая морфема

1 – первое лицо

2 – второе лицо

3 – третье лицо

БТСЯЯ – большой толковый словарь якутского языка

ГСЯЛЯ – грамматика современного якутского литературного языка

диал. – диалектное

ед. – единственное число

л. – лицо

МА-2011 – Материалы автора 2011 г.: информант 1941 г.р.

МА-2012а – Материалы автора 2012 г.: информант 1952 г.р.

МА-2012б – Материалы автора 2012 г.: информант 1945 г.р.

повел. – повелительное число

разг. – разговорный

рус. – русский язык

ср. – сравните

ТСЯЯ – толковый словарь якутского языка

юк. – язык тундровых юкаги-ров

эв. берез. – березовский говор эвенского языка

як. – якутский язык

ACC – accusative

ADV – adverb

AFF – affirmative

AM – associated motion

APPL – applicative

AT – attributive

CAUS – causative

COM – comitative

CVB – converb

DAT – dative

DLMT – delimitative

EV – Even

FC – focus

FRQ – frequentative

FUT – future

GEN – genitive

IDR – identifier

IMP – imperative

INS – instrumental

INVS – invisible

INTJ – interjection

INTR – intransitive

INTS – intensifier

IRR – irrealis

LOC – locative

MULT – multiplicative

NEG – negative

NOM – nominative

NR – nominalizer

OF – object focus

PL – plural

POSS – possessive

PROG – progressive

PROL – prolative

PRSP – prospective

PRXM – proximal

PTCL – participle

PTL – particle

RES – resultative
SG – singular
STAT – stative
TMP – temporal
TR – transitive
TRNSF – transformative
VR – verbalizer
YAK – Yakut

Литература

1. Collinder B. *Jukagirisch und Uralisch*. Uppsala: Universitets Årsskrift. 1940 (на нем.).
2. Крейнович Е.А. *Юкагирский язык*. М.-Л.: АН СССР. 1958.
3. Крейнович Е.А. *Исследования и материалы по юкагирскому языку*. Л.: Наука. 1982.
4. Курилов Г.Н. *Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка)*. Новосибирск: Наука. 2003.
5. Курилова С.Н. Проблемы становления общенациональных норм юкагирского литературного языка. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2018;3(24):112–120. DOI: <http://doi.org/10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.016>
6. Николаева И.А., Хелимский Е.А. Юкагирский язык. *Языки мира. Палеоазиатские языки*. 1997:155–168.
7. Немировский А.А. Новые лингвистические результаты М.А. Живлова и подтверждение ымыяхтахского соотнесения (пра)юкаги́ров. *Фольклор палеоазиатских народов*: мат. 2-й Межд. науч. конф., г. Якутск, 21-25 ноября 2016 г. 2017:59–70.
8. Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык. *Языки и письменность народов Севера*. 1934;(3):149-180.
9. Крейнович Е.А. Юкагирский язык. *Языки народов СССР*. Л.: Наука. 1968;(5):435–454.
10. Бурыкин А.А. Русские лексические заимствования в языке лесных, или верхнеколымских юкаги́ров. *Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования*. СПб.: Наука. 2003:169–180.
11. Maslova E. *Tundra Yukaghir*. München: Lincom Europa. 2003 (на англ.).
12. Nikolaeva I.A. *A historical dictionary of Yukaghir*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 2006 (на англ.).
13. Matič D. Russian influence on the Kolyma Yukaghir morphosyntax. *Sprachkontakt, synchron und diachron*. Aachen: Shaker. 2008:93–124 (на англ.).
14. Piispanen P.S. Additional Turkic and Tungusic Borrowings into Yukaghir. *Turkic Languages*. 2018;(22):108–138 (на англ.).

15. Piispanen P.S. Further lexical borrowings from (Pre-)Yakut into the Yukaghiric languages. *Turkic Languages*. 2013;17(1/2):115–139 (на англ.).

16. Piispanen P.S. Some new Late Proto-Yukaghir reconstructions with added thoughts and considerations on various etymologies. *Урало-алтайские исследования*. 2020;3(38):81–91. DOI: <http://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-38-3-81-91> (на англ.).

17. Курилова С.Н. *Русская лексика в языке тундровых юкагиров*. Новосибирск: Наука. 2022.

18. Курилов Г.Н. *Юкагирско-русский словарь*. Новосибирск: Наука. 2001.

19. Veenker W. *Tundrajukagirisches wörterverzeichnis zusammengestellt von Wolfgang Veenker*. Hamburg: Universität Hamburg. 1989 (на нем.).

20. Роббек В.А., Роббек М.Е. *Эвенско-русский словарь*. Новосибирск: Наука. 2005.

21. Maslova E. *Yukaghir Texts*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2001 (на англ.).

22. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*; 1958:1. Режим доступа: <http://sakhatyla.ru/books/pekarskiy-1/88> (дата обращения: 25.02.2025).

23. Слепцов П.А. *Якутско-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия. 1972.

24. Аникин А.Е. *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири*. Новосибирск: Наука. 2003.

25. *Грамматика современного якутского литературного*. / ред. Е.И. Убрятова. Т. 1. М.: Наука. 1982.

26. Харитонов Л.Н. *Самоучитель якутского языка*. Якутск: Книж. издво. 1987.

27. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 12. Новосибирск: Наука. 2015.

28. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 14. Новосибирск: Наука. 2017.

29. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 13. Новосибирск: Наука. 2016.

30. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 6. Новосибирск: Наука. 2009.

31. *Толковый словарь якутского языка* / ред. П.А. Слепцов. Т. 1. Новосибирск: Наука. 2004.

32. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 5. Новосибирск: Наука. 2008.
33. Монастырев В.Д., Прокопьева С.М., Шамаева А.Е. *Учебный словарь образных глаголов якутского языка*. Якутск: Алаас. 2019.
34. Слепцов П.А. *Русские лексические заимствования в якутском языке: послереволюционный период*. М.: Наука. 1975.
35. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. 2. 1959. Режим доступа: <http://sakhatyla.ru/books/pekarskiy-2/482> (дата обращения: 25.02.2025).
36. Фудзисиро С. Якутские глаголы, заимствованные из русского языка, образованные от повелительных форм русского языка. *Kupenai: Departamental Bulletin Paper*. 1991;(10):168–193.
37. Слепцов П.А. *Русские лексические заимствования в якутском языке: дореволюционный период*. Якутск: Якутское книжное изд-во. 1964.
38. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. 3. 1959. Режим доступа: <http://sakhatyla.ru/books/pekarskiy-3> (дата обращения: 24.02.2025).
39. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 4. Новосибирск: Наука. 2007.
40. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 7. Новосибирск: Наука. 2010.
41. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 8. Новосибирск: Наука. 2011.
42. *Толковый словарь якутского языка* / ред. П.А. Слепцов. Т. 2. Новосибирск: Наука. 2005.
43. Курилов Н.Н. *Чуннубэ кинигэ: 2 класс*. Якутск: Северовед. 1998 (на юкаг.).
44. Курилов Г.Н. *Фольклор юкагиров. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока*. М., Новосибирск: Наука. 2005;25;594.
45. Kurilov N. *Tales from my mother Anna Kurilova. Энниэ, Анна Курилова ньиэдьилтэ. Рассказы матери Анны Куриловой*. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus. 2012 (на юкаг., на рус., на англ.).
46. Курилов Н.Н. *Литературное чтение: 4 класс*. СПб.: Алмаз-Граф. 2013.
47. Атласов Е.И., Курилов Г.Н. *Русско-юкагирский разговорник*. Якутск: Розовая чайка. 1992.
48. Курилов Н.Н. *Чуннул кинигэ: 3 классниһ*. Якутск: Розовая чайка. 1994 (на юкаг.).

49. Прокопьева П.Е. *Юкагирско-русский разговорник*. Якутск: Бичик. 2011.

50. Курилов Г.Н. *Юкагирско-русский разговорник*. Якутск: ИПМНС СО РАН. 1994.

51. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 9. Новосибирск: Наука. 2012.

References

1. Collinder B. *Jukagirisch und Uralisch*. Uppsala: Universitets Årsskrift. 1940 (in German).

2. Krejnovich EA. *Yukaghir language*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences. 1958 (in Russian).

3. Krejnovich EA. *Research and Materials on the Yukaghir Language*. Leningrad: Nauka. 1982 (in Russian).

4. Kurilov GN. *Lexicology of the modern Yukaghir language (Lexical development and the role of the Yakut language)*. Novosibirsk: Nauka. 2003 (in Russian).

5. Kurilova SN. Problems of the formation of national norms of the Yukaghir literary language. *Northeastern Humanities Bulletin*. 2018;3(24):112–120. DOI: <http://doi.org/10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.016> (in Russian).

6. Nikolaeva IA, Khelinsky EA. The Yukaghir language. *Languages of the World. Paleoasiatic Languages*. 1997:155–168 (in Russian).

7. Nemirovsky AA. New linguistic results of M.A. Zhivlov and confirmation of the Ymyyakhtakh correlation of (Proto-)Yukaghirs. *Folklore of the Paleoasiatic Peoples: Proceedings of the 2nd International Scientific Conference, Yakutsk, November 21-25*. 2016;2017:59–70 (in Russian).

8. Johelson VI. *The Odul (Yukaghir) Language. Languages and Writing of the Peoples of the North*. 1934;(3):149–180 (in Russian).

9. Krejnovich EA. *The Yukaghir language. Languages of the Peoples of the USSR*. Leningrad: Nauka. 1968;(5):435–454 (in Russian).

10. Burykin AA. Russian lexical borrowings in the language of the Forest or Upper Kolyma Yukaghirs. *Lexical Atlas of Russian Dialects: Materials and Research*. St. Petersburg: Nauka. 2003:169–180 (in Russian).

11. Maslova E. *Tundra Yukaghir*. Munich: Lincom Europa. 2003.

12. Nikolaeva IA. *A historical dictionary of Yukaghir*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 2006.

13. Matić D. *Russian Influence on Kolyma Yukaghir morphosyntax. Sprachkontakt, synchron und diachron*. Aachen: Shaker. 2008:93–124.

14. Piispanen PS. Additional Turkic and Tungusic borrowings into Yukaghir. *Turkic Languages*. 2018;(22):108–138.

15. Piispanen PS. Further lexical borrowings from (Pre-)Yakut into the Yukaghiric Languages. *Turkic Languages*. 2013;17(1/2):115–139.
16. Piispanen PS. Some new late Proto-Yukaghir reconstructions with added thoughts and considerations on various etymologies. *Ural-Altaic Studies*. 2020;3(38):81–91. DOI: <http://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-38-3-81-91>
17. Kurilova SN. *Russian vocabulary in the language of the Tundra Yukaghirs*. Novosibirsk: Nauka. 2022 (in Russian).
18. Kurilov GN. *Yukaghir-Russian dictionary*. Novosibirsk: Nauka. 2001 (in Russian).
19. Veenker W. *Tundrajukagirisches wörterverzeichnis zusammengestellt von Wolfgang Veenker*. Hamburg: University of Hamburg. 1989 (in German).
20. Robbek VA, Robbek ME. *Even-Russian dictionary*. Novosibirsk: Nauka. 2005 (in Russian).
21. Maslova E. *Yukaghir texts*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2001.
22. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. 1. 1958. Available at: <http://sakhatyla.ru/books/pekarskiy-1/88> (accessed: 25.02.2025) (in Russian).
23. Sleptsov PA. *Yakut-Russian dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 1972 (in Russian).
24. Anikin AE. *Etymological dictionary of Russian borrowings in the languages of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. 2003 (in Russian).
25. *Grammar of the Modern Yakut literary language* / ed. EI. Ubryatova. Vol.1. Moscow: Nauka. 1982 (in Russian).
26. Kharitonov LN. *Self-Study Guide of the Yakut language*. Yakutsk: Book Publishing House. 1987 (in Russian).
27. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 12. Novosibirsk: Nauka. 2015 (in Russian).
28. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 14. Novosibirsk: Nauka. 2017 (in Russian).
29. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 13. Novosibirsk: Nauka. 2016 (in Russian).
30. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka. 2009 (in Russian).
31. *Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka. 2004 (in Russian).
32. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 5. Novosibirsk: Nauka. 2008 (in Russian).
33. Monastirev VD, Prokopyeva SM, Shamaeva AE. *Educational dictionary of figurative verbs of the Yakut language*. Yakutsk: Alaas. 2019 (in Russian).
34. Sleptsov PA. *Russian lexical borrowings in the Yakut language: Post-Revolutionary period*. Moscow: Nauka. 1975 (in Russian).

35. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. 2. 1958. Available at: <http://sakhatyla.ru/books/pekarskiy-2/482> (accessed: 25.02.2025) (in Russian).
36. Fujishiro S. Yakut verbs borrowed from Russian, derived from imperative forms of Russian. *Kupenai: Departamental Bulletin Paper*. 1991;(10):168–193 (in Russian).
37. Sleptsov PA. *Russian lexical borrowings in the Yakut language: Pre-Revolutionary period*. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House. 1964 (in Russian).
38. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. 3. 1958. Available at: <http://sakhatyla.ru/books/pekarskiy-3> (accessed: 24.02.2025) (in Russian).
39. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 4. Novosibirsk: Nauka. 2007 (in Russian).
40. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 7. Novosibirsk: Nauka. 2010 (in Russian).
41. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 8. Novosibirsk: Nauka. 2011 (in Russian).
42. *Explanatory dictionary of the Yakut language*. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka. 2005 (in Russian).
43. Kurilov NN. *Chuṇnube book: 2nd Grade*. Yakutsk: Severoved. 1998 (in Yukaghir).
44. Kurilov GN. *Folklore of the Yukaghirs. Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East*. Moscow, Novosibirsk: Nauka, 2005 (in Russian).
45. Kurilov N. *Tales from my mother Anna Kurilova. Enye, Anna Kurilova Nyedjilpe. Stories of mother Anna Kurilova*. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus. 2012 (in Yukaghir, in Russian, in English).
46. Kurilov NN. *Literary reading: 4th Grade*. St. Petersburg: Almaz-Graf. 2013 (in Russian).
47. Atlasov EI, Kurilov GN. *Russian-Yukaghir phrasebook*. Yakutsk: Rozovaya Chayka. 1992 (in Russian).
48. Kurilov NN. *Chuṇnul Book: 3rd Grade*. Yakutsk: Rozovaya Chayka. 1994 (in Yukaghir).
49. Prokopyeva PE. *Yukaghir-Russian phrasebook*. Yakutsk: Bichik. 2011 (in Russian).
50. Kurilov GN. *Yukaghir-Russian phrasebook*. Yakutsk: Institute of Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North of SB RAS. 1994 (in Russian).
51. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 9. Novosibirsk: Nauka. 2012 (in Russian).

Об авторе

КУРИЛОВА Самона Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0300-3771>, WoS ResearcherID: JEZ-7713-2023, Scopus Author ID: 58634943800, Elibrary AuthorID: 628899, SPIN: 3783-5899, e-mail: samonakur@mail.ru

About the author

Samona N. KURILOVA – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, International Research Laboratory «Arctic Linguistic Ecology Lab», M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0300-3771>, WoS Researcher ID: JEZ-7713-2023, Scopus Author ID: 58634943800, Elibrary AuthorID: 628899, SPIN: 3783-5899, e-mail: samonakur@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no conflict of interest

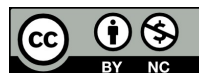
Поступила в редакцию / Submitted 13.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.02.2025

Принята к публикации / Accepted 25.02.2025

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75>

Оригинальная научная статья

Этнолингвистическое описание некоторых диалектных наименований медведя в якутском языке

Н. В. Малышева¹ , Д. Канг²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, Российская Федерация

²Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Южная Корея
 ninel_malysheva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению диалектных наименований медведя, занимающего центральное место в культуре якутов, с точки зрения словообразовательного аспекта. Анализу подлежат более 140 разнообразных якутских наименований медведя, зафиксированных из различных лексикографических источников и собранных в рамках научных экспедиций, начиная с 2017 года, с привлечением более 100 информантов, знатоков и хранителей традиционной культуры коренных и малочисленных народов Якутии. В научный оборот введено значительное количество ранее не опубликованных ценных материалов. Исследование названий диких животных, являющихся источником сведений об исторических и культурных связях носителей языка, приобретает все большую актуальность в настоящее время, когда происходит стирание социальных, духовно-нравственных и культурных границ в эпоху глобализации, цифрового развития и технологического прогресса. Так, в ходе анализа установлено, что в основе многих диалектных наименований медведя лежит несколько групп мотивационных признаков: внешние признаки – окрас, форма, особенности морфологического строения; поведенческие признаки – манера передвижения, повадки, места обитания; антропоморфизм – термины родства, титульные лексемы и очеловечивание. Краткий этимологический анализ показывает, что в наименованиях медведя и традиционной культуре народов Сибири, Севера и Дальнего Востока культ медведя имеет тотемическую и промысловую основу, и традиционно связан с представлением о нем как о божестве, предке и человеке. Универсальным для многих народов России является и общее представление образа медведя как к почтенному старцу.

Ключевые слова: названия медведя, диалектные названия медведя, якутские зоонимы, мотивационные признаки номинации зоонимов, культ медведя

© Малышева Н. В., Канг Д., 2025

у якутов, русизмы, тунгусизмы, способы номинации медведя, якутская лексика животного мира

Финансирование. Работа выполнена в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616)

Для цитирования: Малышева Н.В., Канг Д. Этнолингвистическое описание некоторых диалектных наименований медведя в якутском языке. *Арктика XXI век.* 2025;(1):54–75. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75>

Original article

Ethnolinguistic description of some dialect names of bear in the Yakut language

Ninel V. Malysheva¹ , Ducksoo Kang²

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

²Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, South Korea

 ninel_malysheva@mail.ru

Abstract

The article studies dialect names of the bear in the Sakha language in terms of word-formation. We analyze more than 140 different Sakha names of the bear collected from various lexicographic sources and from more than 100 native speakers, experts and keepers of the traditional culture of the indigenous and small peoples of Yakutia which were recorded during scientific expeditions since 2017. A significant amount of valuable linguistic material is introduced and analyzed for the first time. The study shows that many dialect names of the bear are based on several groups of motivational features: external – color, shape, other characteristics of the body; behavioral – manner of movement, habits, habitat; anthropomorphism – kinship terms, title lexemes and humanization. A brief etymological analysis shows that in the bear names and the traditional culture of the peoples of Siberia, the North and the Far East, the cult of the bear has a totemic and commercial basis and is traditionally associated with the idea of him as a deity, an ancestor, and a person. The general idea of the bear as a venerable elder is universal for many peoples of Russia.

Keywords: bear names, dialect names of bears, Sakha zoonyms, motivational features in naming zoonyms, cult of the bear among the Sakha, loanwords from Russian, loanwords from tungusic languages, means of naming the bear, Yakut vocabulary of the animal world

Funding. The research was funded by the grant № 075-15-2021-616 from the Government of the Russian Federation for the project “Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation”

For citation: Malysheva N.V., Kang D. Ethnolinguistic description of some dialect names of bear in the Yakut language. *Arctic XXI Century*. 2025;(1):54–75 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-54-75>

Введение

Представители фауны всегда играли значительную роль в жизни многих народов, сопровождая человека с древнейших времен на протяжении всей его жизни. Древнейшая форма мышления, основанная на вере в одушевление Природы и в существование у явлений природы своих духов, отражается и в зоонимической лексике языка. Зоонимический фонд связан с этноментальностью, историей и этнографией носителей языка, поскольку внешний мир и его внутреннее осмысление служат факторами, формирующими языковую картину мира национального языка, в которой природное окружение выступает одной из составляющих [1].

Названия диких животных всегда вызывают большой интерес с точки зрения их происхождения и словообразовательной структуры, поскольку именно дикие животные окружают носителей языка в процессе их проживания и передвижения из одной территориальной точки в другую и выступают основным источником пищи. Охота у якутов существовала с древнейших времен и была одной из важных подсобных отраслей хозяйства. Об этом свидетельствуют наскальные изображения с руноподобными компонентами с изображением сцен охоты, которые принадлежат курыканам – тюркоязычным предкам якутов. Поэтому зоонимы представляются интересным объектом исследования: с одной стороны, через этимологическую характеристику зоонимов можно попытаться рассмотреть языковые контакты носителей языка; с другой стороны, через мотивационные признаки номинации диких животных можно рассмотреть особое видение, мировоззрение и отношение носителей языка к природному окружению. Исследование названий диких животных, являющихся источником сведений об исторических и культурных связях носителей языка, приобретает все большую актуальность в настоящее время, когда происходит стирание социальных, духовно-нравственных и культурных границ в эпоху глобализации, цифрового развития и технологического прогресса.

В условиях интенсивного развития северных территорий, стремительной глобализации и урбанизации наблюдается разрушение языковой среды. Происходит постоянное размывание диалектов языков народов РФ, которые сами по себе не находятся под угрозой, но потеря диалектов грозит существенной утерей информации о функционировании этих языков и естественных источников для обогащения и развития литературных языков. Под угрозой уничтожения находятся и диалектная лексика якутского языка, требующая своевременной фиксации, документации, введения в научный оборот, и реальное языковое потребление. В ближайшем будущем ожидается исчезновение локальных говоров и диалектов якутского языка, вслед за ними есть вероятность вымирания языка народа саха. Согласно С.А. Иванову, специалисту в области якутской диалектологии, особого внимания в этом отношении требует изучение диалектов якутского языка в лексикологическом аспекте.

Различия в природных условиях, хозяйственном освоении территорий и эволюции этноса позволили сформировать уникальную диалектную лексику якутского языка. Особого внимания требует исследование диалектных наименований животных, имеющих многообразное семантическое содержание, многовековое историческое развитие, которое чрезвычайно информативно: в ней отражены результаты всей познавательной деятельности, культурно-эстетического и духовного развития носителей якутского языка, а также итоги практического освоения ими экстремальных климатических условий Севера.

Согласно В.М. Назаретян, зоонимы – один из самых древних пластов лексики во всех языках мира [2]. Зоонимическая лексика якутского языка представляет отдельный интерес как для лингвистов, так и для этнографов, антропологов и зоологов. Якуты – самый северный скотоводческий народ с особым хозяйственным укладом, живущий в течение веков в окружении аборигенов – оленеводов, охотников и рыболовов тайги и тундры Северо-Востока Азии [3]. Природно-климатические условия и ландшафт Якутии обусловили хозяйственный уклад жизни якутов и образ жизни якутского народа, в жизнедеятельности которого ключевую роль играют скотоводство, охота, рыболовство и оленеводство. Все это позволило сформировать в якутском языке богатую и своеобразную зоонимическую лексику. Особенностью якутских зоонимов является исключительно развитая табуированная лексика, непосредственно связанная с ранними верованиями и культами якутов. Тайная иносказательная речь, полная всяческих условностей, была присуща прежде всего охотникам-промысловикам и дорожным людям [4].

Якуты, самый северный в мире тюркский народ, в большой степени сохраняют традиционные способы хозяйствования в сложных климатических и географических условиях и в силу этого тесно связаны с природой, миром растений и животных. Несмотря на это, на сегодня лексика живой природы якутского языка остается малоизученной. Одной из первых работ, поставивших задачу более широкого изучения животного и растительного мира бассейна р. Лена от г. Якутска до устья р. Вилюй и бассейна р. Вилюй, была работа Р.К. Маака «Вилюйский округ Якутской области» (1886). Представляет интерес документация названий якутских животных в [5]. Она подробно рассмотрена в работе [6]. Большой вклад в изучение зоонимической лексики якутского языка внес Н.К. Антонов. Исследование словообразовательной системы и происхождения терминов рыболовства и названий рыб, терминов по коневодству, скотоводству, оленеводству отражено в его работе «Материалы по исторической лексике якутского языка». Данный фундаментальный труд, по мнению академика А.П. Окладникова, вносит существенный вклад в якутское языкознание и вообще в изучение тюркских языков и истории якутского народа [7]. Другим значимым достижением в области изучения якутской зоонимии представляется работа немецкого лингвиста И. Хауэншильда «Словарь якутских названий животных» (2008). Основу собранного материала составляют лексикографические источники: а) трехтомный словарь якутского языка Э.К. Пекарского; б) данные, взятые из экспедиционных материалов П.С. Палласа, который в 1768–1774 гг. проводил полевые работы по губерниям Российской Империи; в) якутско-немецкий словарь О.Н. Бетлингга (1851); г) якутско-русский словарь (1972); д) диалектологический словарь якутского языка (1976); е) долганский словарь М. Стаховского (1993); ж) толковый словарь якутского языка (2006) и зоологический справочник (1971). Словарь состоит из зоонимов, приведенных в латинской транслитерации, расположенных в алфавитном порядке с немецким переводом и латинским определением, а также с соответствующими лингвистическими свидетельствами. Диалектные единицы указаны с местом их бытования, в сносках даются ссылки на лексические параллели из других языков и диалектов.

Безусловно, важное место в изучении животного мира Якутии с точки зрения лингвистического, историко-культурного, этнографического аспектов занимают такие работы основоположника якутской литературы, просветителя, философа-гуманиста А.Е. Кулаковского, как «Виды животных и растительных царств, известные якутам», «Тотемические животные, священные понятия и вещи» и «Легенды о животных,

основанные на поверьях», опубликованные в 1929 г. в выпуске «Известий Якутского отдела государственного географического общества» и в 1979 году в собрании его трудов [8]. Представленные материалы по зоонимической и фитонимической лексике якутского языка были собраны ученым «в течение всей его скитальческой жизни в Якутии» [9, с. 415], систематизированы по классам, отрядам и семействам, а для общеизвестных и наиболее употребительных зоонимов и фитонимов была указана область их функционирования. Обработав большой объем сведений по видам растений и животных, известных якутам, на якутском, русском и латинском языках, ученый собрал богатейший материал и тем самым заложил основы якутской терминологии биологических систем и положил начало классификации животных и растений, встречающихся на территории Якутии. Выясняя особенности и общие признаки каждого вида, он поставил ряд проблем биогеографического и экологического направления [10]. Примечательно и то, что при описании тотемических животных основоположник якутской литературы, ученый, философ, писатель А.Е. Кулаковский приводит примеры из ритуально-обрядовых мероприятий, в которых участвуют животные. Доктор биологических наук, ведущий специалист в области зоологии позвоночных животных Якутии И.И. Мордосов в своей статье «Кулаковский А.Е. – основоположник биологических исследований в Якутии» отмечает его вклад в биологическую науку: Кулаковский впервые собрал и опубликовал якутские фитонимы и зоонимы, дал описание местам произрастания и обитания многих видов растений и животных Якутии [11]. Большой интерес в работах ученого, по мнению И.И. Мордосова, представляют якутские названия некоторых видов растений и животных, их морфологическое описание и описание мест сбора. Сравнительный анализ наблюдений Кулаковского, датирующихся концом XIX в., с данными по современным видам и ареалам их распространения показывает, что ареалы отдельных видов растений и животных смещены и видоизменены под воздействием различных факторов.

Исследователи Сибири и Дальнего Востока – Р.К. Маак, Н.А. Виташевский, В.М. Ионов, В.Ф. Трощанский, И.А. Худяков, В.Л. Серошевский в своих научных трудах отмечали широкое распространение в Якутии словаря охотников и дорожных людей, среди которого значимое место занимали различные наименования медведя. Возможно, это связано с тем, что «в традиционной охотничьей культуре якутов – народа самых северных тюрков Сибири – знаковую роль по степени сакральности и социального статуса занимают ритуалы, связанные с медведем» [12, с. 320]. Г.М. Василевич, И.А. Худяков, В.М. Ионов, А.Е. Кулаковский,

В.Л. Серошевский, М.В. Ядринцев, Н.А. Алексеев, Л.С. Ефимова, В.В. Илларионов, К.Д. Уткин, И.С. Цыренова, А.Н. Прокопьева в своих работах рассматривали культ медведя – могучего обитателя всей таежно-тундровой и горно-таежной полосы Сибири.

В древности каждый якутский род имел своего предка-животного, к которым относятся – орел, ястреб, сокол, лебедь, ворон, волк, медведь. Убивать своего предка-животного считалось огромным грехом, после чего убившего или его род постигало проклятие, несчастье. Еще одной причиной возникновения табуированной лексики предполагается охота – охотники верили, что, если называть животное своим именем, оно обязательно услышит и убежит, или нападет на охотника. Поэтому у якутов была прямая необходимость называть животное какими-то иными способами. Исходя из этого можно предположить о том, что, если животное имеет несколько названий и чем больше их, тем он был почитаемым для якутов. Наибольшее количество народных наименований животного обнаружено у таких животных, которые являются тотемными и объектами охоты: лось имеет более 100 различных наименований, дикий северный олень – около 40, волк – более 30 наименований. Однако больше всего наименований в якутском языке имеет медведь – на данный момент обнаружено около 140 самых разнообразных названий медведя.

На территории Якутии обитают бурый медведь (*эһэ*) и белый медведь (*үрүҥ эһэ*). Бурый медведь (*Ursus arctos*) населяет различные ландшафты лесной зоны, но преимущественно обитает в долинах и поймах таежных и смешанных лесов Северо-Восточной и Западной Якутии. От белого медведя отличается бурой окраской и меньшими размерами. Белый медведь (*Ursus maritimus*) является обитателем арктических морей, островов Ледовитого океана [13].

В традиционной культуре якутов медведь, как тотемное животное, занимает центральное место. Практически во всех диалектах якутского языка медведя не называют напрямую, так как с ним связан целый культ, существуют многочисленные мифы, предания и рассказы сакрального значения, обросшие сводами правил и запретами по обращению к этому животному. В связи с этим в якутском языке были введены табу и появились эвфемистические выражения. В.Л. Серошевский в работе «Якуты» большое внимание уделяет медведю и описывает его следующим образом: «из всех этих зверей большой черный медведь, очень свирепый и кровожадный, произвел самое сильное впечатление на якутов. Они его считают «царем рощ и лесов» (*оюр тоён, тыэ тоён, тыэ талы тоён*)». Он относит медведя к числу «волшебных»: «медведь умен, как человек, даже умнее: он все может, все знает и понимает, и если не говорит,

то только потому, что не хочет», «медведь вовсе не зверь, а колдун», «из всех зверей большой черный медведь, очень свирепый и кровожадный, произвел самое сильное впечатление на якутов... его считают «царем рош и лесов» [14, с. 634].

Этнограф и фольклорист В.М. Ионов во время ссылки в Якутии собрал мелкие заметки, касающиеся культа медведя и написал работу «Медведь по воззрениям якутов» [15]. В своих записках В.М. Ионов отмечает, что «никогда не следует дурно говорить о медведе: он все слышит, что о нем говорят, где бы он ни находился». Медведь способен видеть сны и во сне узнавать, кто дурно и нем говорит. Некоторые считают, что он способен видеть сны и узнавать таким образом, что о нем говорят, только зимой, во время спячки; а летом же можно о нем говорить, как угодно [15, с. 52].

Почтение и благоговение перед медведем ярко выражены в лексическом фонде якутского языка и представлены около 140 различными наименованиями, зафиксированными из различных лексикографических источников и собранными в рамках полевых выездов по районам Якутии с 2017 по настоящее время. География полевых исследований охватывает 11 улусов республики: Среднеколымский, Анабарский, Верхоянский, Оленекский, Оймяконский, Чурапчинский, Мегино-Кангаласский, Хангаласский, Намский, Олекминский, Кобяйский районы Якутии, привлечены более 100 информантов, знатоков и хранителей традиционной культуры коренных и малочисленных народов Якутии. Таким образом, в научный оборот введено значительное количество ранее не опубликованных ценных материалов. На основе собранного материала создана база данных словообразовательного определителя номинаций медведя в якутском языке с получением свидетельства о регистрации Федерального института промышленной собственности (№ 2021621181 от 02.06.2021).

В нашем материале «косолапый» (медведь) именуется более 130 различными наименованиями, представляющими лексемы эвфемистического и диалектного характеров. Согласно А.М. Щербаку, у тюрков Сибири и особенно у якутов с медведями связаны разные запреты (табу), в результате которого собственное наименование медведя оказалось утраченным, а взамен появилось большое число эвфемизмов [16, с. 130]. Необходимо отметить о существовании культа медведя у якутов, «так как их жизненно важные интересы не только соприкасаются, но и сталикиваются, хотя и редко, в самом жестоком виде». Со слов старожил и из этнографических материалов можно проследить о наличии «разного рода сакральных рассказов и легенд о медведе, в связи с которыми были

введены табуистические запреты, повлекшие за собой образованию эвфемистических выражений» [17, с. 223]. Наибольшее количество различных наименований наблюдается в номинации медведя (128): *аабый, абаҕа, аҕы, адьырҕа, адьырҕа бэрдэ, амаа киһи, амаакаа, анаҕастаах, аныгас, арбаҕас, арбаҕастаах, арбаҕастаах кыыл, арҕахтаах, арҕахтаах оҕонньор, аһаҕастаах эһэ, аһынас, аһынастаах, аһынас, аһынастаах, баатыска, баҕыһах, бачаах, дьаныһах, дьырдыа, кини, киэҕи, киэҕэ, куохтула, кырдыаҕас, кычыкы, кычыкыл, кычытар эһэ, маамыкаан, маатыс, маҕан эһэ, манныкаан, маппыйар, миискэ, моҕус, мөлбөр, мөлбүөт, мөөмө, мөөмүсэ, мөөмүчэ, мөөмүчэк, мөөмүчэкэ, мөппөөкөөн, мэлбэр, мэппэ, мэппээкээн, мэппээлэ, мэппээһэй, мээмиһэ, мээмэ, мээмэчэ, мөлбөр, наадьы, накайбан, накита, накыйбан, накыта, наргыча, ньаадьы, оҕонньор, ойууроҕонньоро, ойуур оҕуһа, ойуурдааҕы, оһокоон, өбүгэ, өһө, сир кыыла, сырҕан, талкы, таппыһа, таптыгыһын, тииһэ, тойокуй, тойон, туул, туула, тыа кинээһэ, тыа кырдыаҕаһа, тыа кыыла, тыа оҕонньоро, тыа тойоно, тыатааҕы, тыатааны, тыатааххый, тыатааххый, тэппиһэ, улуу кыыл, үрүҥ эһэ, үтэ, хагдан эһэ, хадаччы, хара, хара кыыл, хара сангыйах, хара сангынньах, хара тыа хардааччыта, хара эһэ, харанга түүлээх, хардааччы, хардаҕас, хоох, хох, хохтуула, чыйдаах, чыккыйаас, чыычый, ыҥай, ыһы эбэ, эбэккэ, эбэкэ, эбэкээ, эбэм, эбээкий, эбээкэ, эбээх, эгэ, эһириэс, эһэ, эһэ кыыл, эһэ оҕото, эһириэс, эчээ, эчээкэ. Через призму различных названий медведя можно проследить «традиционное представление близости «хозяина тайги» к человеку, а также почтительное отношение к нему, как к родственнику: *амаа киһи* (букв. «обыкновенный, простой человек»), *арҕахтаах оҕонньор* (букв. «лежащий в берлоге старик»), *ньаадьы* (букв. «друг, подруга»), *оҕонньор* (букв. «старик»), *өбүгэ* (букв. «родоначальник, предок»), *тыа кинээһэ* (букв. «лесной князь»), *тыа кырдыаҕаһа* (букв. «лесной старец»), *тыа оҕонньоро* (букв. «лесной старик»), *тойон* (букв. «господин»), *тойокуй* (букв. «господин»), *эбээкий* (букв. от слова эбээ «бабушка»), *тойон* (букв. «господин»), *абаҕа* «дядя (букв. «старший брат отца»), *тыа тойоно* (букв. «хозяин леса»), *баатыска* (букв. «батюшка»); *баҕыһах* (букв. «выбившийся из сил человек»), *кини* (букв. «он»); *кырдыаҕас* (букв. «старик, старец»). Русизмы, употребляемые при обозначении медведя, имели эвфемистический характер, связанный «с непониманием объектов природы и его живых существ русских слов и их значений». Польский этнограф-сибириевед В.Л. Серошевский, находившийся в Якутии 12 лет в качестве политического ссыльного, отмечает употребление якутами табуированных слов: «из всех этих зверей большой черный медведь, очень свирепый и кровожадный, произвел*

самое сильное впечатление на якутов». Они его считают «царем роц и лесов». На севере о медведе остерегаются говорить худо, даже не следует упоминать громко о его имени вслух: его имя «дед», эсе (*эһэ*), но имя это не хорошее, и зверь за него сердится, ввиду этого его зовут кок, или просто «черный», часто потихоньку зовут его «злым лесным духом», а то даже Улу-Тоёном». Это стало мотивационным признаком номинации эвфемистических наименований медведя: *тойон* «господин», *тыа тойоно* «хозяин леса», *тыа кинээһэ* «князь леса». Существует масса легенд, преданий, рассказов, доказывающих необыкновенные, волшебные качества медведя. «Медведь – тот же черт, но самый опасный из них, это – хвостатый!» Для объяснения причины эвфемизмов В.Л. Серошевский приводит слова якута-колымчанина: «О медведе не говори худо, не хвастайся: он все слышит, хотя его близко и нет, все помнит и не прощает» [14, с. 634]. «Медведь вовсе не зверь, а колдун; ты бы посмотрел на медведя, когда с него снимут кожу: женщина, как есть женщина, грудь, ноги, все женское!» – говорил мне на Алдане старый якут-медвежатник» [14, с. 636].

Именованье медведя по окрасу

Мотивационный признак цвета является универсальным свойством практически всех материальных объектов и используется для названия окраса общего вида медведя. Согласно зоологическим источникам, окраска волосяного покрова бурого медведя в Якутии имеет большую индивидуальную изменчивость и варьирует от светло-желтой до почти черной [18, с. 22]. Поэтому для обозначения бурого медведя больше всего используется черный цвет: *хара* ‘медведь’ (букв. черный), *хара кыыл* ‘медведь’ (букв. черный зверь), Булунский, Саккырырский *хара сангыях* ‘бурый медведь’ (букв. черная доха), *хара сангыньнях* ‘бурый медведь’ (букв. черная доха), *хара эһэ* ‘бурый или черный медведь; черный медведь’ (букв. черный медведь), *хараҥа түүлээх* ‘медведь’ (букв. имеющий темный мех). Белый цвет встречается в названиях другого вида – белого медведя, имеющего однотонную белую окраску с желтым оттенком [13, с. 112]: общеупотребительное *уруҥ эһэ* (букв. белый медведь) и диалектизм северного Булунского района *маҕан эһэ* ‘белый медведь’ (букв. белый медведь). В Верхоянском районе бурого медведя называют *хагдан эһэ* ‘бурый медведь, состарившийся медведь’ с цветообозначением *хагдан* ‘порыжевший, полинявший (о шерсти медведя)’.

Именованье медведя по размеру, форме и движению

В номинациях медведя чаще всего подчеркивается некая его округлость. Она передается, как правило, разнообразными образными словами, описывающими выпуклость, пухлость, вздутость, мягкость и т.п.

Например, от глаголов движения образованы наименования медведя: *мөлбөр, мэлбэр, мөлбүөт* – от семантической группы образного монгольского глагола движения *мөлбөй* ‘1) оставаться сгустком, сохраняя форму, не растекаясь по чему-л. (о густой массе); 2) иметь пышный, роскошный вид (о пушнине)’ [19, с. 313], а также лексем *мөлбөй, мөлбөөркөй, мөлбөркөй, мөлбөрөнгөө* – в основе всех данных лексем – что-то пышное, округлое и такое же движение. Также Л.Н. Харитонов пишет, что «слово, вполне возможно, возникло в результате контаминации рус. *медведь* и якут. *мөлбөй*- ‘казаться округлым, мягким и крупным’» [20, с. 292].

Образные глаголы могут иметь значение движения, обусловленного формой и размером объекта, например: от глагола *тиһигирээ* ‘топча, бежать быстро’ или *тиһирдээ* ‘ступать грузно, тяжело топая ногами (о полном, тяжеловесном человеке)’ образован диалектизм *тиһэх* ‘медведь’, функционирующий в речи жителей Ленского и Верхневилуйского районов. От глаголов *бабый* ‘делать движения, подобные тому, как из всех сил старается передвигать свои отяжелевшие ноги человек, выбившийся из сил’ и *бабыһын* ‘показаться медлительным и неуклюжим (например, о медведе)’ образовано Вилуйское слово *бабыһах* ‘медведь’. Диалектное название медведя *бачаах*, зафиксированное в речи жителей Верхневилуйского района, образовано от глагола *бачаахтаа* ‘ходить, двигаться с трудом поднимая ноги (например, по глубокому снегу)’.

Зоонимы *мэппээкээн, мэппээлэ, мэппээһэй, мэппэ* (Верхоянский район) могли быть образованы от образного глагола *мэппэй* ‘быть, казаться круглым, мясистым (о лице)’ [19, с. 416].

Именование медведя по особенностям морфологического строения и внешнему сходству с другим предметом

Довольно часто в зоонимах подчеркиваются те части тела, которые существенно отличаются от частей тела человека – передняя (носовая) часть у животных (у птиц – клюв, у млекопитающих – морда и т.п.) или вовсе отсутствуют – хвост, крылья, перья, шкура, рога и т.п.). Для хищных животных часто подчеркиваются острые зубы и клыки, для рыб – спинной хребет. Признак обладания какой-либо особенной частью тела с аффиксом проприетива – атрибутива со значением обладания чем-либо/кем-либо –*лаах* зачастую лежит в основе особой продуктивной модели способа образования эвфемизмов, особенно хищных или почитаемых зверей. У медведя имеются аналогичные по смыслу эвфемизмы: *анабаस्ताах* ‘медвежонок’ (букв. с клыком), *арбабаस्ताах* (букв. с шубой, шкурой), *арбабаस्ताах кыыл* (букв. зверь с шубой, шкурой), или же просто *арбабас* ‘медведь’ (букв. ветхая доха).

Путем сравнения внешнего вида медведя с другим объектом образовано 3 зоонима, в которых внешний вид медведя соотносится с **предметами быта**: *талкы* ‘медведь’ (букв. мялка для кожи), *туула* ‘медвежонок’, *туул* ‘медвежонок, только что вышедший из берлоги’ (букв. верша), *хардаҕас* ‘медведь’ (букв. полено).

Именование медведя по повадкам и месту обитания

Якуты относились к медведю с большим почтением и уважением, внимательно следили за окружающим миром, особенно за поведением медведя. Отмечалось пищевое поведение медведя, особенно его прожорливость, которая выражается самыми различными интересными образными словами: *куохтаа* ‘жрать, лопать (шуточное)’, *монус* ‘прожорливый, ненасытный’: *куохтула* ‘медведь’ (букв. пожиратель), *мобус* ‘медведь’ (букв. прожорливый, ненасытный), *хоох* ‘медведь’ (букв. пожиратель), *хохтуула* ‘медведь’ (букв. пожиратель).

Особенности поведения медведя в целом и присущий ему характер отражаются в следующих его номинациях: *адьырба* (букв. хищный), *адьырба бэрдэ* (букв. самый хищный), *дьаныһах* (букв. настойчивый, преследующий какую-либо цель), *сырбан* (букв. свирепый, лютый). Последнее название, вероятно, связано с поверьем – считалось, что медведь – мстительное животное, которое, если его как-то обидеть, ранить или убить медвежонок, обязательно найдет обидчика и отомстит ему. В.М. Ионов отмечает, что «медведь заносчив, самолюбив и мстителен, но не зол: его можно умиловить просьбой» [15, с. 52].

Номинация по месту обитания вызвана человеческой потребностью локализации объектов окружающей среды. Особенно это касалось животных и птиц, на которых охотились, или которые представляли особую опасность. Эвфемизмы медведя *арбахтаах* (букв. с берлогой), *арбахтаах оҕонньор* (букв. дедушка с берлогой), в основе которых лежит лексема *арбах* ‘берлога’, с аффиксом обладания *-лаах*, имеет значение ‘тот, у кого есть берлога’. Из хищных животных, проживающих на территории Якутии, только медведь строит берлогу, что и является отличительным признаком медведя, послужившим мотивационным признаком номинации по месту обитания.

Медведя иногда просто называют жителем леса, который скорее имеет дополнительную коннотацию не простого обитателя, а хозяина, хранителя леса. *Тыатаабы* (*тыатаангы, тыатаахый, тыатааххый*) и *ойуурдаабы* буквально означают ‘тот, кто из леса; лесной’ – это один из самых распространенных эвфемизмов медведя в якутском языке. По модели *тыа* ‘лес’ + варьирующий второй компонент образованы многие зоонимы: *тыа кыыла* (букв. зверь тайги/леса), *тыа кырдыаҕаһа* (лесной

старец), *тыа/ойуур оҕонньоро* (букв. лесной старик), *ойуур оҕуһа* (букв. лесной бык), *сир кыыла* (букв. зверь земли), *сайынҥы* (букв. летний). Для зоонимов медведь и волк таким же мотивационным признаком по месту обитания являются хара тыа хардааччыта (*хара* ‘черный’ + *тыа* ‘лес’ + *хардааччы* ‘храбрец, удалец’ = храбрец черного леса) и *сир кыыла* (сир ‘земля, место’ + кыыл ‘зверь’ = зверь земли).

Термины родства в составе наименований медведя

Отношение якутов к медведю неоднозначно и неоднородно – одновременно с природным страхом и почитанием как божества, это животное, действительно, воспринимается как нечто родственно близкое к человеку. Ведь самой разнообразной и многочисленной группой в названиях медведя являются номинации, так или иначе связанные человеком и с терминами родства, которые насчитывают порядка 30 лексических единиц. Предполагается, что не зря самое распространенное в якутском языке название медведя *эһэ* является эвфемизмом, передающимся через фонетически видоизмененный термин родства *эһээ* ‘дедушка’.

Аналогичным способом используется эвфемизм *эбэ* (от *эбээ* ‘бабушка’) с его различными фонетическими вариантами: *эбэм*, *эбээх*, *эбэкэ*, *эбэкээ*, *эбэккэ*, *эбээкэ*, *эбээкий* и т.д. Здесь мы видим обилие уменьшительно-ласкательных форм слова *эбээ* ‘бабушка’, которые выражают даже любовь к медведю. Однако можно предположить, что данное отношение распространено в некоторых северных улусах, а именно – в Абыйском, Верхнеколымском, Среднеколымском, Оймяконском и Верхоянском районах.

Восприятие медведя как почтенного старца прослеживается и в других народах, с которыми якуты тесно контактировали и заимствовали некоторые эвфемизмы медведя. Например, диалектные названия *амаа киһи* и *амаакаа* имеют параллели с эвенк. *амаакаа* ‘медведь’ и эвен. *абага* ‘дед, дедушка’. Аллайховский вариант *киэби* и Саккырырский диалектизм *киэбэ* ‘медведь, белый медведь’ происходят от эвен. *кееуа* ‘дед (отец отца, матери)’. С русского языка заимствовано *баатыска* ‘медведь’, от рус. *батьюшка*.

Другой термин родства *абаҕа* ‘старший брат отца’, чаще всего встречающийся в зоонимах, также обозначает медведя – *абаҕа*, видимо, для выражения почтения и уважения как к старшему. Значение старости также выражается в зоонимах *оҕонньор* ‘старик’ и *кырдьаҕас* ‘старец, старый’.

Интересным является эвфемизм медведя *өбүгэ* с первоначальным значением ‘предок/предки’ используемый жителями Абыйского, Нижнеколымского, Вилуйского и Сунтарского районов. Вероятно, здесь прослеживаются признаки легенды о том, что у якутов медведь считался

первопредком. Каждый древний якутский род верил, что какое-либо животное являлось его священным предком и покровителем. Представителям этого рода запрещалось убивать свое тотемное животное и называть его по имени. У якутских эвенов медведь также имел особое сакральное значение – они считали его первопредком или состоящим с ними в кровном родстве. В целом, восприятие медведя как прародителя того или иного рода людей было довольно распространено среди народов Сибири [21].

Культ медведя и в целом отношение к нему как к старшему члену семьи был общим для всех групп якутов, а также и соседних народов – эвенов, эвенков, юкагиров и других. Возможно, именно этим объясняется обилие наименований медведя терминами родства.

Титульные лексемы в составе наименований медведя, очеловечивание медведя

Медведь представляется якутам самым грозным жителем тайги, по этому праву он считается хозяином леса. Об этом свидетельствуют титульные лексемы *кинээс* (от рус. князь) и *тойон* ‘господин, хозяин’, встречающиеся в зоонимах медведя: *тыя кинээһэ* (букв. князь тайги), *тыя тойоно* (букв. хозяин тайги), *тойон* ‘господин’, *тойокуй* (букв. господствуй); воспевается величество грозно-почтенного зверя в выражении *улуу кыыл* ‘великий зверь’. В основе следующих зоонимов Сунтарского района *маамыкаан* и Олекминского *манныкаан* лежит лексема *маамык* ‘старинное название старосты или князя до введения названия «князец». Данные эвфемизмы подчеркивают силу и величие медведя, указывают на особенности его образа жизни, а также описывают его внешний вид.

А.Е. Кулаковский приписывает медведю сверхъестественные качества: «если убить медведя, не разбудивши предварительно от зимней спячки, то за него мстят другие медведи, нападая на спящего охотника, убившего ранее также спящего медведя» [8, с. 54]. Именно поэтому по сей день охотники, остерегаясь такой мести, непременно будят медведя, лежащего в берлоге, и только после этого вступают с ним в бой.

Как было видно ранее в целом в названиях медведя прослеживается антропоморфизм – медведь воспринимается человеком, например, в эвфемизмах *кени* (букв. он) или *амаа киһи* (букв. дед-человек). Медведь также наделяется некоторыми человеческими качествами. Так, например, в зоонимах *хардааччы* (букв. удалой) и *хара тыя хардааччыта* (букв. храбрец, удалец темного леса). По преданиям многих народов Урала, Сибири, Севера и Дальнего Востока, медведь был человеком и, по сути, является оборотнем, человеко-медведем.

Обозначения медведицы с медвежонком

Считается, что в прошлом медведь был женщиной. В якутском фольклоре существует легенда о превращении беременной женщины, родившей двух медвежат, в первую медведицу. Согласно В.М. Ионову, «оҕо – дитя, детеныш, и это слово употребляется по отношению ко всему животному, но по отношению к медведю, раз речь идет о каком-нибудь определенном медведе или медвежонке, употребляется слово *аһынас*, обозначающего детеныша, особенно медвежонка: *аһынастаах эһэ* (медведь с медвежонком), *эһэ аһынаһа* (медвежонок)» [15, с. 51]. Слово *аһынас* обозначает детеныша, особенно медвежонка. Из проанализированных зоонимов только у медведя обнаружено достаточно большое количество названий медведицы с медвежонком: *аһаһаһаах эһэ* ‘медведь с медвежонком’ (букв. медведь с медвежонком), *аһынастаах* ‘медведица с детенышем’ (букв. с медвежонком), *аһынастаах* ‘медвежонок; медведица с детенышем’ (букв. с медвежонком), *чыйдаах* ‘медведь’ (от *чыый*, *чы-ый* ‘медведица с медвежонком’ – ласкательное слово). Возможное объяснение этому кроется в народных преданиях и поверьях, связанных с этим животным.

Тунгусо-маньчжуризмы в якутских названиях медведя

Если рассматривать наименования медведя с точки зрения этимологии, то более 18 % зоонимов имеют параллели в языках северных народов – эвенов, эвенков, юкагиров, долган и т.д. Мотивационная модель номинаций во многом схожа с якутским – также в своих языках медведя называют дедушкой, старцем.

Рассмотрим слова *мөөмө* (Усть-Янский район), *мөөмүсэ* (Усть-Янский район), *мөөмүчэ* (Верхоянский, Усть-Янский районы), *мөөмүчэк*, *мөөмүчэкэ*, *мээмичэ* (Индигирский, Усть-Янский районы), *мээмэ* (Индигирский, Усть-Янский районы), *мээмэчэ*. Зоонимы имеют множество параллелей в других урало-алтайских и палеоазиатских языках: юк. *мэмэ* ‘медведь’ [22, с. 136], эвен. *мэмэньде* ‘медведь (одно из названий)’ [23, с. 179], нан. *мапа* ‘медведь, дед’, *мапачакан* ‘старичок’, удм. *мафа* ‘старик (уважительное), медведь (иносказательное), муж’, марий. *мафа* ‘дед, предок, уважит. обрац. дедушка’ и др. Среди якутов существует поверье, что в прошлом был женщиной, поэтому женщины при встрече с ним обнажали грудь и говорили «О, моя невестка!» [24, с. 323] – тогда медведь, узнав «родственницу» не трогал женщину. Якуты считали, что медведица, с которой содрали шкуру, поразительно походит на голую женщину [8]. Об этом также в своих записках указывает этнограф В.М. Ионов: «медведь когда-то был женщиной, и в этом легко убедиться, если снять с него шкуру и положить на спину (*иттэни уурдахха*):

он тогда имеет вид женщины (*дьахтар дьахтарынан*)). Интересным представляется и следующая записка этнографа – «на теле медведя видны женские украшения (*симэх*). Украшения, которые когда-то носила эта женщина, оставили следы и снаружи, так как на местах, где обычно носятся эти украшения, шерсть оказывается вытертой – на шее от кольца, на груди от передних украшений, в пахах от нижних украшений» [15, с. 52].

У якутских эвенов женщина считалась по отношению к медведю более близкой родственницей, чем мужчина [25]. Исходя из этого видно, что в целом отношение к медведю как к уважаемому представителю женского пола характерно для многих языков России и, соответственно, такой образ медведя присутствует в культурных многих народов.

Первый якутский ученый-лингвист С.А. Новгородов сообщил В.М. Ионову со слов живущего в Амге промышленника 4-го Хатылинского наслега Ботурусского улуса, что медведя называют еще *накайбан* [15, с. 51]. В рамках данного исследования были зафиксированы диалектные лексемы с фонетическими вариациями: *накыйбан* (Амгинском и Аллаиховском районах Якутии), *накита*, *накыта* ‘медведь’, которые были заимствованы из эвенкийского *накита* ‘медвежья шкура, медведь’ ‘медведь’ [8, с. 411]. Диалектный зооним *амаакаа* также выступает тунгусизмом в якутском языке и заимствован из эвенкийского *амаакаа* ‘медведь’. Другие названия медведя *киэби* (Аллаиховский район) и *киэбэ* (Эвено-Бытантайский район) заимствованы из эвен. *keeуа* ‘дед (отец отца, матери)’ [26, с. 368], *кяга* ‘дед, медведь’ [23, с. 161]. Указанные районы являются местами компактного проживания эвенов в Якутии и, соответственно, данные территории выступили контактными зонами, в которых произошли языковые процессы.

Русизмы в якутских названиях медведя

В течение почти четырехвекового совместного проживания якутов и русских в якутский язык вошло большое количество русизмов, отражающих влияние материальной и духовной культуры русского народа, среди которых лексика животного мира занимает особое место. В названиях животных зоонимы-русизмы демонстрируют различные культурно-исторические явления, в первую очередь – внедрение ясачного обложения и промысел пушнины. В якутский язык из русского языка заимствованы следующие наименования медведя: *миискэ* – от рус. мишка, *баатыска* «медведь» – от рус. батюшка, *таптыгын* «медведь» – от рус. топтыгин шутливое разговорное обозначение медведя, *баранчак* – от рус. диал. баранчук. Слово *баранчук* указано в Толковом словаре Даля

как «перм. бороноволок, парень-подросток. | Оренб. сиб. вообще ребенок, особенно в разговоре с татарскими народами» (хотя слово это и не татарское; монгольское?)» [27, с. 47]. Не исключается возможность того, что данное слово заимствовано в русском языке из другого языка, вероятно, тюркского. Истоки якутского названия медведя таптыыгын связаны с русским фольклором – известно, что в русских народных сказках медведь имеет собственное имя Михайло Топтыгин.

Заключение

Так, в основе многих диалектных наименований медведя лежит несколько групп мотивационных признаков:

- 1) внешние признаки – окрас, форма, особенности морфологического строения;
- 2) поведенческие признаки – манера передвижения, повадки, места обитания;
- 3) антропоморфизм – термины родства, титульные лексемы и очеловечивание.

Краткий этимологический обзор показывает, что в наименованиях медведя и в якутской народной традиции, как и во многих других культурах народов Урала, Сибири, Севера, Дальнего Востока, культ медведя имеет тотемическую и промысловую основу и традиционно связан с представлением о нем как о божестве, предке, человеке. Универсальным для многих народов России является и общее представление образа медведя как к почтенному старцу.

Сокращения

букв. – буквальный перевод на русский язык

рус. – русский язык

якут. – якутский язык

эвенк. – эвенкийский язык

эвен. – эвенский язык

юк. – юкагирский язык

нан. – нанайский язык

удм. – удмуртский язык

марий. – марийский язык

Литература

1. Замалетдинов Р.Р., Мухаметзянова Л.Р., Хуснутдинов Д.Х. *Татарская лингвокультурология: концепты материального мира человека*. Казань: Отечество. 2012.
2. Назаретян В.М. Фразеологические единицы с компонентом – зоонимом в русском и греческом языках. *Русский язык в современном мире: тради-*

ции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. Мат. 2-й Межд. науч. конф., г. Салоники: Изд-во Высшая школа перевода МГУ. 2011:510–516.

3. Эргис Г.У. *Очерки по якутскому фольклору*. М.: Наука. 1974.

4. Павлова И.П. *Лексическая система эвфемизмов якутского языка семантика и структура*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск. 1996.

5. Pallas P.S. *Zoographia Rosso-Asiatica, sistens omnium animalium in extenso imperio Rossico et adjacentibus maribus observatorum recensionem, domicilia, mores et descriptiones, anatomen atque icones plurimorum*. 1–3. Petropoli: Academia. 1811–1813 (на лат.).

6. Károly L. Yakut names for animals in Pallas's ZOOGRAPHIA. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2008;61(3):295–323.

7. Антонов Н.К. *Материалы по исторической лексике якутского языка*. Якутск: Якутское книжное издательство. 1971.

8. Кулаковский А.Е. *Научные труды*. Якутск. 1979.

9. Кулаковский А.Е. Виды животных и растительных царств, известные якутам. *Известия Якутского отдела государственного географического общества*. Якутск. 1929.

10. Кулаковская Р.Р. Кулаковский А.Е. – Ексекулях, писатель, ученый, гуманист. *IdİL*. 2013;9(2):22–26.

11. Мордосов И.И. Кулаковский – основоположник биологических исследований в Якутии. *Вестник Северо-Восточного федерального университета*. 2013;10(4):25–30.

12. Ефимова Л.С., Шкурко Н.С., Афанасьев Н.В. и др. Охотничья культура народа саха: человек и мир тайги. *Culture and Civilization*. 2019;9(6A): 315–327.

13. Сидоров Б.И. *Знаете ли Вы млекопитающих Якутии?: полевой определитель со справочным материалом*. Якутск. 2002.

14. Серошевский В.Л. *Якуты: опыт этнографического исследования*. Москва. 1993.

15. Ионов В.М. *Медведь по воззрениям якутов*. Петроград. 1915.

16. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. *Историческое развитие лексики тюркских языков*. М.: Изд-во АН СССР, Институт языкознания. 1961:82–172.

17. Иванов С.А. *Лексические особенности говоров якутского языка*. Новосибирск: Наука. 2017.

18. Мордосов И.И. Бурый медведь Якутии (URSUS ARCTOS L.). *Вестник ЯГУ*. 2006;3(4):21–31.

19. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта* / ред. П.А. Слепцов. Т. 6. Новосибирск: Наука. 2009.

20. Харитонов Л.Н. *Типы глагольной основы в якутском языке*. Москва-Ленинград. 1954.
21. Анисимов А.Ф. *Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований*. Москва-Ленинград. 1958.
22. Афанасьев П.С., Воронкин М.С., Алексеев М.П. *Диалектологический словарь якутского языка*. М.: Наука. 1976.
23. Роббек В.А., Роббек М.Е. *Эвенско-русский словарь*. Новосибирск: Наука. 2005.
24. Алексеев Н.А., Романова Е.Н., Соколова З.П. и др. *Якуты (Саха)*. Москва. 2012.
25. Туголуков В.А., Тураев В.А., Спешаковский А.Б. и др. *История и культура эвенов: историко-этнографические очерки*. Санкт-Петербург. 1997.
26. Цинциус В.И. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю*: в 2 т. Л.: Наука. 1975.
27. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. Т. 1–4. Санкт-Петербург, Москва: М.О. Вольф. 1880–1882.

References

1. Zamaletdinov RR, Mukhametzyanova LR, Khusnutdinov DKh. *Tatar linguoculturology: concepts of the human material world*. Kazan: Otechestvo. 2012 (in Russian).
2. Nazaretyan VM. Phraseological units with a component – zoonym in Russian and Greek. *Russian language in the modern world: traditions and innovations in teaching Russian as a foreign language and in translation*. Mat. 2nd Int. scientific Conf., Thessaloniki: Publishing House Higher School of Translation of Moscow State University. 2011:510–516 (in Russian).
3. Ergis GU. *Essays on Yakut folklore*. M.: Nauka. 1974 (in Russian).
4. Pavlova IP. *Lexical system of euphemisms of the Yakut language, semantics and structure. Abstract of Candidate's dissertation (Philology)*. Yakutsk. 1996 (in Russian).
5. Pallas PS. *Zoographia Rosso-Asiatica, consisting of a review of all animals observed in the extensive empire of Rosso and the adjacent seas, their habitats, habits and descriptions, anatomy and icons of many*. 1-3. Petropoli: Academia. 1811–1813 (in Latin).
6. Károly L. Yakut names for animals in Pallas's ZOOGRAPHIA. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2008;61(3):295–323.
7. Antonov NK. *Materials on the historical vocabulary of the Yakut language*. Yakutsk: Yakut book publishing house. 1971 (in Russian).
8. Kulakovskiy AE. *Scientific works*. Yakutsk. 1979 (in Russian).

9. Kulakovskiy AE. Species of animal and plant kingdoms known to the Yakuts. *News of the Yakut Department of the State Geographical Society*. Yakutsk. 1929 (in Russian).

10. Kulakovskaya RR. Kulakovskiy A.E. – Eksekyulyakh, writer, scientist, humanist. *IDİL*. 2013;9(2):22–26 (in Russian).

11. Mordosov II. Kulakovskiy is the founder of biological research in Yakutia. *Bulletin of the North-Eastern Federal University*. 2013;10(4):25-30 (in Russian).

12. Efimova LS, Shkurko NS, Afanasyev NV et. al. Hunting culture of the Sakha people: man and the world of the taiga. *Culture and Civilization*. 2019;9(6A):315–327 (in Russian).

13. Sidorov BI. *Do you know the mammals of Yakutia?: field guide with reference material*. Yakutsk. 2002 (in Russian).

14. Seroshevsky VL. *The Yakuts: experience of ethnographic research*. Moscow. 1993 (in Russian).

15. Ionov VM. *A bear according to the views of the Yakuts*. Petrograd. 1915 (in Russian).

16. Shcherbak AM. Names of domestic and wild animals in Turkic languages. *Historical development of the vocabulary of Turkic languages*. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. 1961: 82–172 (in Russian).

17. Ivanov SA. *Lexical features of dialects of the Yakut language*. Novosibirsk: Science. 2017 (in Russian).

18. Mordosov II. Brown bear of Yakutia (*URSUS ARCTOS* L.). *Vestnik YSU*. 2006;3(4):21–31 (in Russian).

19. *Large Explanatory dictionary of the Yakut language* / ed. PA. Sleptsov. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka. 2009 (in Russian).

20. Kharitonov LN. *Types of verb stems in the Yakut language*. Moscow-Leningrad. 1954 (in Russian).

21. Anisimov AF. *Evenki religion in historical and genetic study and problems of the origin of primitive beliefs*. Moscow-Leningrad, 1958 (in Russian).

22. Afanasyev PS, Voronkin MS, Alekseev MP. *Dialectological dictionary of the Yakut language*. Moscow: Nauka. 1976 (in Russian).

23. Robbek VA, Robbek ME. *Even-Russian dictionary*. Novosibirsk: Nauka. 2005 (in Russian).

24. Alekseev NA, Romanova EN, Sokolova ZP et al. *The Yakuts (Sakha)*. Moscow. 2012 (in Russian).

25. Tugolukov VA, Turaev VA, Spevakovsky AB et al. *History and culture of the Evens: historical and ethnographic essays*. St. Petersburg. 1997 (in Russian).

26. Tsintsius VI. *Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials for the etymological dictionary*: in 2 volumes. Leningrad: Nauka. 1975 (in Russian).

27. Dahl VI. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: 2nd ed., corrected and multiplied according to the author's manuscript. Vol. 1–4. St. Petersburg, Moscow: M.O. Wolf. 1880–1882 (in Russian).

Об авторах

МАЛЫШЕВА Нинель Васильевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256>, WoS ResearcherID: AAF-7944-2020, Scopus Author ID: 57210373908, Elibrary AuthorID: 778328, SPIN: 3352-0996, e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

КАНГ Дуксу – Ph.D., (лингвистика) почетный профессор, Университет иностранных языков Хангук, e-mail: kangds@hufs.ac.kr

About the authors

Ninel V. MALYSHEVA – Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, Research Laboratory «Arctic Linguistic Ecology Lab», M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256>, WoS ResearcherID: AAF-7944-2020, Scopus Author ID: 57210373908, Elibrary AuthorID: 778328, SPIN: 3352-0996, e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Ducksoo KANG – Ph.D. (Linguistics), Professor Emeritus, Hankuk University of Foreign Studies, e-mail: kangds@hufs.ac.kr

Вклад авторов

Малышева Н.В. – разработка концепции, методология, программное обеспечение, верификация данных, проведение исследования, администрирование данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, визуализация

Канг Д. – разработка концепции, методология, программное обеспечение, верификация данных, проведение исследования, проведение статистического анализа, администрирование данных, редактирование рукописи, визуализация, руководство исследованием, администрирование проекта

Authors' contribution

Ninel V. Malysheva – conceptualization, methodology, software, validation, investigation, data curation, writing – original draft, writing – review & editing, visualization

Ducksoo Kang – conceptualization, methodology, software, validation, investigation, formal analysis, data curation, writing – review & editing, visualization, supervision, project administration

Конфликт интересов

Автор Малышева Нинель Васильевна является зам. главного редактора и членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

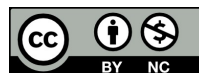
The author Ninel V. Malysheva is a deputy chief editor and a member of editorial board of the journal “Arctic XXI Century”. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article

Поступила в редакцию / Submitted 10.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 27.02.2025

Принята к публикации / Accepted 20.03.2025

УДК 811.512.19

<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-76-95>*Оригинальная научная статья*

Этнокультурное и социолингвистическое описание долганского языка

А. А. Петров

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ petrovalexspb@mail.ru

Аннотация

Научная проблема изучения языка одного из коренных малочисленных народов Российской Федерации – долган представляется актуальной задачей гуманитарной науки. Долганский язык принадлежит к числу малоисследованных тюркских языков и находится сегодня на грани исчезновения ввиду немногочисленного количества носителей, сужения среды и сферы использования. Такая тенденция характерна не только для языка долган Таймыра и Якутии, но и для других коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Арктики и Дальнего Востока. Целью статьи является ретроспективное исследование истории происхождения долганского народа и его языка, а также описание их современного состояния и перспектив развития. Материалом работы послужили опубликованные труды отечественных и зарубежных исследователей, а также собственные материалы автора, собранные во время экспедиционных выездов на Таймыр и Республику Саха (Якутия) в разные годы. В статье применяются такие методы исследования, как описательный, сравнительно-исторический и непосредственное наблюдение языковой ситуации в процессе длительной практической работы со студентами-долганами на факультете народов Крайнего Севера и институте народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, а также на кафедре северной филологии СВФУ им. М.К. Аммосова. В статье представлен краткий очерк грамматики долганского языка, характеристика его основных фонетических и лексических особенностей. В работе учтены материалы и выводы самых важных научных трудов и учебно-методических работ по долганскому языку. Результаты работы приведены в виде резюме в кратком заключении статьи, в котором отражены практическая значимость и перспективы исследования современного долганского языка.

© Петров А. А., 2025

Ключевые слова: долганский язык, тюркский язык, языки малочисленных народов Севера, история изучения, современное состояние, перспективы исследования, фонетика, морфология, синтаксис

Благодарности. Автор выражает благодарность коллегам из Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, Института языков и традиционных культур Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова и Таймырского дома народного творчества г. Дудинки Красноярского края за оказанную консультативную помощь. Персональную благодарность автор выражает Н.Н. Жарковой, П.И. Туприной и О.С. Ленивцевой, предоставившим материал о преподавании долганского языка в школах Таймыра и Якутии

Для цитирования: Петров А.А. Этнокультурное и социолингвистическое описание долганского языка. *Арктика XXI век*. 2025;(1):76–95. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-76-95>

Original article

Ethnocultural and sociolinguistic description of the Dolgan language

Aleksandr A. Petrov

Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen
Saint Petersburg, Russian Federation

✉ petrovalexspb@mail.ru

Abstract

The scientific problem of studying the language of one of the indigenous peoples of the Russian Federation – the Dolgan – is an urgent task of the humanities. The Dolgan language is one of the little-studied Turkic languages and is currently on the verge of extinction due to the small number of speakers, narrowing of the environment and scope of use. This trend is characteristic not only of the Dolgan language of Taimyr and Yakutia, but also of other indigenous peoples of the North, Siberia, the Arctic and the Far East. The purpose of the article is a retrospective study of the history of the origin of the Dolgan people and their language, as well as a description of its current status and development prospects. The material of the article is published works of domestic and foreign researchers, as well as the author's own materials collected during expeditions to Taimyr and the Republic of Sakha (Yakutia) in different years. The article uses such research methods as descriptive, comparative-historical and direct observation of the language situation in the process of long-term practical work with Dolgan students at the Faculty of Peoples of the Far North and the Institute of Peoples of the North of the Herzen State Pedagogical University, as well as at the Department of Northern Philology of the Ammosov North-Eastern

Federal University. The article presents a brief outline of the grammar of the Dolgan language, a description of its main phonetic and lexical features. The work takes into account the materials and conclusions of the most important scientific works and educational and methodological works on the Dolgan language. The results of the work are presented in the form of a summary in the short conclusion of the article, which reflects the practical significance and prospects for studying the modern Dolgan language.

Keywords: Dolgan language, Turkic language, languages of indigenous peoples of the North, history of study, current state, research prospects, phonetics, morphology, syntax

Acknowledgments. The author expresses gratitude to colleagues from the Institute of Peoples of the North of the Herzen State Pedagogical University, the Institute of Languages and Traditional Cultures of the North-East of the Russian Federation of the Ammosov North-Eastern Federal University and the Taimyr House of Folk Art in Dudinka, Krasnoyarsk Territory for their advisory assistance. The author expresses personal gratitude to N.N. Zharkova, P.I. Tuprina and O.S. Lenivtseva, who provided material on the teaching of the Dolgan language in schools in Taimyr and Yakutia

For citation: Petrov A.A. Ethnocultural and sociolinguistic description of the Dolgan language. *Arctic XXI Century*. 2025;(1):76–95. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-76-95>

Введение

Тема настоящего исследования связана с изучением долганского языка в диахроническом аспекте, описанием его современного состояния и особенностей. Актуальность темы объясняется критической социолингвистической ситуацией в отношении этого языка, характерной, к сожалению, для всех языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, внесённых в «Красную книгу языков народов России» ещё в конце XX столетия.

Долганский язык относится к числу малоисследованных языков, имеется лишь несколько монографических исследований. Впервые статью о долганском языке в центральном академическом издании опубликовала С.И. Андросова [1]. Немногочисленные публикации, посвященные вопросам фонетики, лексики и грамматики данного языка написаны Е.И. Убрятовой, Н.П. Бельтюковой, Т.М. Кошеверовой, В.М. Надеяевым, З. П. Демьяненко, Н.М. Артемьевым, Ж.П. Спиридоновой, А.А. Петровым и др. В последние годы опубликован ряд научных исследований и учебно-методических работ по языку и культуре долган российских учёных (А.А. Барболина, Н.М. Артемьев, А.А. Петров, Ж.П. Спиридонова, В.И. Дьяченко, А.И. Саввинов, Н.А. Алексеев,

П.Е. Ефремов, П.Н. Чуприн и др.), зарубежных лингвистов (С. Фудзисиро, К.Л. Дэбритц, Е. Стаперт, Х. Хайырсевер и др.), а также образцы литературных произведений самих долганских авторов (О. Аксёнова, Н.А. Попов и др.). Вместе с тем остается ряд нерешенных проблем в исследовании долганского языка, связанных с его статусом как самостоятельного языка, и с частными вопросами по фонетике, грамматике лексикологии и лексикографии, семантики и др.

Методологической базой статьи являются научные работы классиков североведения: В.Г. Богораз-Тана, В.И. Иохельсона, Л.Я. Штернберга, В.И. Цинциус, Г.М. Василевич и других; долгановедов Е.И. Убратовой, Б.О. Долгих, А.А. Попова, В.М. Надеяева, Г.И. Грачевой, В.И. Дьяченко, П.Е. Ефремова, А.И. Саввинова, О.Е. Аксеновой, А.А. Барболиной, Н.М. Артемьева и др.

Целью данной работы являются обобщение и систематизация известного в настоящее время лингвистического материала по долганскому языку, описание его современного состояния и дальнейших перспектив его развития.

Теоретическая значимость работы заключается во введении в научный оборот новых материалов по долганскому языку и культуре, собранных и опубликованных автором в первой четверти XXI века. Практическая значимость труда определяется активным использованием материалов автора в практике школьного и вузовского преподавания в субъектах Российской Федерации.

Материалы и методы

Материалом работы послужили опубликованные труды отечественных и зарубежных исследователей, а также собственные материалы автора, собранные во время поездок на Таймыр и Республику Саха (Якутия) в разные годы.

При работе над статьей использовались следующие методы исследования: описательный, сравнительно-исторический, непосредственное наблюдение над языковой ситуацией в процессе длительной практической работы со студентами-долганами на факультете народов Крайнего Севера и институте народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена (далее ФНКС ЛГПИ), а также на кафедре северной филологии СВФУ им. М.К. Аммосова.

Результаты и обсуждение

Долганский язык относится к северной подгруппе тюркских языков. Ученые считают, что в основе долганского языка лежит якутский язык [2], но в то же время констатируется, что он является самостоятельным языком, литературные нормы которого находятся в стадии

формирования [3]. Ранее о самостоятельности долганского языка писала профессор Е.И. Убрятова, советский лингвист, крупный специалист по якутскому и тюркским языкам [4].

Долганская народность сложилась в результате своеобразного симбиоза некоторых локальных групп эвенков (тунгусов), северных якутов (саха) и русских крестьян [5]. Якутский язык был понятен большинству населения северо-востока Азии. Не случайно в XIX веке русский писатель И.А. Гончаров, проезжая из Японии в Санкт-Петербург, был удивлен тем, что даже русские люди, все другие национальности северо-востока Азии, общались на якутском языке. Этот язык стал «языком межнационального общения». Долганы, контактируя с северными народами, в том числе и якутами, перемещались вдоль берега Северного Ледовитого океана на запад, к территории современного Таймыра. Здесь они встретили самодийские племена – ненцев, нганасан, энцев, язык которых также повлиял на язык долган. Становление нового этноса – долган стало историческим фактом и сегодня они известны как самая молодая народность из числа тех, что, ныне входя в особый *Перечень*, подписанный В.В. Путиным, имеют статус коренных малочисленных народов Российской Федерации. В данный список входят народы, численность которых не превышает 50 тысяч человек. Долганы ведут кочевой образ жизни, практикуя оленеводство, чем отличаются от якутов (саха), которые являются скотоводами, занимающимися крупным рогатым скотом и коневодством. Тем не менее современный долганский язык является по грамматическому строю якутским и типологически относится к агглютинативным языкам. Вместе с тем в лексике долганского языка широко распространена оригинальная оленеводческая терминология, основа которой заимствована из языка эвенкийского (тунгусского). Ввиду того, что родственные эвенкам эвены (ламуты) тоже являются оленеводами, в их языке также распространены названия оленей (по полу, возрасту, хозяйственной принадлежности, форме рогов, окрасу и пр.) и предметов, связанных этим видом традиционного хозяйства Севера. Таким образом, оленеводческая лексика долган имеет общетунгусскую базу или исконную основу.

Также долганский язык сохранил общетюркские слова: родственная терминология, названия светил неба и природных стихий, система счета, местоимения, падежная система и др. Эвенкийский род *Долган* известный как один из эвенкийских родов, который позже ассимилировался в новом долганском этносе. Род *Долган* как тунгусский Г.М. Василевич включила в «Список названий родов и их распространение в XVII–XX вв.», приложенный ко второму тому нового выпуска известной

её монографии об эвенках [6, с. 276–277]. Это наименование применяется в настоящее время для обозначения этноса долган. Род *Долган* известен и среди эвенов Камчатки. Среди студентов ФНКС ЛГПИ им. А.И. Герцена были студенты-ламуты по фамилии *Долган*. А как известно, многие родовые названия народов Севера и Дальнего Востока стали позже их фамилиями: у ненцев *Лансуй*, *Вануйто*, *Сэротэтто*, *Окотэтто*, у эвенков *Панкагир*, *Удыгир*, *Монго*, у нанайцев *Пассар*, *Самар*, *Киле* и др.

В настоящее время долганский язык – язык автохтонного населения Таймырского (долгано-ненецкого) муниципального района Красноярского края Российской Федерации. В последние годы в Анабарском районе Якутии в результате переписей населения возросло число жителей, считающих себя не якутами (саха), а долганами. Этот процесс стал характерен с начала 1990-х годов, когда в России стали образовываться ассоциации коренных малочисленных народов, которые стали бороться за права северян, развернули активную деятельность по пропаганде национального языка и культуры. Соответственно, долганы стали возрождать свой язык, традиции, национальные праздники. В Республике Саха (Якутия) теперь этот район официально называется Анабарским национальным (долгано-эвенкийским) муниципальным районом. Здесь необходимо отметить тот факт, что на территории Якутии принят закон, согласно которому государственными языками республики признаны якутский (саха) и русский языки, а в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока эвенкийский (тунгусский), эвенский (ламутский), чукотский, юкагирский и долганский являются официальными языками.

Согласно последней официальной Всероссийской переписи населения Российской Федерации 2020 года, численность долган составила 8182 человек. Если проследить данные предыдущих переписей, в 1970 г. их число составляло 4877 человек, то в последующие годы численность возрастала: в 1979 г. – 5053, в 1989 г. – 6945, в 2002 г. – 7261, 2010 г. – 7885 чел. Восточно-центральные регионы Таймыра – ареал распространения родного языка долган вдоль рек Хатанга, Попигай и Хета. Хатангский и Дудинский районы также являются местом распространения долганского языка. В настоящее время владение родным долганским языком, особенно в молодежной среде, значительно сократилось.

Об истории создании долганской письменности А.А. Барболина написала специальную работу в виде учебного пособия для общеобразовательных школ. В ней говорится, что в конце 1970-х годов был создан алфавит на кириллице; в 1984 г. появился первый букварь; стали появ-

ляться словари и, учебные пособия [7]. Известно, что в настоящее время опубликованы не только школьные учебники, но и вузовские учебные пособия [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16].

О долганском языке более подробно мы писали в работах раннего периода: А.А. Петров «Долганский язык» (2018), А.И. Егорова, С.Д. Егинова, М.П. Чочкина, З.Е. Каскаракова, М.А.-ооловна Кужугет «Словарь личностных качеств на тюркских языках сибирско-алтайской группы» (2018), А.А. Петров «Оленеводческая лексика эвенского и долганского языков: опыт сравнительного анализа» (2020), А.А. Петров, Л.Д. Алексеева «Сравнительный анализ происхождения названий месяцев в русском, якутском и долганском языках» (2020), А.А. Петров «Концепт “север” в творчестве долганской поэтессы Огдо Аксеновой» (2021), А.А. Винокурова «Долганско-русский словарь: учебное пособие для средних общеобразовательных учреждений, колледжей и вузов» (2021), А.А. Петров «О языке фольклора долган (к проблеме изучения)» (2023) и др.

В связи с этим в настоящей статье мы ограничимся краткой информацией о фонетике, лексике, морфологии и синтаксисе языка долган.

Фонетика

Вокализм. В долганском языке имеется 20 гласных фонем – 8 кратких *a* (*ас* – ‘волосы; еда’), *o* (*олок* – ‘жизнь; село, поселок’), *y* (*уйа* – ‘гнездо; нора’), *ы* (*ый* – ‘месяц, луна; указывать, показывать’), *э* (*эбии* – ‘сложение; прибавление’), *ө* (*өр* – ‘долго; плести, сплести, заплетать; вязать (сети)»), *ү* (*үлэ* – ‘работа, труд, занятие, деятельность; дело’), *и* (*им* – ‘заря; метка (на ушах оленя), клеймо’) и соответствующие им 8 долгих гласных *aa* (*аан* – ‘дверь’), *oo* (*оойбон* – ‘прорубь, лунка’), *uu* (*уу* – ‘вода, водный; сон’), *ыы* (*ыырдыы* – ‘вьючное седло’), *ээ* (*эттээк* – ‘мясной, имеющий мясо’), *өө* (*өстөөк* – ‘враг, вражеский, враждебный’), *үү* (*үүт* – ‘молоко; дыра, отверстие’), *ии* (*иит* – ‘воспитывать, выращивать, приручать; заряжать (ружье)’), а также 4 дифтонгоида: *ya* (*тыал* – ‘ветер’, *ыал* – ‘сосед, соседский’; *yas* – ‘древесная смола’), *yo* (*юл* – ‘мальчик, парень, юноша, молодой человек; сын’; *yos* – ‘губа; рот; ствол ружья’), *из* (*изс* – ‘долг’; *биэс* – ‘пять’; *биэк* – ‘век; часто; вечно, всегда; постоянно; обычно’), *yө* (*үөр* – ‘табун, стадо, рой, стая; радоваться’; *yөн* – ‘насекомое (червь, гусеница, личинка и пр.)’; *yөс* – ‘желудок, желчь (рыбья); середина, место ближе к середине водоема’). По качеству – заднего и переднего ряда; неогубленные и огубленные; широкие и узкие.

Гармония гласных. Несоблюдение закона гармонии гласных обычно встречается чаще всего в словах эвенкийского происхождения и русских заимствованиях. Например, эвенк. *гурумийи* «вид обуви», эвенк.

атакии, эвен. *атаки* «паук», эвенк. *туокии*, эвен. *токи* «лось», эвенк. *болгикта* «кустарник», эвен. *болгит* «кедровый стланик», *учитал* рус. «учитель» и др.

Консонантизм. В долганском языке 17 согласных фонем, которые характеризуются по активному речевому органу (место образования) как: губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные, фарингальные; по способу образования звука, т. е. по характеру преграды, образуемой перед струей воздуха активными и пассивными органами речи (язык, губы, нёбо, альвеолы и др.). По этому признаку согласные фонемы делятся на смычные, щелевые (проточные) и дрожащие. Среди смычных согласных в качестве особого их подвида выделяются аффрикаты (*ч*, *дь*). Аффрикаты артикулируются в отличие от чистых смычных постепенным размыканием сомкнутых органов речи, т. е. смычная фаза в их артикуляции заканчивается не взрывом, а постепенно переходит в щель. По участию шума и голоса согласные бывают звонкие и глухие. Среди звонких согласных различаются шумные и сонанты. Примерами фонем по месту образования являются губные *м* – *маабыт*, *маабут* от эвенк. *маут*, эвен. *мавут* – «аркан», *б* – *балык* «рыба, рыбный, рыбий», *п* – *пороо* – «худой, тощий»; переднеязычные *н* – *налыччы* «спокойно, неторопливо», *д* – *дарама* «бедро, огузок» от эвенк. *дарама* «поясница», *т* – *токур* – «кривой, изогнутый; извилистый», *с* – *паскаал* «пасхалия; долганский народный календарь в виде деревянной или костяной шестигранной палочки»; ср.: рус., устар. *пасхалия*, *пасхаль* – «таблица, содержащая ключевые слова и круги нахождения времени Пасхи и других праздников»; *л* – *лабыкта* «лишайник (олений мох)»; ср. эвенк. *лавикта* «ягель (олений мох)», *р* – *кур* «пояс, ремень»; среднеязычные *нь*, *дь*, *ч*, *й* заднеязычные *нг*, *г*, *к* увулярные (*ɟ*), (*ɟ*) фарингальные *h*; по способу образования: смычные и щелевые (сонанты, шумные, чистые, аффрикаты, срединные, боковые дрожащие). В начале и в конце слова сочетания согласных недопустимы за исключением – *лт*: *булт* «добыча, промысел, охота, лов; охотничий», – *рт*: *бэрт* «отличный; наречие меры и степени – очень». В середине слова не может быть сочетаний трёх и более согласных. Отсутствуют анлаутные: *с* (переходит в *h*), *ɟ*, *нг*: ср.: якут. *сах* и долг. *һака*.

Морфология

По морфологическому типу долганский относится к агглютинативным языкам, где аффиксация является ведущим способом выражения грамматических значений. Для существительных в долганском языке характерны грамматические категории числа, падежа, принадлежности, сказуемости. Категории числа свойственны формы единственного и

множественного чисел. Аффикс множественного числа *-лар* выступает в 16 фонетических вариантах и относится к универсальным формам языка, так как он употребляется не только с именами существительными. Аффиксы принадлежности относятся к именам существительным и к субстантивированным прилагательным, числительным, причастиям. Различается 8 падежей: основной, совместный, винительный, дательный, исходный, орудный, частный и сравнительный. В 1988 г. Н.М. Артемьев защитил кандидатскую диссертацию в Институте языкознания АН СССР по теме «Падежная система языка долган» и позже опубликовал на её основе монографию [17]. Аффиксы сказуемости присоединяются ко всем частям речи, употребляемым в роли сказуемого: к именам существительным, прилагательным, имени наличия *баар*, именам отрицания *һуок*, именам обладания на *-лаак* и др. Сравнительная степень выражается синтаксически, т.е. с помощью конструкции, где имя ставится в сравнительном или исходном падеже, а также с помощью слов *бэрт* «превосходный, лучший»; *ордук* «излишек». Числительные в долганском языке аналогичны якутским. Разряды местоимений делятся на: личные, притяжательные, лично-возвратные, указательные, сравнительно-указательные, относительные, вопросительные и неопределенные. Глаголу присущи морфологические категории залога, вида, наклонения, времени, лица и числа. В систему глагола входят: а) лично-глагольные формы; б) причастия; в) деепричастия. Представлены три типа: глаголы действия, глаголы состояния, образные глаголы. Категория залога имеет следующие формы: основной, совместный, возвратный, страдательный, побудительный. Основной залог не имеет грамматического показателя. Совместный выражается афф. *-с- (-ыс-)*: *барыс*=пойти вместе; *билис*=познакомиться. Возвратный образуется только от глагольных основ переходного значения. Показатель страдательного залога афф. *-лун-*: *сурулун*=быть написанным. Побудительный образуется при помощи афф. *-т, -тар, -ар, -ыар*: *аһат*=кормить, *туруор*=поставить. Категория вида, выражаемая аффиксально и аналитически, представлена формами многократного, ускорительного, начинательного, длительного, законченного, кратковременного, уменьшительно-ласкательного видов. Категория наклонения включает изъявительное, желательное-сослагательное, долженствовательное, условное, условно-временное, повелительное, обычно выполняемого действия, возможное, утвердительное. В изъявительном наклонении представлены формы настоящего, прошедшего несовершенного, прошедшего совершенного, давно-прошедшего, будущего времени в положительной и отрицательной формах. Причастия настоящего времени на *-ар*, отрицательного настоящего на *-бат*,

прошедшего времени на *-быт*, *-так*, отрицательного прошедшего на *-батак*, будущего времени на *-ыак*, отрицательного будущего на *-мыак*, будущего времени на *-ыа*, еще не совершившегося действия на *-а илик*, причастие на *-аччы*. Деепричастия имеют показатели: *-ан*, *-н*, *-а*, *-бакка*, *-мына/-минэ*, *-аары*, *-маары*, *-аат*, условное на *-тар* и *-батар*. Наречия совпадают с якутскими по форме и значению, делятся на неразложимые (*аны* «теперь», *койут* «поздно», *урут* «прежде») и производные: на *-ы* (*кардары* «поочередно», *түннэри* «навзничь»); на *-уу* (*огонньордуу* «по-стариковски»), *-ик* (*түргэнник* «быстро») и др. Долганские послелоги совпадают с якутскими и делятся на три группы: а) отыменные: *ис* «нутро, середина», *тас* «внешняя сторона», орто «середина», *уста* «длина», *илин* «перед»; б) отглагольные, восходящие к деепричастным формам: *аайы* «каждый, всякий», *быһа* «через», *такса* «свыше», *эргийэ* «вокруг»; в) неизвестного происхождения: *мэлдьи* «всегда, на протяжении», *талыы* «похожий, подобный».

Синтаксис

Словосочетания делятся на простые и сложные. В долганском языке существует три типа подчинительных связей слов: согласование, управление, примыкание. Изафет: *киһи аата* «имя человека», *тыал тыаһа* «шум ветра» и т. п. Простое и сложное предложение. Сложносочиненные предложения с равнозначными частями: *Күөлгэ балыкчыттар илимнэрин көрүнэллэр, кытылга оголор оонньуу ылдьаллар, дыактаттар тимир оһокко ас буһараллар*. – ‘Рыбаки на озере проверяют сети, дети играют на берегу, женщины на железной печке готовят еду’. Сложносочиненные предложения с зависимой связью частей: *Эбэгэ бэрт күүстээк тыал огуһа, ол иһин балыкчыттар илимнэрин эһэ ки-ирбэттиллэр*. – ‘На реке ударил сильный ветер, поэтому рыбаки не пошли снимать сети’. Сложноподчиненные предложения: подлежащные, дополнительные, определительные, сказуемостные, обстоятельственные (времени, условия, причины, противодействия). Предложения с усложненной структурой: *Кыргыттар кулуупка кэлбиттэрэ, концерт бүппүт эбит, ол иһин гинилэр волейбол оонньуу бардылар*. – ‘Девушки пришли в клуб, концерт, оказывается, закончился, поэтому они пошли играть в волейбол’. [15, с. 102].

Лексика

Лексика долганского языка содержит несколько неравнозначных по объему пластов: тюркский (якутский), тунгусский (эвенкийский), славянский (русский) и пласт слов уральского происхождения (самодийский – ненецкий, нганасанский, энецкий). Основу словарного состава языка хака составляют слова якутского происхождения. Классификации

долганских слов посвящен раздел в монографии Е.И. Убрятовой «Язык норильских долган». Весь словарный состав долганского языка ею разбит на три группы: слова якутского происхождения (основной фонд), слова эвенкийского происхождения, слова, заимствованные из русского языка [4, с. 53–74]. Вместе с тем, Н.М. Артемьев считает, что «научное исследование лексики языка долган предполагает комплексный историко-лингвистический, дифференцированный подход к этой проблеме и должно отразить более глубокие лексические связи и процессы, происходившие в языке» [11, с. 63].

Общетюркская исконная лексика в долганском языке представляет собой часть общей лексики тюркских языков. Этот пласт лексики по происхождению имеет единый корень. Для долганского языка, этнический состав носителей которого является разнородным, – это результат распространения якутского языка среди ассимилировавшихся родов разного происхождения. Основная часть лексики долганского языка состоит из слов, имеющих тюркские соответствия.

Долганские слова, имеющие монгольские соответствия, представляют собой лексику для значительного интереса исследователей-лингвистов. Существует мнение, что они унаследованы из якутского языка как результат длительной совместной истории взаимодействия с монголоязычными народами. Тематические группы слов, имеющие монголизмы, весьма разнообразны.

Слова тунгусо-маньчжурского происхождения имеют распространение в лексике долганского языка. Это свидетельствует о значительном влиянии языка и культуры эвенков на формирование долганского этноса. Например, слова, связанные с культурой тунгусских nomадов – кочевников охотников, оленеводов. Оленеводческая терминология долган во многом из эвенкийского языка.

Слова, заимствованные из русского языка – заметный пласт лексики в языке долган. При этом данная лексика является диалектной, то есть местного (регионального) статуса. Прежде всего это слова из русского языка сибирских старожилов, русских переселенцев.

Лексикография долганского языка в целом представлена неравномерно: есть двуязычный словарь, орфографический, толковый, фразеологический, тематический, этнолингвистический, картинный; в основном это учебные словари. Кроме школьных словарей долганская лексика отражена в словаре М. Стаховского, изданного в Польше [18]. Под нашей научной редакцией в издательстве «Алмаз-Граф» вышел в свет наиболее полный «Долганско-русский словарь» для 10–11 классов (2019).

Если говорить о современном состоянии долганского языка, то его определяют несколько факторов: а) бытование языка как средства общения и передачи опыта от поколения к поколению; б) издание литературы и радиовещание; в) научное исследование языка, фольклора, литературы и культуры долган; г) преподавание долганского языка в дошкольных образовательных учреждениях, школах и в вузах.

Во-первых, само сохранение языка долган связано с его использованием в бытовом общении и лучше всего это проявляется там, где сохраняются традиционные формы ведения хозяйства – оленеводство, охота, рыболовство и собирательство. В стаде оленеводы передают не только опыт содержания, выпаса оленей во время перекочевков, но и обучают терминам, связанным с этим промыслом. К примеру, только названий оленей в этой сфере великое множество и наименования отражают их обозначения по полу, возрасту, форме рогов, окраске, повадкам, хозяйственной принадлежности и т.д. К тому же целый пласт данной лексики связан с дневными, ночными, сезонными пастухами, кличками оленей, их выпасом, отелом важенков, выделкой шкур, инструментами, болезнями оленей, названиями их частей тела, внутренностей и пр. Мы посвятили этой теме специальное исследование и выпустили в свет этнолингвистический словарь оленеводческой лексики долган [16]. В условиях кочевой жизни дети с раннего детства приобщаются к труду и знают родной язык и его особенности. То же самое происходит в среде охотников и рыболовов, а также при собирании дикоросов, различных ягод, лечебных трав, кореньев и пр.

Во-вторых, создание письменности и издание литературы на долганском языке (газеты, журналы, учебно-методическая литература, научные статьи, монографии, словари, произведения художественной литературы), а также радиовещание, телепередачи (а ныне блоги и сайты в Интернете) способствуют сохранению и развитию языка долган. Здесь немаловажную роль играет активная позиция самих долган. Представители долганской интеллигенции много сделали и делают сегодня в этом направлении. Стоит назвать имена Огдо Аксеновой – Е.Е. Аксеновой, Н.А. Попова, А.А. Барболиной, В.Н. Парфирьева, Н.М. Кудряковой, Н.Н. Жарковой, Л.Д. Бетту, В.Н. Поротова, В.И. Батагая и многих других. Большинство из них – это выпускники Факультета народов Крайнего Севера им. А.И. Герцена или Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена. В последние годы стало популярным изучение родного языка по методике так называемых «языковых гнёзд», которая была инициирована научными сотрудниками ИЯ РАН, ИЛИ РАН (в том числе и для энцев, ненцев, нганасан Таймыра).

Художественные поэтические произведения Огдо Аксеновой (Евдокии Егоровны Аксеновой) на долганском языке и в переводах на русский язык В. Кравца появились в Красноярском книжном издательстве в середине 1970-х годов (см. сборники «Бараксан» 1973; «Песни долган» 1975; «Узоры тундры» 1976; «Тундровичок» 1979; «Тыатаагыкаан» 1979, а также «Морошка» 1980 и др.). Далее появились прозаические произведения на долганском языке Николая Анисимовича Попова (см.: «Каранто урдуһуттан. Из рода Каранто» 2001; «Трудные дороги войны. Һэрии үйэ кытаанак ороктора» 2005; «Эристин: Рассказы на русском и долганском языках» 2007; «По пяти рекам Авама» 2011). Также были изданы поэтические сборники Аксины Дмитриевны Рудинской «Разговор с Землей», «Зажечь свечу» и книга «С природой на «ты»». Книги песен самодеятельного композитора и поэта Матвея Васильевича Чарду «Песнь о Дудинке», «Мелодии Таймыра», «С песней по тундре» и др.

Долганская литература стала предметом научного исследования ученых ИНС РГПУ им. А.И. Герцена (см. серию «Литература народов Севера» под ред. проф. Е.С. Роговера, статьи известного литературоведа, доктора филологических наук, профессора Ю.Г. Хазанкович, а также В.В. Огрызко, Е.Н. Ивановой, Е.А. Архиповой и др.).

Учебная литература по долганскому языку печатается преимущественно в издательствах «Просвещение», Издательстве РГПУ им. А.И. Герцена, «Алмаз-Граф» в Санкт-Петербурге, а также в Издательском доме СВФУ им. М.К. Аммосова и «Дани-Алмас» в Якутске.

В-третьих, очень важное значение имеет научное изучение языка, фольклора, литературы, культуры долган. Здесь также имеются давние традиции, которые продолжают нынешние поколения ученых. Как этнос долган описал академик А.Ф. Миддендорф ещё в XIX в. Позже в сферу научных интересов других этнографов долганы также попали. Это труды М.Ф. Кривошапкина, П.И. Третьякова, С.К. Патканова, В.Н. Васильева, Б.О. Долгих, А.А. Попова и др. Особенно следует отметить заслуги А.А. Попова, который исследовал долган во время длительных экспедиционных поездок и издал ряд ценных работ по их этнографии и фольклору. Недавно выпущена в свет его монография по религиозным воззрениям долган, которая в свое время из-за дискуссий развернувшихся на страницах журнала «Советская этнография», не была напечатана. Появлением в печати данного фундаментального труда мы обязаны сотрудникам Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера РАН), в частности к. и. н. В.И. Дьяченко. Ранее были изданы уникальные шаманские тексты, собранные А.А. Поповым [19]. Сегодня в области этнографии и фольклора долган активно

работает и к. и. н. А.И. Саввинов, который подготовил и опубликовал несколько статей и монографий по традиционному декоративно-прикладному искусству и устному народному творчеству долган. Первым исследователем долганского олонхо был П.Е. Ефремов, научный сотрудник ИЯЛИ СО АН СССР. В настоящее время его работы получили продолжение в публикациях серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (см. том «Фольклор долган», подготовленный Н.А. Алексеевым), а также в изданиях сотрудников Таймырского ДНТ в Дудинке (см.: «Долган-хакалар ырыалаак олонколоро. Героический эпос долган – олонхо» Л.Д. Бетту, 2008).

Важно отметить, что из среды самих долган вышли замечательные ученые-исследователи, то есть долганы в XX веке из «объекта исследования стали субъектами исследования» собственной истории, языка и культуры. Первый ученый из числа долган, ветеран Великой Отечественной войны Григорий Романович Попов (18.03.1923 – 1984) в 1953 г. в ЛГУ защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук по теме «Экономико-географическая характеристика Таймырского национального округа»; Татьяна Семеновна Еремина (30.10.1931 – 26.07.2005) – кандидат исторических наук, государственный и партийный деятель; защитила диссертацию в Москве в Академии общественных наук при ЦК КПСС на тему «Очерк истории Таймырской окружной партийной организации (1930–1940 г.г.)». Анна Алексеевна Барболина (Чуприна) (род. 6 декабря 1947 г.) – кандидат педагогических наук, главный специалист отдела фольклора и этнографии КГБУК «Таймырский Дом народного творчества» защитила диссертацию в НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР, выпускник ФНКС ЛГПИ им. А.И. Герцена и Полярной академии Санкт-Петербурга. Петр Николаевич Чуприн (род. 2 января 1978 г.) – кандидат культурологии, выпускник ИНС РГПУ им. А.И. Герцена, тема его диссертации «Традиционная культура долган как объект культурологического исследования» (в ИНС РГПУ в 2009 г.); ныне работает учителем истории СОШ № 535 Калининского района Санкт-Петербурга.

Л.Д. Бетту издала прекрасную монографию, посвященную фольклорным традициям в творчестве Огдо Аксеновой (2007). Полное собрание сочинений поэтессы, ученого-фольклориста издано в Японии под руководством профессора лингвистики Сэцу Фудзисиро (2001).

Перспективы сохранения долганского языка связаны также с тем, что он преподается как учебный предмет в школах Таймыра и Республики Саха (Якутия). В Таймырском (долгано-ненецком) муниципальном районе Красноярского края язык долган преподается в ТМК ОУ

«Новинская начальная школа-детский сад» (учитель начальных классов, родного языка Д.П. Антонов); ТМК ОУ «Новорыбинская СШ» учитель родного языка (учитель А.В. Портнягина); ТМКОУ «Попигайская начальная школа-интернат» (воспитатель, учитель К.А. Николаева); ТМК ОУ «Хатангская средняя школа № 1, филиал «Жданиховская начальная школа-детский сад» (учителя М.А. Чуприна, М.Д. Уксуникова); ТМК ОУ Хатангская средняя школа – интернат (завуч, учитель Л.А. Чуприна; воспитатель, учитель Т.А. Поротова, учитель Е.А. Сотникова); ТМК ОУ «Хетская средняя школа» (учителя начальных классов, родного языка Т.И. Федосеева, С.А. Чуприна). Все учителя родного долганского языка являются выпускниками факультета народов Крайнего Севера ЛГПИ им. А.И. Герцена или Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена разных лет.

В Якутии долганский язык преподается в Юрюн-Хаинской СОШ Анабарского района со 2 по 4 классы по учебному плану один раз в неделю. В старших классах (с 5 по 8 классы) долганский язык ведется как часы ФГОС один раз в неделю с 5 по 8 классы (учителя Арьянова Октябрина Николаевна, Попова Арина Николаевна); в ГБОУ РС(Я) «Экспериментальной школе-интернате «Арктика»», ГБОУ РС(Я) Нерюнгринского района (учитель Егорова Мария Валерьевна, элективный курс 4 часа в неделю).

В вузах РФ долганский язык преподается в Санкт-Петербурге на кафедре алтайских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена – А.А. Петровым, доктором филологических наук, профессором; Т.С. Назмутдиновой, кандидатом филологических наук, доцентом). В Якутске на кафедре северной филологии Института языков и культур народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университет им. М.К. Аммосова – П.И. Туприной.

Заключение

В итоге, резюмируя полученные результаты, мы можем констатировать, что поставленная в статье цель в целом достигнута. Современное состояние, проблемы исследования и преподавания языка долган связаны, прежде всего, с определением статуса их языка как самостоятельного или как диалекта якутского языка. Это касается, и научно-теоретического лингвистического изучения долганского языка, и научно-методического аспекта этого вопроса (создание учебных программ, методических разработок, школьных учебных пособий, словарей и пр.).

Для дальнейшего развития письменности, созданной в 1970-х годах, необходимы новые оригинальные художественные произведения, свежие выпуски научной, справочной и публицистической литературы

на долганском языке. Важно, что издаваемые книги учебно-методического комплекса («линейка учебников») для школ и вузов вошли в федеральный перечень учебно-методической литературы Министерства просвещения РФ.

Необходимо продолжать преподавание долганского языка на всех уровнях системы образования и воспитания: семья, кочевая школа, стационарные дошкольные образовательные учреждения, начальная и средняя школы, колледжи, вузы. Учитывая тенденцию утраты молодежью родного языка, необходимо создавать условия для возрождения, сохранения и развития филологического образования для тех, кто не владеет языком. При этом возможно приоритетное использование методики «языковых гнезд», а также этнолингвистического подхода («язык-этнос-культура») с опорой на традиционные виды хозяйственной деятельности долган – оленеводство, охоту, рыболовство, собирательство.

Поддерживать деятельность учреждений науки, образования и культуры, занимающихся теоретическими и прикладными исследованиями в области долганского языка и культуры. В России это следующие научно-образовательные центры: в Санкт-Петербурге Институт лингвистических исследований РАН, Институт народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера РАН), Российский этнографический музей; в Москве Институт языкознания РАН; в Новосибирске Институт филологии СО РАН; в Якутске ИГиИПМНС СО РАН, СВФУ им. М.К. Аммосова, АГИКИ, в Красноярске Сибирский федеральный университет, в Дудинке Красноярского края Дом народного творчества и др.

Для достижения этой цели требуется консолидация государственных органов власти всех уровней, научных, образовательных и общественных организаций страны, а также активная позиция представителей долганского народа, направленная на сохранение и развитие их родного языка и культуры.

Сокращения

- АГИКИ – Арктический институт культуры и искусств (Якутск)
афф. – аффикс
БГУ – Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ)
букв. – буквально
ГБОУ – государственное бюджетное образовательное учреждение
долг. – долганский язык
ДНТ – Дом народного творчества

ИГИиПМНС – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (Якутск)

ИНС – Институт народов Севера (Ленинград-Санкт-Петербург)

ИЛИ РАН – Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

ИЯ РАН – Институт языкознания РАН (Москва)

ИЯЛИ СО АН СССР – Институт языка, литературы и истории (Якутск)

ЛГПИ им. А.И. Герцена – Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им.Петра Великого (Кунсткамера РАН) в Санкт-Петербурге

РАН – Российская академия наук

РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

РС (Я) – Республика Саха (Якутия)

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

рус. – русский язык

СВФУ – Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск)

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СОШ – средняя образовательная школа

ТМК ОУ – Таймырское муниципальное казенное образовательное учреждение

устар. – устаревшее

ФГОС – федеральный государственный образовательный стандарт

ФНКС – факультет народов Крайнего Севера ЛГПИ им. А.И. Герцена

эвен. – эвенкийский язык

эвенк. – эвенкийский язык

Литература

1. Андросова С.И. *Долганский язык. Языки мира. Тюркские языки*. М.: Индрик. 1997.
2. Андросова С.И. *Долганский язык: Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Часть I. А-И*. М.: Наука. 2000.
3. Артемьев Н.М. *Долганский язык. Введение, общие вопросы, фонетика и графика, лексика. Часть 1*. Санкт-Петербург: Алмаз-Граф. 2013.
4. Убрятова Е.И. *Язык норильских долган*. Новосибирск: Наука. 1985.
5. Долгих Б.О. *Происхождение долган. Сибирский этнографический сборник*. М. 1963.

6. Василевич Г.М. *Эвенки. Этнографическая монография*. 1 книга. Новосибирск: Наука. 2023.
7. Аксенова Е.Е., Барболина А.А. *Букварь для 1 класса долганских школ*. Ленинград: Просвещение. 1990.
8. Аксенова Е.Е., Бельтюкова Н.П., Кошеверова Т.М. *Долганско-русский, русско-долганский словарь*. СПб.: Просвещение. 1992.
9. Артемьев Н.М., Петров А.А. *Долганы: язык, история, фольклор, культура*. СПб.: Образование. 1993.
10. Барболина А.А. *Картинный словарь долганского языка*. СПб.: Просвещение. 1995.
11. Артемьев Н.М. *Долганский язык: учебное пособие*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2001.
12. Артемьев Н.М., Парфирьев В.Н. *Дулгааттар тыллара. Учебник и книга для чтения*. СПб: Просвещение. 2001.
13. Артемьев Н.М., Петров А.А. *Долганский язык в таблицах. Учебное пособие для учащихся 5–9 классов общеобразовательных учреждений*. СПб.: Просвещение. 2008.
14. Артемьев Н.М., Петров А.А., Спиридонова Ж.П. *Долган-һака тыла. Долганский язык. Учебное пособие для 3 класса общеобразовательных школ*. СПб.: Просвещение. 2008.
15. Артемьев Н.М., Назмутдинова Т.С., Спиридонова Ж.П. *Долганский язык. 10–11 классы. Учебное пособие для общеобразовательных учреждений. Часть 3. Синтаксис*. СПб.: Алмаз-Граф. 2013.
16. Петров А.А. *Оленеводческая лексика долганского языка. Этнолингвистический словарь. Учебное пособие*. СПб.: Алмаз-Граф. 2015.
17. Артемьев Н.М. *Категория надежда: системный анализ (на материале долганского и якутского языков)*. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена. 1999.
18. Stachowski M. *Dolganischer Wortschatz*. Krakow: Nakladem Uniwersytetu Jagiellonskiego. 1993 (на нем.).
19. Попов А.А. *Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа*. Новосибирск: Наука. 2006.

References

1. Androsova SI. *Dolgan language. Languages of the world. Turkic languages*. M.: Indrik. 1997 (in Russian).
2. Androsova SI. *Dolgan language: Languages of the Russian Federation and neighboring countries*. Encyclopedia. Part I. A-I. M.: Nauka. 2000 (in Russian).
3. Artemyev NM. *Dolgan language. Introduction, general questions, phonetics and graphics, vocabulary*. Part 1. St. Petersburg: Almaz-Graf. 2013 (in Russian).

4. Ubryatova EI. *Language of the Norilsk Dolgans*. Novosibirsk: Nauka. 1985 (in Russian).
5. Dolgikh BO. *Origin of Dolgans. Siberian ethnographic collection*. M. 1963 (in Russian).
6. Vasilevich GM. *Evenks*. Ethnographic monograph. Novosibirsk: Nauka. 2023 (in Russian).
7. Aksenova EE, Barbolina AA. *Primer for 1st grade in Dolgan schools*. Leningrad: Prosveshenie. 1990 (in Russian).
8. Aksenova EE, Beltyukova NP, Kosheverova TM. *Dolgan-Russian, Russian-Dolgan dictionary*. SPb.: Prosveshenie. 1992 (in Russian).
9. Artemyev NM, Petrov AA. *Dolgans: language, history, folklore, culture*. SPb.: Obrazovanie. 1993 (in Russian).
10. Barbolina AA. *Picture dictionary of the Dolgan language*. SPb.: Prosveschenie. 1995 (in Russian).
11. Artemyev NM. *Dolgan language: textbook*. St. Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2001 (in Russian).
12. Artemyev NM, Parfiryev VN. *Dulgaattar tyllar. Textbook and reading book*. SPb: Prosveschenie. 2001 (in Russian).
13. Artemyev NM, Petrov AA. *Dolgan language in tables. A textbook for students in grades 5-9 of general education institutions*. SPb.: Prosveschenie. 2008 (in Russian).
14. Artemyev NM, Petrov AA, Spiridonova ZhP. *Dolgan-haka rear. Dolgan language. Textbook for 3rd grade of secondary schools*. SPb.: Prosveschenie. 2008 (in Russian).
15. Artemyev NM, Nazmutdinova TS, Spiridonova ZhP. *Dolgan language. 10-11 grades. Textbook for educational institutions*. Part 3. Syntax. SPb.: Almaz-Graf. 2013 (in Russian).
16. Petrov AA. *Reindeer herding vocabulary of the Dolgan language. Ethnolinguistic dictionary. Study guide*. SPb.: Almaz-Graf. 2015 (in Russian).
17. Artemyev NM. *Case category: systemic analysis (based on the Dolgan and Yakut languages)*. SPb: Herzen State Pedagogical University; 1999 (in Russian).
18. Stachowski M. *Dolganischer Wortschatz*. Krakow: Nakladem Uniwersytetu Jagiellonskiego. 1993 (in German).
19. Popov AA. *Shamanic rituals of the former Vilyui district*. Novosibirsk: Nauka. 2006 (in Russian).

Об авторе

ПЕТРОВ Александр Александрович – доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0075-3742>, Scopus Author ID: 57208920903, Elibrary AuthorID: 232865 SPIN: 9071-3097, e-mail: petrovalexspb@mail.ru

About the author

Aleksandr A. PETROV – Dr. Sci. (Philology), Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0075-3742>, Scopus Author ID: 57208920903, Elibrary AuthorID: 232865 SPIN: 9071-3097, e-mail: petrovalexspb@mail.ru

Конфликт интересов

Автор Петров А.А. является членом редакционной коллегии журнала «Арктика XXI век». Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью

Conflict of interests

The author Petrov A.A. is a member of the editorial board of the journal “Arctic XXI century”. The author is not aware of any other potential conflict of interest related to this manuscript

Поступила в редакцию / Submitted 27.12.2024

Поступила после рецензирования / Revised 24.01.2025

Принята к публикации / Accepted 17.02.2025

УДК 811.512.151

<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-96-113>

Оригинальная научная статья

Семантические и морфонологические особенности телеутского языка XVIII века в словарях П.С. Палласа (соматизмы и животный мир)

Д. М. Токмашев^{1,2}

¹Томский государственный университет

²Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Российская Федерация

 kogutei@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются фонетические и морфонологические особенности телеутского языка, принадлежащего к центрально-восточной группе тюркских языков, по другим классификациям – к сибирским тюркским языкам, кыргызо-кыпчакским языкам как один из южных диалектов алтайского языка, в рукописях исследователей Сибири первой трети и конца XVII в. на примере соматизмов и животного мира. Цель статьи – проанализировать графику, орфографию и морфонологию лексических единиц, зафиксированных П.С. Палласом и обозначенных им как «телеутские», в сопоставлении с современным телеутским языком. Источником лексики послужил «Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій» П.С. Палласа, изданный в 1787–1789 гг. Основой для синхронного сопоставления стали «Телеутско-русский» (1995) и «Русско-телеутский» (2002) словари Л.Т. Рюминой, а также экспедиционные материалы автора. В статье использован метод сплошной выборки и сравнительно-исторический метод. Анализ лексики из словарей Палласа показывает, что 77,5 % слов (31 из 40 пар) из тематических групп «тело человека» и «животный мир» фонетически тождественны единицам современного языка бачатских телеутов. Из них 20 пар идентичны по звуковому составу на глубинном морфонологическом и поверхностном фонетическом уровнях. Еще у 11 пар различия включают вариативность начального *č-, переломы гласных, дифтонгизацию, делабиализацию, мягкость конечных согласных и потерю губной гармонии. Отмечены также лексические несоответствия: выпадение одной из конкурирующих форм и полная утрата слова. Возможно, «телеутский» язык словарей Палласа охватывал несколько идиомов, в частности, приближенных к сибирско-татарским.

© Токмашев Д. М., 2025

Ключевые слова: тюркские языки, телеутский язык, Сибирь, сравнительно-историческое языкознание, лексикография, графика, орфография, фонетика, морфонология, соматизмы

Для цитирования: Токмашев Д.М. Семантические и морфонологические особенности телеутского языка XVIII века в словарях П.С. Палласа (соматизмы и животный мир). *Арктика XXI век*. 2025;(1):96–113. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-96-113>

Original article

Semantic and morphonological features of the Teleut language of the 18th century in the manuscripts by P.S. Pallas (lexical groups “body parts” and “wildlife”)

Denis M. Tokmashev^{1,2}

¹Tomsk State University

²Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

Tomsk, Russian Federation

✉ kogutei@yandex.ru

Abstract

The article examines the phonetic and morphonological features of the Teleut language in the manuscripts of Siberian researchers from the first third and end of the 17th century. The Teleut language belongs to the central-eastern group of Turkic languages, according to other classifications – to the Siberian Turkic languages, the Kyrgyz-Kipchak languages as one of the southern dialects of the Altai language, in the manuscripts of researchers of Siberia in the first third and the end of the 17th century, on the example of somatisms and the animal world. The aim of the article is to analyze the graphics, orthography, and morphonology of words recorded by P.S. Pallas and designated by him as “Teleut”, in comparison with the modern Teleut language. The source of the vocabulary was P.S. Pallas’s “Comparative Dictionary of All Languages and Dialects,” published in 1790-1791. The basis for synchronous comparison was L.T. Ryumina’s “Teleut-Russian” (1995) and “Russian-Teleut” (2002) dictionaries, as well as the author’s expedition materials. The article uses the method of continuous sampling and the comparative-historical method. Analysis of the vocabulary from Pallas’s dictionaries shows that 77.5 % of the words (31 out of 40 pairs) from the semantic domains “body parts” and “wildlife” retain their identity with the vocabulary of the modern language of the Bachat Teleuts. Of these, 20 pairs are identical in sound composition at the deep morphophonological and superficial phonetic levels. Another 11 pairs have differences including variability of the initial

*ç-, vowel shift, diphthongization, delabialization, palatalization of final consonants and loss of labial harmony. Lexical discrepancies are also noted: the dropping of one of the parallel forms and the complete loss of words. It is possible that the “Teleut” language in Pallas’s dictionaries encompassed several idioms, in particular, those close to Siberian Tatar.

Keywords: Turkic languages, Teleut language, Siberia, comparative and historical linguistics, lexicography, graphics, orthography, phonetics, morphophonology, somatisms

For citation: Tokmashev D.M. Semantic and morphonological features of the Teleut language of the 18th century in the manuscripts by P.S. Pallas (lexical groups “body parts” and “wildlife”). *Arctic XXI Century*. 2025;(1):96–113 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-96-113>

Введение

Телеутский язык принадлежит к центрально-восточной группе тюркских языков, по другим классификациям – к сибирским тюркским языкам [1], также к кыргызо-кыпчакским языкам как один из южных диалектов алтайского языка [2]. Термин «южный диалект» является историческим, поскольку современный ареал распространения телеутского языка расположен значительно севернее – в среднем течении р. Томи на ее притоках Большом и Малом Бачате (Беловский и Гурьевский районы Кемеровской области), а также в черте г. Новокузнецка. К южным диалектам алтайского языка телеутский идиом причислен из-за его структурно-генетической близости другим диалектам кластера – теленгитскому и алтай-кижи; фактически же его классификационный тип сближается с другими сибирскими тюркскими языками, расположенными к северу от Горного Алтая – кондомским шорским, нижнечулымским и томскими диалектами языка сибирских татар.

Примечательно, что первое достоверное упоминание о телеутах появляется в русских актах в 1601 г. [3]. В этнографических работах телеуты обозначаются как самостоятельный этнос уже в XVII в. Например, телеуты фигурируют наряду с другими соседними народами в 1673 г. в Тобольском варианте «Книги Большому чертежу»: «А Бия река течет из озера Тележского, а вдоль то озеро 5 дней, а поперек день, и около тех мест кочуют многие иноземцы саянцы, мундусы, калмыцы, телеуты, ямундусы, учуги, карагаицы» [4, с. 188].

В.В. Радлов выделял телеутов из прочих тюркоязычных аборигенов Саяно-Алтайского нагорья: «...все эти народности, кроме телеутов, не имеют своего собственного названия... Только у телеутов и алтайских горных калмыков можно найти следы такого национального сознания и

особенно у вторых можно наблюдать совершенно одинаковые обычаи, быт и язык, что позволяет нам считать их единым народом и объединять их единым названием» [5, с. 122]. В.В. Радлов регулярно подчеркивал языковую близость алтайцев и телеутов: «По языку к алтайцам очень близко стоят телеуты, прежде довольно значительное турецкое племя, которое во время падения государства ойротов переселилось с Иртыша на северный Алтай. Телеуты называют себя *теленгетами* или *черными*¹ *калмаками* и помнят еще о своей принадлежности к составу Ойротского государства» [6, с. 12].

Г.Ф. Миллер также отмечал этногенетическую близость телеутов и других южных алтайцев: «Телеутские татары в Кузнецком уезде говорят, что прежде они жили вместе с калмыками в степи между Обью и Иртышом, но отделились от них вследствие больших войн, которые этот народ в прежние времена вел между собою» [7, с. 55].

На это же указывал и Г.И. Спасский: «Телеуты имѣють преданіе, что они нѣкогда кочевали вмѣстѣ съ Телесами въ Алтайскихъ горахъ по берегамъ Телесскаго озера, ошъ коего, по словамъ ихъ, получили самое названіе свое. Языкѣ, вѣра и многіе житейскіе обряды Телеутовъ, общіе съ Телесами, доказываютъ совершенную справедливость таковаго преданія» [8, с. 7].

И.Г. Георги описывал телеутов (или *теленгутов*) как подчиненный (и, вероятно, родственный) монголам народ, обитавший по берегам Телецкого озера и верховий Оби и Иртыша, но в начале XVII в. присягнувший России и частично переселившийся в Притомье, ближе к Томскому и Кузнецкому острогам: «Въ 1658 по 1665 годъ перекочевали нѣкоторыя колѣны далѣе по Томѣ внизъ до Кузнецка и сдѣлавшись чрезъ то всегдашними Россійскими подданными...» [9, с. 155]. Перепись народов, обитающих в Российской империи в 1895 г., характеризует телеутов (*теленгутов*) как «...народъ монгольскаго племени, значительно отатарившійся», живущий в Томском, Кузнецком и Бийском округах Томской губернии в количестве 18,470 чел. в 1859 г. [10, с. 71]. Очевидно, к телеутам в этом списке были отнесены другие группы северных и южных алтайцев; сибирские и черневые татары, сагайцы, урянхайцы и сойоты упоминаются как отдельные народы.

Это подтверждается у Н.М. Ядринцева, который писал: «Число алтайскихъ инородцевъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, равняется 51,064 душамъ, приче́мъ они раздѣляются: на телеутовъ въ числѣ 5,731 души, расположенныхъ въ телеутскихъ управахъ Кузнецкаго и Томскаго окру-

¹ В действительности телеуты исторически известны под именем «белых», а не «черных» калмыков (Спасский, 1821).

говъ, ... далѣ черневыхъ татаръ, составляющих 23,594 д. и 17,018 д. алтайскихъ калмыковъ и теленгитовъ» [11, с. 92], т.е. к середине XIX в. численность телеутов составляла не более 5,000 чел., проживающих в лесостепи среднего Приобья на р.р. Бачат и Ур и северной границе Кузнецкого Алатау (современные с. Беково, д. Шанда и г. Белово, г. Новокузнецк Кемеровской обл., а также часть Алтайского края).

Похожие данные о численности и расселении телеутов приводит В.И. Вербицкий: «Алтайскіе телеуты въ Кузнецкомъ округѣ состоятъ изъ трехъ волостей, въ количествѣ мужск. пола – 1498, женск. – 1493, обоего 2991... въ Бійскомъ же округѣ они вошли въ составъ трехъ иностранныхъ управъ – Быстрянской, Кошкинской и Сарасинской, въ числѣ муж. пола – 1353, жен. – 1438, всего – 2791» [12, с. 7].

Близкородственные им народы Горного Алтая в долинах Бии и Катуні («алтай-кижи», «алтайские горные калмыки»), а также Чуи, Чулышмана и Башкауса и их притоков («теленгиты», «чуйские теленгиты», «двоеданцы») в число собственно «телеутов» не входили.

Вышеприведенный обзор позволяет сделать вывод, что язык, помеченный П.С. Палласом и Г.Ф. Миллером как «телеутский», с большой долей вероятности отличается от современного телеутского языка, распространенного в Беловском районе Кемеровской области. Поскольку словарь как источник не позволяет делать выводы о морфосинтаксических особенностях, для анализа динамики языкового развития мы будем опираться на морфонологию словарных единиц в той степени, в какой это позволяет графика и орфография изданий, а также на их лексическое значение. Соответственно, **целью** данной статьи является изучение семантических и морфонологических особенностей телеутского языка XVIII в. в изданиях П.С. Палласа в сопоставлении с современным языком бачатской группы телеутов.

Материалы и методы

Основными материалами статьи выступают два лексикографических источника конца XVIII в., содержащие сведения о языках народов Европы и Азии, в том числе о языке, непосредственно атрибутируемом как телеутский.

Первый источник – «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій. Отдѣленіе перьвое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки» Петра Симона Палласа, изданные в 2-х частях в 1787–1789 гг. в Санкт-Петербурге [13].

Второй источник – тот же словарь, но опубликованный по алфавитному принципу в 4-х частях в 1790–1791 гг. [14], и его цифровая версия [15]. Для записи перевода используется кириллица. Как

отмечает сам П.С. Паллас в предисловии, «... прочіе Азіатическіе языки и острововъ Южнаго Окїана выбраны изъ путешественныхъ описаній, коихъ слова сколько можно было изображены Россійскими буквами сходственно съ самымъ выговоромъ тѣхъ народовъ и соотвѣтственно съ произношеніемъ того языка, на коемъ онѣ написаны» [13(1), с. 9].

Автор не указывает на прямо источник телеутского материала, однако отмечает, что слова выбраны из «путешественных описаний». Вероятнее всего, Паллас использовал труды и полевые дневники Великой Северной экспедиции, в рамках которой проходило Путешествие академиков по Сибири 1733–1746 гг., возглавляемое Г.Ф. Миллером и И.Г. Гmeliном, в котором Г.Ф. Миллер записал свой «Лексикон или, лучше сказать, собрание слов татарского языка по всемъ оного диалектамъ в Сибири (башкирскій, туринскій, тобольскій, томскій, телеутскій, кузнецкскій, красноярскій, кангатскій, якутскій)» с переводом на латинскій».

Поскольку словари П.С. Палласа содержат около 300 слов, помеченных как «телеутскіе», данная работа ограничивается тематическими группами «соматизмы» и «животный мир». С одной стороны, соматическая и анималистическая лексика представляет собой устойчивую, слабопроницаемую для заимствований систему, с другой – систему достаточно гибкую, внутри которой допустимы варианты рефлексирования и дальнейшего смыслового развития праформ², что в сопоставлении с современным состоянием дает частичное представление об общей динамике языкового развития. Это обуславливает выбор объекта исследования.

Методом сплошной выборки был составлен словник из 40 пары «русскій – телеутскій» (19 соматизмов и 21 лексема тематической группы «животный мир») с параллельным переводом на современнй телеутскій и алтайскій языки и соответствующей праформой. Также применялись сопоставительный и сравнительно-исторический методы для установления морфонологических корреляций между идиомами, прежде всего – «телеутским» языком Палласа и языком телеутов р.р. Бачат. Проанализированы пути развития комплексов морфоном от соответствующих праформ до современных телеутских с опорой на примеры из словарей Палласа как возможную фиксацию их промежуточного состояния. Соответствующие словари также использовались для выборки праформ [16] и современных телеутских [17] и алтайских [18] вариантов.

² Имеется в виду праторкская вариативность вида *göz ~ *karak ‘глаз’, а также диффузия значений рефлексов *kirpik > 1. ‘ресница’; 2. ‘веко’; 3. ‘бровь’ или *čy:bun ‘пчела, оса’ > тел. чымын ‘муха’.

Результаты и обсуждение

Данные сплошной выборки представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Телеутская соматическая лексика в словарях П.С. Палласа

Table 1

Teleut somatic vocabulary in the dictionaries of P.S. Pallas

Значение по П.С. Палласу	Телеутский по П.С. Палласу	Современный телеутский	Литературный алтайский	Праформа
1. борода	сагалъ	сагал	сагал	* <i>sakkal</i>
2. брюхо	чимъ, ичи	ич(им)	ич	* <i>ič</i>
3. волосъ	чачъ	чач	чач	* <i>sač</i>
4. глазъ	кусь	кӱс	кӱс	* <i>göz</i>
5. голова	башъ	паш	баш	* <i>balč</i>
6. кость	суекъ	сӱӱк	сӱӱк	* <i>siŋök</i>
7. кровь	канъ	қан	кан	* <i>qa:n</i>
8. локоть	чаганакъ	чаганак	чаканак	* <i>čaiŋan-ak</i>
9. нога	аякъ	айақ	бут	* <i>aðak</i>
10. ногти	тырмактаръ	тырмак	тырмак	* <i>dyrmak</i>
11. носъ	мурұнь	тумчук	тумчук (мурун)	* <i>burun</i> (* <i>tumšuk</i>)
12. пальцы	илъы	-	элӱ	* <i>eil(l)ig</i>
13. ротъ	оусъ	уус	оос	* <i>aŋyz</i>
14. рука	каль	қол	кол	* <i>kol</i>
15. сердце	тюрёкъ	јӱрек	јӱрек	* <i>jürek</i>
16. спина	сырты	сырт	сырт	* <i>syrt</i>
17. спина	белимъ	пел	бел	* <i>be:lk</i>
18. щоки	яакъ	јаақ	јаак	* <i>jajŋak</i>
19. языкъ	тиль	тил	тил	* <i>dilk</i>

В таблице 1 сгруппированы единицы соматической лексики, отмеченные в словарях П.С. Палласа как телеутские. Фонетическую и семантическую близость современному телеутскому языку демонстрируют 13 лексем из 19. Это следующие пары:

сагалъ ~ *сагал* ‘борода’ – общетюркская основа с ослаблением исторической геминаты *kk* и ее озвончением;

чимъ, ичи ~ *ичим* ‘живот; нутро’ – общетюркская основа с аффиксом неотчуждаемой принадлежности;

чачъ ~ *чач* ‘волос(ы)’ – общетюркская основа с регрессивной ассимиляцией начального согласного;

башь ~ *паш* ‘голова’ – общетюркская основа с падением конечного кластера и переходом его в сибилант;

кань ~ *қан* ‘кровь’ – общетюркская основа с сокращенной долготой гласного;

чаганакъ ~ *чаганақ* ‘локоть’ – общетюркская основа;

айкъ ~ *айақ* ‘нога’ – общетюркская основа; в диалекте алтай-кижи вытеснена основой **bu:t* ‘нога (целиком)’, в современном телеутском *пут* – ‘лапа / нога (животного)’;

тырмакъ ~ *тырмак* ‘ноготь; коготь’ – общетюркская основа;

тюрёкъ ~ *жүрек* ‘сердце’ – общетюркская основа; орфография Палласа передает взрывной палатальный [j] в сочетании с переднерядным гласным как <т>;

сырты ~ *сырт* ‘спина; задняя часть’ – общетюркская основа; у Палласа приводится с аффиксом POSS.3SG;

белимь ~ *пел* ‘спина’ – общетюркская основа; у Палласа – с аффиксом POSS.1SG, в современном телеутском имеет значение ‘поясница’;

яа́къ ~ *јаақ* ‘щека’ – общетюркская основа со вторичной долготой из-за выпадения кластера с носовым; орфография Палласа отражает вариативность реализаций **j-* как взрывного [j] либо, в данном случае, как спонантизованного [j̥], что было характерно уже для XVIII в.;

тилъ ~ *тил* ‘язык’ – общетюркская основа; ъ у Палласа после согласного с предшествующим переднерядным гласным объяснить трудно, не исключена опечатка. Конечнослоговой [l] в переднем ряду в современном телеутском палатализуется.

Кроме того, четыре лексемы, при совпадении семантики и морфологического облика, орфографированы у Палласа с фонетическими отличиями³. К ним относятся:

кусь ~ *кӧс* ‘глаз’ – общетюркская основа. Как и в примере выше, наличие ъ в конце слова с мягким гласным основы у Палласа кажется немотивированным. Кроме того, трудно объяснить сужение корневого этимологического [ø] и его переход в [u]; это характерно для поволжско-кыпчакских языков, но не для телеутского, сохраняющего древнетюркский (пракыпчакский) вокализм. Если исключить опечатку, можно предположить, что слово было записано от томских татар – калмаков, потомков северной искитимской группы телеутов, язык которых представлял собой смешанно-переходный тип от центрально-восточного к северо-западному из-за влияния на него языка сибирских татар;

³ В ряде случаев нельзя исключать фактическую ошибку при наборе словаря либо неверную запись из источника.

сукъ ~ *сöök* ‘кость’ – общетюркская основа. Дифтонгизация гласного, орфографированная у Палласа, также не характерна для современного телеутского и других южноалтайских диалектов со вторичной долготой. Здесь аналогично нельзя исключать конвергенцию сибирско-татарского и телеутского языков в среднем Приобье, что привело к появлению в телеутском «татарских» черт;

оусъ ~ *уус* ‘рот; устье’ – общетюркская основа, с дифтонгом в словаре Палласа вместо характерной для современного телеутского (и центрально-восточной группы в целом) вторичной долготы из-за выпадения гуттурального спиранта. Дифтонгизация также может объясняться влиянием языка «татарского» типа с глайдом вместо этимологического [ʏ], ср. тат. *авыз* [a^wyz] ‘рот’. Кроме того, можно рассматривать форму *оусъ* как промежуточную перед стяжением дифтонга в узкий губной долгий; остальные рефлексy северo-западной группы имеют широкий неогубленный начальный [a];

калъ ~ *қол* ‘рука’ – общетюркская основа. Появление [a] в корне **kol* противоречит правилам распределения его рефлексов. Тем не менее, это отмечается у Палласа в целом ряде сибирских тюркских языков (орфография сохранена): «по-татарски Башкирского племени – *КалЪ*, *КулЪ*; -/- вь Тобольск. округъ – *ХалЪ*, *КулЪ*; -/- Чацкого роду – *КалЪ*; -/- по Чюлимъ – *КалЪ*; -/- по Енисеъ – *КалЪ*, при этом около Кузнецка и на Барабъ – *КолЪ* [13(1), с. 109]. С позиций исторической фонетики эта делабиализация необъяснима.

Две лексемы не отмечены в современном телеутском языке. Это *мурунь* ‘нос’ и *илйы* ‘пальцы’. Названия носа в тюркских языках являются рефлексами двух основных праформ – **burun* и **tumšuk*. Отмеченная у Палласа форма *мурунь* с начальным носовым восходит к **burun*⁴. В современном телеутском языке она вытеснена конкурирующей формой *тумчук*, в алтайском отмечаются оба слова. Лексема *илйы* ‘пальцы’ фактически является обозначением меры длины, равной ширине фаланги пальца (<**eīl(l)ig*), и в современном телеутском не используется, ср. совр. тел. *сабар* / *салага* ‘палец’, но отмечается как телеутская в словаре Вербицкого в форме *елү* ~ *өлү* ‘палец (мера ширины пальца)’. Форма *илйы* с начальным [i] свидетельствует о возможном влиянии татарского адстрата, ср. тат. *илле*, башк. *иле* ‘ширина пальца’.

⁴ Можно отметить некоторую тенденцию к переходу **b-* > *m-* в южных диалектах (напр., **bürgüt* ‘беркут’ > алт., тел. *мүркүт*), хотя алтайский и телеутский не проявляют четких правил рефлексации *b**- по линии *b-/m-*.

Перейдем к рассмотрению лексики тематической группы «животный мир», зафиксированной в словарях П.С. Палласа (табл. 2).

Таблица 2

Телеутская лексика животного мира в словарях П.С. Палласа

Table 2

Teleut vocabulary of the animal world in the dictionaries of P.S. Pallas

Значение по П.С. Палласу	Телеутский по П.С. Палласу	Современный телеутский	Литературный алтайский	Праформа
1. баранъ	кача	куча	куча	*qoč
2. быкъ	буга	пуға	бука	*buqa
3. голубъ	кутаи-гушу	кўўле	кўўле	-
4. гусь	кась	қас	кас	*ga:z
5. звѣрь	алда	алды	-	-
6. конь-лошадь	ать	ат	ат	*at
7. корова	инекъ	-	-	*in(i)gäk
8. корова	уй	ўй	уй	*uD
9. котъ	ергекъ-мый	-	-	-
10. курица	тагакъ	куш	такаа (куш)	-
11. муха	чиминь	чымын	чымыл	*čy:bun
12. мышь	шишкань	кўжўл	чычкан	*syčyan
13. птѣль	ергекъ-тагакъ	пөтўк	пөтўк	-
14. птица	кушь	куш	куш	*kuš
15. рыба	балыкъ	палық	балык	*ba:lyk
16. свинья	тóngушь	-	-	*tonquz
17. свинья	шошха	чочқо	чочко	-
18. собака	ить	ийт	ийт	*yjt
19. утка	уртекъ	өртөк	өртөк	*ebürdek
20. утка	су-гуушь	сууғуш	суугуш	-
21. червь	куртъ	курт	курт	*ku:r-t

кача ~ куча ‘баран’. Общeturkская лексема с этимологическим широким губным < *qoč. Сужение и переход *o > *u, характерные для уральской подгруппы кыпчакских языков, в центрально-восточных языках не отмечены. Телеутское куча с корневым [u] может объясняться как обратное монгольское заимствование (ср. монг. *qiča*), поскольку в телеутском существует параллельная форма *қочқор* ‘баран-производитель’ с сохраненным этимологическим *o [16, с. 433]. Форма кача у Палласа не получает удовлетворительного объяснения, ср. выше калъ ‘рука’.

бугá ~ *пуга* ‘бык’ – общетюркская лексема. Форма у Палласа отличается от современной звонким губным [b-], однако глухость/звонкость начального *b- в телеутском языке не фонологична; вопрос отражала ли орфография Палласа реальный звонкий [b-] остается дискуссионным.

кута́и-гушу ~ *күўле* ‘голубь’ – региональная лексема. Современная телеутская форма является, очевидно, звукоподражательной, ср. тел. *күўле* – ‘чирикать; петь (о птицах)’ и не восходит к пратюрк. *kö:kerčgen* ‘голубь’.

Внутренняя форма названия голубя у Палласа – метафорическая, букв. ‘божья птица’. В современном телеутском перенесено на ласточку – *қудай құжы*.

кась ~ *қас* ‘гусь’ – общетюркская лексема. От современной отличается знаком ь, указывающим на смягчение конечного [s]. Это смягчение отмечается у целого ряда слов с гласными заднего ряда в словаре Палласа – *ать*, *кушь*, *тага́къ*, при этом принцип выбора ь / ъ остается неясным, поскольку по правилам дореформенной орфографии ъ ставился в конце слова после любого непалатализованного согласного, ср. *канъ*, *калъ*, *башъ*, а ь обозначает смягчение согласного после гласного заднего ряда, не характерное для современного телеутского языка⁵.

алда ~ *алды* ‘зверь’ – сибирская инновация неясного происхождения при общетюркском **ау* ‘дичь’, ср. алт. *ан* ‘зверь’. Параллелями являются шор., хак. *албыга* ‘соболь’, тоф. *алды* ‘соболь’. Возможно, эфемистическое наименование соболя как одного из главных объектов охоты перешло в ряде языков на название дичи и дикого животного в целом. М. Рясянен приводит тел. и шор. *aldy* ‘Wild’, т.е. ‘дикий’, возводя его к корню *ал-* ‘брат’. [19, с. 17]. Вариант *алда*, совпадающий с телеутской формой у Палласа, Рясянен отмечает для тобольского диалекта сибирско-татарского языка со значениями ‘дикий’ и ‘соболь’.

ать ~ *ат* ‘конь’ – общетюркская лексема. Не находит объяснения обозначаемая мягкость конечного согласного; не исключена опечатка.

инекъ ‘корова’ – общетюркская лексема; форма записана Палласом как телеутская, в современном телеутском не отмечена. В Сибири рефлексy **in(i)gāk* распространены в северо-восточной группе – хак., шор., тув., чул., тоф., як. В центрально-восточных языках sporadически отмечено в киргизском и алтайском; в современном алтайском словаре *ийнек* приводится единично как синоним основной формы – *уй* ‘корова’.

⁵ В исконных телеутских словах знаки ь / ъ не употребляются. Смягчение [l] и [s] в конечнoслоговой позиции происходит после гласных переднего ряда – *кел* ‘приходить’, *күжүл* ‘мышь’, *сөс* ‘слово’, но на письме не обозначается.

уй ~ үй ‘корова’ – праязыковой регионализм неясного происхождения, встречается только в восточных языках – тел., алт., кирг., др.уйг., сюг. Форма у Палласа совпадает с современной алтайской; в телеутском корневой гласный подвергся опереднению под влиянием [i] в исходе слога, ср. аналогичный процесс в тел. *үйә* ~ алт. *уһа* ‘гнездо’, тел. *үйәт* ~ алт. *уйат* ‘стыд’ и т.д.

ергекь-мый ‘кот’ – описательная композита, букв. ‘самец-кошка’. В современном языке вытеснено заимствованием из русского ‘кошка’ – тел. *қызынқа*, ср. алт. *киске*. В других центрально-восточных языках встречается рефлекс пратюрк. **rişik* > кирг. *туşуқ* ‘кот’. У Палласа *мый* – явный монголизм, ср. монг. *мий* ~ *мигуй* ‘кошка’.

тагакь ~ *қуш* ‘курица’. Лексема *тагакь*, отмеченная у Палласа, в современном телеутском не встречается. Параллели к палласовской форме, по М. Рясянену, распространены достаточно широко, в том числе в Сибири: алт. *такаа*, шор. *таңақ*, хак. *таңах*, кюэр. *тоук*. Одни из «старых» форм – булг. **tyuik* [19, с. 457] и др.-тюрк. *taqayı*. Кроме Палласа, схожие формы обозначены как телеутские у Вербицкого – тел. *таак* ‘курица; галка’ [20, с. 329] и Радлова – тел. *тāk*, *takka* ‘курица’ [21, с. 778]. Гомогенная (либо контаминированная) форма сохранилась в современном телеутском в значении ‘галка’ – тел. *таан*, вероятно, от *таңақ* с метатезой и последующем стяжении с образованием вторичной долготы. Специализированное название курицы в современном телеутском заменено общим названием птицы – *қуш*.

чиминь ~ *чымын* ‘муха’ – общетюркская лексема с базовым значением ‘оса, пчела, шершень’; у Палласа, как и в ряде других примеров, обозначено немотивированное смягчение конечного согласного.

ишикань ~ *күжүл* ‘мышь’ – общетюркская лексема. Форма *ишикань* в словаре Палласа отражает более распространенное в тюркских языках название мыши и крысы < **суçуан*, ср. алт. *чычкан* ‘мышь’; современное наименование мыши в телеутском *күжүл* является, видимо, суффиксально оформленным рефлексом **köskü* ‘мышь, крыса’, ср. алт. *күжүл* ‘крыса’.

ергекь-тагакь ~ *пөтүк* ‘петух’ – у Палласа композита, букв. ‘самец – курица’, современное телеутское *пөтүк* < рус. *петух*.

кушь ~ *қуш* ‘птица’ и *балыкь* ~ *палық* ‘рыба’ – общетюркские лексемы, формы неизменны.

Название свиньи у Палласа приводится в двух формах – *тóngусь* и *шошха*, из которых первая является рефлексом **donuz* ~ **tonquz* и в сибирских тюркских языках в настоящее время встречается лишь в татарских диалектах, ср. тат. *дуңыз* ‘свинья’. Тем не менее, в XIX в. оно

отмечено как телеутское и алтайское у Вербицкого – *тонус* ‘кабан’ [20, с. 374] и Радлова – *тоңыс* [21, с. 1171], что допускает его исконный характер; впоследствии вытеснено лексемой *шошха*, совр. тел. *чочко*. Форма *шошха* у Палласа более характерна для языков без лабиальной гармонии: шор. *шошқа*, чул. *чочка* ~ *щоща*, хак. *сосха*, тат. *чочка* и др. Вероятно, как телеутская форма *шошха* помечена ошибочно.

Также можно отметить, что обозначение свиньи в ряде тюркских языков семантически и фонетически сближается с рус. диал. *чушка* ‘свинья’ < уменьш. от *чуха* < праслав. **čuk-* ‘звукоподражание для подзывания животных’ [22]. А.Е. Аникин считает русскую форму исходной для ряда заимствований в северо-восточных языках (як. *čōski* ‘поросёнок’, *čūska* ‘свиноматка’, эвенк., орок. *чуускэ*, нег. *чууска*, ительм. *ч’уска* ‘свинья, чушка’ и т.д.) [23, с. 695–696], однако сомневается в происхождении русск. *чушка* от тюрк. *čōčqa* ‘свинья’, при этом в отдельных русских диалектах Тобола и нижнего Иртыша слово *ч’учка* ~ *чучк’а* ~ *чушка* ‘свинья’ является тюркизмом. М. Рясянен считает тюркскую форму исходной для рус. *чушка*, этимологически связывая тюркскую основу с тур. *čożik* ‘детеныш животного’ ~ *čižuūa* ‘поросёнок’ [19, с. 113]. Тел. *чочқо*, вероятно, не связано с рус. *чушка*, однако форма *шошха* допускает его интерпретацию как заимствование.

Из оставшихся сопоставлений обращает на себя внимание слово *уртекь* ‘утка’ – совр. тел. *өртөк* < **ebürdek* с аналогичным нарушением губного сингармонизма. Начальный узкий губной в форме Палласа также позволяет предположить влияние на телеутский говор сибирских татар, (ср. тат. *үрдек* ‘утка’) либо северо-восточных языков (ср. шор. *өртек*, хак. *үртек*).

Заключение

Из 40 лексических пар «телеутский в словарях П.С. Палласа – современный телеутский», относящихся к тематическим группам «тело человека» и «животный мир», 31 пара сохраняет лексико-семантическое и морфонологическое тождество, что составляет 77,5 %. Из них звуковой облик полностью совпадает у 20 пар слов без учета обозначения у Палласа мягкости / твёрдости конечного согласного, т.е. пары вида *кась* ~ *қас* и *ать* ~ *ат* мы считаем фонетически идентичными. Остальные 11 пар слов обнаруживают морфонологическое сходство, однако различаются поверхностными реализациями морфонема. К различиям относятся:

– вариативность **j-*: [j] *яакъ* ~ [ɟ] *јаақ* ‘щека’ (отмечена у Палласа, сохраняется в современном телеутском);

– нерегулярный перелом гласных «поволжского» типа [ø] > [u]: *кусь* ~ *көс* ‘глаз’ < **göz* и [e] > [i] *илы* ~ *елү* ‘ширина пальца’ < **eil(l)ig*;

– дифтонгизация вместо вторичной долготы на месте павших носового и гуттурального: *сукъ* ~ *сөөк* ‘кость’ < **siŋök*; *оусъ* ~ *уус* ‘рот; устье’ < **aʉʉz*;

– немотивированная делабиализация [o] > [a]: *каль* ~ *қол* ‘рука’ < **kol*, отмеченная у Палласа также в ряде других тюркских языков Сибири; ср. также *кача* ~ *қуча* ‘баран’ < **qoç*;

– немотивированное обозначение конечных согласных как мягких: *кась* ‘гусь’, *ать* ‘лошадь’, *кушь* ‘птица’, *тагáкъ* ‘курица’; возможно, в случае с гуттуралом ь / ь указывало на их произношение как [k] / [q], однако палатализация альвеолярных взрывных (*ать*) и сибилантов (*кушь*) в заднем ряду в современном телеутском не отмечена;

– опереднение узкого губного [u] > [ʏ] под влиянием [i] в исходе слога: *уй* ~ *йй* ‘корова’ < **uD*;

– утрата лабиальной гармонии: *шошха* ~ *чочқо* ‘свинья’ (вероятно, ошибочная атрибуция как телеутской формы).

Кроме того, отмечен ряд лексических несоответствий двух типов:

– падение одной из двух параллельных форм, отмеченных у Палласа и других авторов в XVIII–XIX вв.: *инекъ* ‘корова’ (совр. *йй*), *тагáкъ* ‘курица’ (совр. *куш*), *шишканъ* ‘мышь’ (совр. *кўжўл*), *тóngусъ* ‘свинья’ (совр. *чочқо*), *мурўнь* ‘нос’ (совр. *тумчук*);

– полная утрата слова в современном телеутском с его переходом в разряд историзмов или замена его заимствованием: *илы* ‘пальцы’, *ергекъ-тагáкъ* ‘петух’ (совр. *пөтүк*).

Выпадение отдельных лексем указанных тематических групп могут свидетельствовать о наличии в языке одной этнической общности двух конкурирующих форм, ср. обозначения носа: *тумчук* – прототипическое значение ‘клюв’ vs. *мурун* – прототипическое значение ‘морда’, оба слова отмечены в южно-алтайских диалектах. Кроме того, нельзя исключать, что как «теле(нг)утский» в XVIII–XIX в. обозначался ряд идиомов, носители которого не входили в число предков современных бачатских телеутов. На это указывают, например, такие слова, как *инекъ* ‘корова’, *тагáкъ* ‘курица’ и *тóngусъ* ‘свинья’.

Можно сделать вывод, что лексика, помеченная в словарях П.С. Палласа как «телеутская» в целом фонологически и семантически соответствует лексике современного языка бачатских телеутов. Наличие в фонетике отдельных форм специфических «татарских» черт, возможно, свидетельствует о контактах и конвергенции телеутского и сибирско-татарского идиомов в Приобье в XVII–XVIII вв.

Литература

1. Мудрак О.А. *Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике*. М.: РГГУ. 2009.
2. Баскаков Н.А., Селютина И.Я. *Диалекты алтайского языка. Диалекты тюркских языков: очерки*. М.: Восточная литература. 2010:83–109.
3. Уманский А.П. *Телеуты и русские в XVII-XVIII веках*. Новосибирск: Наука. 1980.
4. Сербина К.Н. *Книга Большому Чертежу*. М.-Л.: Издательство АН СССР. 1950.
5. Радлов В.В. *Из Сибири: страницы дневника*. М.: Наука. 1989.
6. Радлов В.В. *Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии*. Иркутск: ИГУ. 1929.
7. Миллер Г.Ф. *Описание сибирских народов*. Памятники исторической мысли. 2009.
8. Спасский Г.И. Телеуты или Белые Калмыки. *Сибирский вестник*. 1821;13(1):1–8; 16(10):1–20..
9. Георги И.Г. *Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 ч.* СПб.: Императорская Академия наук, 1799. Ч. 2: *О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных сибирских*. 2010.
10. *Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи*. СПб.: Издание Канцелярии Комитета министров. 1895.
11. Ядринцев Н.М. *Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц*. СПб.: Издание И.М. Сибирякова. 1891.
12. Вербицкий В.И. *Алтайские инородцы: Сборник этнографических статей и исследований*. М.: Ленанд. 1893.
13. Паллас П.С. *Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. В 2 ч.* 1787(1):410; 1789(2):491.
14. Паллас П.С. *Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный*. СПб. 1790(1):454; 1791(2):511; 1791(3):518; 1791(4):635.
15. Паллас П.С. *Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. В 2 ч.* Режим доступа: <https://pallas.ivdnt.org/lexit2/?db=pallas&lang=en> (дата обращения: 01.01.2025).

16. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика* / отв. ред. Э.Р. Тенишев. 2-е изд. М.: Наука. 2001.
17. Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. *Телеутско-русский словарь*. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 1995.
18. Чумакаев А.Э. *Алтайско-русский словарь*. Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». 2018.
19. Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki. 1969 (на нем.).
20. Вербицкий В.И. *Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка*. Горно-Алтайск: Ак-Чечек. 2005.
21. Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий*. СПб.: Имп. акад. Наук. 1905.
22. *Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера*. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 01.01.2025).
23. Аникин А.Е. *Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири*. Новосибирск: Наука. 2003.

References

1. Mudrak OA. *Classification of Turkic languages and dialects using glottochronology methods based on questions on morphology and historical phonetics*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 2009 (in Russian).
2. Baskakov NA, Selyutina IYa. *Dialects of the Altai Language. Dialects of Turkic Languages: Essays*. Moscow: Vostochnaya Literatura. 2010:83–109 (in Russian).
3. Umansky AP. *The Teleuts and Russians in the 17th-18th centuries*. Novosibirsk: Nauka. 1980 (in Russian).
4. Serbina KN. *The book of the Great Chart*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1950 (in Russian).
5. Radlov VV. *From Siberia: diary pages*. Moscow: Nauka. 1989 (in Russian).
6. Radlov VV. *Ethnographic overview of the Turkish tribes of Siberia and Mongolia*. Irkutsk: Irkutsk State University. 1929 (in Russian).
7. Miller GF. *Description of Siberian peoples*. Edited by A. Kh. Elert and V. Hintzsche. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoi Mysli. 2009 (in Russian).
8. Spassky GI. The Teleuts or White Kalmyks. *Sibirskii Vestnik*. 1821;13(1): 1–8; 16(10):1–20 (in Russian).
9. Georgi IG. *Description of all the peoples Inhabiting the Russian State: Their everyday rituals, customs, clothing, dwellings, pastimes, beliefs, and other noteworthy things: in 4 parts*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. Part 2: On

the Peoples of the Tatar Tribe and Other Northern Siberian Peoples of Undetermined Origin. 2010 (in Russian).

10. *Alphabetical list of peoples inhabiting the Russian Empire*. St. Petersburg: Publication of the Chancellery of the Committee of Ministers. 1895. (in Russian).

11. Yadrintsev NM. *Siberian “Inorodtsy”, their life and current situation: ethnographic and statistical studies with an appendix of statistical tables*. St. Petersburg: Publication of I.M. Sibiryakov. 1891 (in Russian).

12. Verbitsky VI. *Altai “Inorodtsy”: A collection of ethnographic articles and research*. Moscow. 1893 (in Russian).

13. Pallas PS. *Comparative dictionaries of all languages and dialects, collected by the hand of Her Majesty. Department one, containing European and Asian Languages*. Vol. 1–2. St. Petersburg. 1787(1):410; 1789(2):491 (in Russian).

14. Pallas PS. *Comparative dictionary of all languages and dialects, arranged in alphabetical order*. St. Petersburg. 1790(1):454; 1791(2):511; 1791(3):518; 1791(4):635. (in Russian).

15. Pallas PS. *Comparative dictionaries of all languages and dialects, collected by the Hand of Her Majesty. Department one, containing European and Asian Languages*. 2025. Available at: <https://pallas.ivdnt.org/lexit2/?db=pallas&lang=en> (accessed: 01.01.2025) (in Russian).

16. *Comparative-Historical grammar of the Turkic Languages. Lexicon* / ed. ER. Tenishev. 2nd ed. Moscow: Nauka. 2001 (in Russian).

17. Ryumina-Syrkasheva LT, Kuchigasheva NA. *Teleut-Russian dictionary*. Kemerovo: Kemerovo book publishing house. 1995 (in Russian).

18. Chumakaev AE. *Altai-Russian dictionary*. Gorno-Altai: S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics. 2018 (in Russian).

19. Räsänen M. *Versuch eines etymologischen wörterbuchs der türksprachen*. Helsinki. 1969 (in German).

20. Verbitsky VI. *Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language*. 2nd ed. Gorno-Altai: Ak-Chechek. 2005 (in Russian).

21. Radlov VV. *Experience of a dictionary of Turkic Dialects*. Vol. 3, Part 1. St. Petersburg. 1905 (in Russian).

22. *Fasmer’s Etymological online dictionary of the Russian Language*. Available at: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (accessed: 01.01.2025) (in Russian).

23. Anikin AE. *Etymological dictionary of Russian loanwords in the languages of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. 2003 (in Russian).

Об авторе

ТОКМАШЕВ Денис Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники; Томский государственный университет; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3941-043X>, WoS ResearcherID: AAQ-6404-2021, Scopus AuthorID: 57189899811, Elibrary AuthorID: 452493, SPIN: 9630-6302, e-mail: kogutei@yandex.ru

About the author

Denis M. TOKHMASHEV – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics; Tomsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3941-043X>, WoS ResearcherID: AAQ-6404-2021, Scopus AuthorID: 57189899811, Elibrary AuthorID: 452493, SPIN: 9630-6302, e-mail: kogutei@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 08.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 06.03.2025

Принята к публикации / Accepted 21.03.2025

УДК 811; 398.61

<https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-114-127>*Оригинальная научная статья*

Лингвокультурологическое поле якутских загадок

В. В. Филиппова

Академия наук Республики Саха (Якутия), Якутск, Российская Федерация

✉ varvf@yandex.ru

Аннотация

Научная проблема, рассматриваемая в данном исследовании, связана с необходимостью изучения и описания взаимоотношений между языком и культурой. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к вопросам лингвокультурологии, направленным на выявление и анализ языковых единиц, несущих культурное содержание. Целью настоящего исследования является разработка теоретико-методологических основ лингвокультурологии, а также анализ особенностей функционирования лингвокультурем в текстах якутских народных загадок (паремий). Это позволит глубже понять национально-культурные особенности, заключённые в языковых единицах, и определить лингвокультурологическое поле якутских загадок. Теоретической основой исследования послужили различные классификации лингвокультурем, предложенные такими учёными, как В.В. Воробьёв, В.А. Маслова, С.И. Влахов и С.П. Флорин. В качестве материала для анализа использован корпус текстов якутских народных загадок из сборника «Якутские загадки» С.П. Ойунской (1975 г.). В работе применены методы сравнительного анализа, описания и интерпретации текста. Лингвокультуремы как единицы лингвокультурологического поля содержат как языковое значение, так и культурный смысл, что делает их важными элементами для изучения национальной картины мира. Полученные результаты способствуют лучшему пониманию механизмов взаимодействия языка и культуры, а также создают предпосылки для дальнейшего изучения в области лингвокультурологии и их практического применения в научной среде и в образовательном процессе. Исследование показало, что лингвокультуремы служат ключом к пониманию культурного контекста – лингвокультурологического поля, в котором они возникли. Материалы исследования могут использоваться для составления учебных и научно-методических разработок в области языкознания.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологическое поле, лингвокультурема, паремия, загадка, якутские загадки, денотат, культурный код, языковая картина мира, фольклористика

© Филиппова В. В.

Благодарности. Автор статьи благодарит научного руководителя – доктора филологических наук, профессора Габышеву Луизу Львовну за помощь в проведении исследования и ценные рекомендации

Для цитирования: Филиппова В.В. Лингвокультурологическое поле якутских загадок. *Арктика XXI век*. 2025;(1):114–127. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-114-127>

Original article

Linguocultural aspect of Yakut riddles

Varvara V. Filippova

Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia),
Yakutsk, Russian Federation

✉ varvf@yandex.ru

Abstract

The scientific problem addressed in this study concerns the need to explore and describe the relationship between language and culture. The relevance of the work stems from the growing interest in linguoculture, aimed at identifying and analyzing linguistic units carrying cultural content. The aim of this research is to develop theoretical and methodological foundations of linguoculturology, as well as to analyze the functioning of linguoculturones in texts of Yakut folk riddles (paroems). This will allow for a deeper understanding of national-cultural features embedded in linguistic units and define the linguocultural field of Yakut riddles. The theoretical basis of the study was provided by various classifications of linguoculturones proposed by such scholars as V.V. Vorobyov, V.A. Maslova, S.I. Vlahov, and S.P. Florin. The corpus of texts used for analysis consists of Yakut folk riddles from the collection «Yakut Riddles» by S.P. Oyunskaya (1975). Comparative analysis, description, and interpretation methods were applied in the study. Linguocultremas, as units of the linguocultural field, contain both linguistic meaning and cultural sense, making them essential elements for studying the national picture of the world. The results contribute to a better understanding of the mechanisms of interaction between language and culture, creating prerequisites for further study in the aspect of linguoculturology and practical application in academic environments and educational processes. The study showed that linguocultremas serve as keys to understanding the cultural context – the linguocultural field – in which they originated. Research materials can be utilized for compiling teaching aids and scientific-methodical developments in the field of linguistics.

Keywords: linguoculturology, linguocultural aspect, linguoculturone, paroem, riddle, Yakut riddles, denotation, cultural code, linguistic picture of the world, folklore studies

Acknowledgments. The author thanks her scientific supervisor, Doctor of Philology, Professor Gabysheva Louisa Lvovna, for assistance in conducting the research and valuable recommendations

For citation: Filippova V.V. Linguocultural aspect of Yakut riddles. *Arctic XXI Century*. 2025;(1):114–127. DOI: <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2025-39-1-114-127>

Введение

Настоящая работа посвящена изучению взаимосвязей между языком и культурой, что является одной из актуальных проблем современного научного дискурса. Значимость исследования определяется растущим интересом к вопросам лингвокультурологии, ориентированной на идентификацию и анализ языковых единиц, отражающих культурные смыслы.

Цель исследования – формирование теоретико-методологических основ лингвокультурологии и анализ функционирования лингвокультурем в текстах якутских народных загадок (паремий). Это позволит выявить национально-культурные особенности, воплощенные в языковых единицах, и определить лингвокультурологическое поле якутских загадок. Задачами исследования являются – разработка различных подходов к классификации лингвокультурем и анализ особенностей функционирования лингвокультурем в текстах якутских народных загадок.

Лингвокультурология представляет собой многослойную и многогранную область научного знания, направленную на исследование взаимосвязей и взаимовлияний между языком и культурой. Согласно концепции Вильгельма фон Гумбольдта, который рассматривал язык как динамичную и живую форму духовной активности народа, мы можем идентифицировать ключевые узлы в отношениях между сознанием, коммуникацией, поведением, ценностными установками и самим языком. Язык, будучи основным инструментом общения, играет центральную роль в коммуникативных процессах, одновременно выступая в роли главного репозитория коллективного опыта, неотъемлемой составляющей культуры, а также выполняющего важные социальные функции, поскольку он фиксирует стабильные социальные взаимоотношения.

Материалы и методы

Теоретической опорой исследования стали классификации лингвокультурем, предложенные такими исследователями, как В.В. Воробьев, В.А. Маслова, С.И. Влахов и С.П. Флорин. Материалом для анализа выступил корпус текстов якутских народных загадок из сборника «Якутские загадки» С. П. Ойунской (1975 г.). В работе использованы методы сравнительного анализа, описания и интерпретации текста.

Основное внимание в статье уделено лингвокультурамам как ключевым единицам лингвокультурологического поля, которые совмещают в себе языковое значение и культурный смысл. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию взаимодействия языка и культуры, а также создают предпосылки для дальнейших исследований в области лингвокультурологии и их применения в научной практике, а также в образовательном процессе.

Результаты и обсуждение

На рубеже XX–XXI вв. сформировалось новое научное направление – лингвокультурология, ставшее прямым следствием повышенного интереса ученых к вопросам взаимодействия языка и культуры. Среди ученых, внесших значительный вклад в разработку этой проблематики, выделяются В.В. Воробьев, Е.М. Верещагин, А.А. Потебня, В.А. Аврорин, В.Г. Костомаров и др.

Семантическая составляющая языковых единиц насыщена определенной культурной нагрузкой, что требует проведения специальных исследований, направленных на выявление и изучение их лингвистического и культурного содержания. Наиболее детально теоретико-методологическое обоснование лингвокультурологии представлено в труде В.В. Воробьева «Лингвокультурология: теория и методы», где эта дисциплина рассматривается как базовый элемент лингвострановедения и определяется как интегральная научная отрасль, объединяющая знание о взаимосвязях и взаимодействиях культуры и языка в процессе их функционирования [1]. Центральным объектом исследования в лингвокультурологии В.В. Воробьев определяет взаимодействие культуры и языка, тогда как предметом исследования выступают национальные формы общественного бытия, воспроизводящиеся в системе языковой коммуникации и основывающиеся на культурных ценностях, образуя таким образом языковую картину мира.

Для описания многоуровневой и разнонаправленной сети взаимосвязей между языком и культурой В.В. Воробьев вводит термин «лингвокультурема» [1]. Хотя грамматические, морфологические и фонетические структуры помогают формировать общие представления о материальных объектах и системах окружающего мира, значительная часть человеческих знаний передается через семантику языковых единиц. Так, А. Вежбицкая выделяет «ключевые слова» как особо значимые и показательные для конкретной культуры [2]. Она также предложила использовать термин «универсальное понятие» для обозначения тех понятий, которые имеют универсальное значение и воплощены в лексемах всех языков.

Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров предложили использовать термин «логоэпистемы» для обозначения важного элемента в парадигме научного знания, действующего на пересечении языка и культуры [3; 4]. Термин происходит от греческих слов «логос» (означающее язык, речь, учение, смысл) и «эпистема» (совокупность идей, приводящих к знанию и пониманию). Таким образом, речь идет о знании, содержащемся в языковой единице, обладающем скрытой внутренней формой, собственной культурной историей и уникальными связями с национальной культурой.

В.И. Карасик определяет лингвокультурологию как «комплексную область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» [5, с. 4]. Согласно его исследованиям, основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт, а единицами изучения – реалии и «фоновые значения, т.е. содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующие для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа» [5, с. 5].

Е.И. Шейгал и В.А. Буряковская трактуют лингвокультурологию как дисциплину, изучающую «отдельные объекты концептуальной картины мира и их осмысление общественным сознанием и языком с точки зрения объекта отражения, одним из которых является этнос» [6, с. 13]. Их исследования направлены на изучение лингвокультурного потенциала этнонимов и их функционирования в текстах различного жанра.

Междисциплинарный характер лингвокультурологии, отмеченный В.А. Масловой, проявляется в интеграции различных областей знания. Исследователь определяет лингвокультурологию как «отрасль лингвистики, возникшую на стыке лингвистики и культурологии», «гуманитарную дисциплину, изучающую воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» и «интегративную область знаний, вбирающую в себя результаты исследований в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» [7, с. 16]. Именно такое комплексное понимание позволяет рассматривать лингвокультурологию как дисциплину, изучающую воплощенные в языке материальные и духовные аспекты культуры.

В.А. Маслова, интерпретируя в своих исследованиях фразеологические единицы «на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет», раскрывает их культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации. Автор отмечает, что «коннотации воспринимаются как оценочный ореол, при этом также ярко проявляется национальная специфика языка,

создающая картину мира» [7, с. 55]. То есть, слово на определенной географической территории может быть использовано в конкретном значении, основанном на ассоциации, созданной в ходе наложения на слово пластов культурно-национальных смыслов.

Продолжая эту мысль, стоит отметить, что в рамках лингвокультурологии разработаны различные классификации реалий, одна из которых, предложенная Г.Д. Томахиным, включает пять классов реалий:

- этнографические реалии, представленные реалиями быта, речевого этикета и нормами поведения;
- географические реалии, включающие названия особенностей рельефа, фауны, природных ресурсов и т.д.;
- общественно-политические реалии, описывающие политическую жизнь страны и органы её власти;
- реалии исторической культуры, связанные с жильём, названием предметов одежды, национальной кухни и т.д.;
- ономастические реалии, связанные с именами собственными: географические названия, имена и фамилии, имена литературных персонажей, названия музеев, театров, дворцов и т. д. [8].

В работах С.И. Влахова и С.П. Флорина представлена классификация лингвокультурем, включающая географические, этнографические и общественно-политические реалии, а также имена собственные, уменьшительно-ласкательные и пренебрежительные формы имен [9].

Фоновые лингвокультуремы характеризуются своей «невидимой» природой в языке, поскольку они лишены непосредственной акцентуации на определенном языковом феномене [9].

Разница между словом и лингвокультуремой раскрывается через категорию «ближайшего/дальнейшего значения слова», введенную А.А. Потебней [10]. В отличие от простого слова, лингвокультурема обладает более сложной структурой: её план содержания подразделяется на языковое значение и культурный смысл. Лингвокультурема наделена коннотациями и существует до тех пор, пока сохраняется порождающий её идеологический контекст. Она может быть выражена как отдельным словом, так и текстом значительной длины.

Так, классификация, предложенная С.И. Влаховым и С.П. Флориным, включает три деления: предметное, местное и временное:

- предметное деление, включающее подклассы географических реалий, этнографических реалий и общественно-политических реалий;
- местное деление – реалии можно рассматривать в плоскости одного языка (свои и чужие) и в плоскости пары языков (внутренние и внешние);

– временное деление – реалии делятся на современные и исторические;

– ассоциативные реалии – слова, значению которых присущ «культурный символизм» или способность «намекать» на известные ситуации, тексты, языковые выражения [9].

Необходимость теоретического осмысления природы лингвокультурологического поля и научного обоснования его структурно-семантических особенностей обусловлена сложностью данного феномена. Важнейшие компоненты такого поля, по мнению В.В. Воробьёва, включают:

1) «имя (ядро) поля и его инвариативный лингвокультурологический смысл»;

2) «классы (группы) лингвокультурем как единиц – единств собственно языкового и внеязыкового содержания (экстенционал поля): центр и периферия»;

3) категориальные отношения лингвокультурем в поле;

4) «парадигматика лингвокультурем»;

5) «синтагматика лингвокультурем» [1].

С точки зрения лингвистики, лингвокультурема:

– может быть выражена различными языковыми средствами: словом, словосочетанием, предложением или даже сверхфразовым единством;

– всегда привязана к конкретному языку;

– является отсылкой к порождающему её тексту или ситуации;

– в процессе коммуникации не создаётся заново, а лишь обновляется;

– способна претерпевать изменения в границах сохраняемости своей узнаваемости.

С позиции культурологии, лингвокультурема:

– содержит определенное культурное знание;

– обладает семиотичностью и символизмом, являясь элементом системы знаков и символов, принятых в обществе;

– герменевтически интерпретируется, так как для её понимания необходима соотнесённость с другими текстами как артефактами культуры;

– дидактически усваивается в процессе образования.

Можно прийти к выводу, что предметы и явления внешнего мира кодируются в сознании человека в форме внутренних символов и знаков. Вследствие этого, представления о мире, заключённые в значениях слов и выражений, образуют единую систему взглядов и правил, которую разделяют все носители языка. И существующие между разными культурами различия, обусловленные сложностью самой культуры и её

неоднородностью, определяют язык в качестве главного носителя этнокультурной информации, который передает уникальные особенности этнической ментальности.

Далее мы представим анализ текстов якутских загадок, отражающих наличие реалий и лингвокультурум.

Загадка о кузнечике (*аһыҥа*): *Ыраахтааҕы кыыһын (кытай кыыһын) кыптыыйын тыаһа үс күннүк сиртэн (үс көстөн) иһиллэр үһү.* Говорят, звон ножниц царской дочери (китайской девы) из-за трехдневного перехода слышится [11, с. 104], (см. табл. 1).

Таблица 1

Реалии и лингвокультурумы в загадке о кузнечике

Table 1

Realities and linguaculturemes in the riddle about the grasshopper

Реалии	Лингвокультурумы
1) <i>ыраахтааҕы кыыһа</i> ‘царская дочь, дочь царя’ – общественно-политическая реалья. Относится к 17 веку, когда территория Якутии была отнесена к Российскому государству. 2) <i>кытай кыыһа</i> ‘китайская дева’ – географическая реалья. 3) трехдневный переход (<i>үс күннүк сиртэн/үс көстөн</i>) – согласно календарному-обрядовой традиции, якуты переходили из зимнего жилья (<i>кыстык</i>) в летнее (<i>сайылык</i>) и обратно, обозначая количество дней, в течение которого совершается переезд – этнографическая реалья. 4) <i>кыптыый</i> ‘ножницы’ – инструмент домашнего хозяйства, применяемый в основном женщинами в рукоделии – этнографическая реалья.	1) Предположительно, в загадке могло быть слово <i>кудай</i> – «вселенная». Возникает образ – «дочь вселенной», отсылающий к философской картине мира, согласно которой все обитатели Земли являются детьми вселенной – <i>Аан Дойду</i>. 2) <i>кыптыый</i> (ножницы) – ассоциация с ножницами, прежде всего, связана с женщиной. Мифологическая вселенная якутов состоит из трех миров, в котором женщина пространственно соотносится с Нижним миром, так же, как и насекомые. К примеру, конь, соотносящийся с мужским началом, будет загадываться через образ светлого богатыря, доброго молодца. Поэтому кузнечик в загадке отражает пространственный культурный код.

Загадка о днях недели и месяцах (*ый, нэдиэлэ хонуктара*): *Сэттэ уйалаах, биэс уон икки сымыыттаах барыллыа кыыл (Өксөкү) баар үһү.* ‘Говорят, есть птица-орлан (птица Ексею), у которой семь гнезд да пятьдесят два яйца’ [11, с. 624, 617], см. табл. 2.

Таблица 2

Реалии и лингвокультуремы в загадке о днях недели и месяца

Table 2

**Realities and linguaculturemes in the riddle
of the days of the week and month**

Реалии	Лингвокультуремы
1) Образ гнезд, яиц и птицы – природные, общекультурные реалии, числовые значения которых ассоциативно указывают на количество дней в неделе, месяце и в году.	Одним из значений лексемы <i>Өксөкү</i> является сказочная шаманская птица с двумя, тремя или восемью головами и четырехгранным клювом, правитель крылатых, орел (двуглавый орел); в текстах олонхо богатыри превращаются в чудовищного орла <i>Өксөкү</i> . А.И. Гоголев считает, что описание этой птицы совпадает с внешней характеристикой грифонов скифо-сибирской эпохи на Алтае: «птица вся полосатая, словно стянутая в трех местах поясом-кушаком в пегой священной масти (ала)» [12, с. 21]. В загадке выбор образа обусловлен тем, что, по мифологическим представлениям якутов, <i>Өксөкү</i> обычно сидит на девятой толстой ветви мирового дерева, символизирующего пространственную модель космоса.

Загадка о снеге и таянии снега (*хаар, хаар ууллара*): *Кэрэ биэттэн хара кулун төрүүр үһү*. ‘Говорят, от белой кобылы черный жеребенок рождается’ [11, с. 53], см. табл. 3.

Таблица 3

Реалии и лингвокультураны в загадке о снеге и таянии снега

Table 3

Realities and linguaculturemes in the riddle of snow and snowmelt

Реалии	Лингвокультураны
Метафора «жеребенок», соотносящаяся с якутским названием названия месяца марта – <i>кулун тутар</i> (букв. загонять жеребят). Данная загадка отражает особенности национального календаря – якутская весна делится на четыре периода: потепление (с 14 марта до 13 апреля), таяние снега (с 13 апреля до 3 мая), пробуждение весны (с 3 мая до 21 мая), признаки лета (с 21 мая до 3 июня) – этнографическая реалья.	Якутский фольклор повествует о существовании бога-покровителя лошадей Джэсэгэя (<i>Дьөһөгөй</i>), появляющегося на небе в виде коня из белых облаков, а также о связи коня с Верхним божественным миром и происхождении человека от лошади. В эпосе олонхо священный праздник наступления лета Ысыах называют празднеством в честь жеребца и кобылицы белой масти, а образ счастья кодируется через понятие верха, которое, в свою очередь, соотносится с конем [13, с. 90-91]. Как утверждает А.И. Гоголев, в якутскую космогоническую мифологию о божестве в образе коня-неба <i>Түөрт атахтаах түргэн айыы</i> «Быстрейшее четырехное божество-творец» проник индоевропейский сюжет о том, что конь является зооморфным образом всего Космоса. Например, у ариев ночное небо уподоблялось черному коню, украшенному жемчужинами [12, с. 19]. Так, в анализируемой загадке о снеге представлена связь с небом (снег спускается с неба из снеговых облаков), а черный цвет мифологически соотносится с характерным цветом земли (в фольклорных материалах земля имеет коричневые, черные цвета и оттенки – <i>хара буор</i>) [14].

Заключение

Национальная картина мира отражается в семантике языковых единиц через систему значений и ассоциаций. То есть, слова с культуроспецифическими значениями отражают не только образ жизни, но и мышление народа. Соответственно, каждая языковая картина мира уникальна и разнообразна.

Центральной единицей лингвокультурологии является лингвокультурема, представляющая собой единство формы языкового знака и культурного значения, заключённого в нём. Учёные пока не пришли к единому мнению относительно термина, обозначающего культурно-лингвистические единицы.

На основе анализа теоретической литературы, обобщим, что лингвокультурологическое поле включает в себя реалии и лингвокультуре-мы, которые являются близкими, но не идентичными понятиями в лингвокультурологии.

Реалии – это явления, предметы, события или процессы, характерные для определённой культуры и отсутствующие или имеющие другое значение в другой культуре. Они представляют собой конкретные факты материальной или духовной жизни общества. Примеры реалий могут включать традиционные блюда, национальные костюмы, обычаи и праздники.

Лингвокультуре-мы – это единицы языка, которые несут в себе культурный смысл и связаны с определёнными реалиями. Лингвокультуре-мы могут быть выражены словами, словосочетаниями или даже целыми текстами. Они отражают не только сам факт реальности, но и её значение в контексте культуры. Лингвокультуре-мы часто включают в себя дополнительные коннотации, ассоциации и символику, которые могут быть непонятны представителям других культур без объяснения.

Основными отличиями реалий и лингвокультуре-м являются:

- 1) Реалии относятся к фактам объективной действительности, тогда как лингвокультуре-мы включают в себя ещё и субъективные, культурные смыслы;
- 2) Реалии могут существовать независимо от языка, тогда как лингвокультуре-мы обязательно выражены в языке;
- 3) Реалии служат для описания конкретных аспектов культуры, а лингвокультуре-мы выполняют коммуникативные и когнитивные функции, помогая передавать и понимать культурные смыслы.

Реалии и лингвокультуре-мы тесно связаны: лингвокультуре-мы служат способом вербализации и передачи реалий через язык.

Исследование реалий и лингвокультуре-м в текстах якутских народных загадок дает возможность глубже проникнуть в национальную

языковую картину и раскрыть культурные ценности, закодированные в языке. В приведенных текстах якутских загадок мы нашли как реалии (географические, этнографические, культурные), так и лингвокультураны.

Таким образом, лингвокультураны становятся ключевой межуровневой единицей лингвокультурных исследований, объединяющей в себе языковое значение и внеязыковое содержание. Национально-культурные черты, заключённые в лингвокультуранах, ярче всего проявляются при их сопоставлении в разных языках.

Литература

1. Воробьев В.В. *Лингвокультурология*. Москва: РУДН. 2008.
2. Вежбицкая А. *Понимание культур через посредство ключевых слов*. Москва: Языки славянской культуры. 2001.
3. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными. *Русский язык за рубежом*. 1994;(1):73–76.
4. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. *Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX в.* Санкт-Петербург: Златоуст. 2001.
5. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии. *Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сборник научных трудов*. Волгоград: Перемена. 2001:3–16.
6. Шейгал Е.И., Буряковская В.А. *Лингвокультурология: языковая репрезентация этноса: учебно-методическое пособие к спецкурсу для студентов факультета иностранных языков*. Волгоград: Перемена. 2002.
7. Маслова В.А. *Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. Москва: Академия. 2001.
8. Томахин Г.Д. *Реалии – американизмы: пособие по страноведению: учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков*. Москва: Высшая школа. 1988.
9. Влахов С.И., Флорин С. П. *Непереводимое в переводе*. Москва: Р. Валент. 2012.
10. Потенба А.А. *Полное собрание трудов: Мысль и язык*. Москва: Лабиринт. 1999.
11. Ойунская С.П. *Саха таабырынара. Якутские загадки*. Якутск: Якутское книжное издательство. 1975.
12. Гоголев А.И. *Истоки мифологии и традиционный календарь якутов*. Якутск: Издательство Якутского государственного университета. 2002.
13. Габышева Л.Л. *Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти*. Новосибирск: Наука. 2009.

14. Filippova V., Filippova S. Cultural codes: Representations about the sky and celestial bodies in Yakut riddles. *Agathos: An International Review of the Humanities & Social Sciences*. 2021;12(2):61–75. Available at: https://www.agathos-international-review.com/issue12_2.html (accessed: 11.09.2022) (на англ.).

References

1. Vorobyov VV. *Lingvoculturology*. Moscow: RUDN. 2008 (in Russian).
2. Vezhbitskaya A. *Understanding cultures through keywords*. Moscow: Languages of Slavic culture. 2001 (in Russian).
3. Kostomarov VG, Burvikova ND. *How texts become precedent*. Russian language abroad. 1994;(1):73–76 (in Russian).
4. Kostomarov VG, Burvikova ND. *Old wineskins and young wine. From observations on Russian word usage at the end of the 20th century*. St. Petersburg: Zlatoust. 2001 (in Russian).
5. Karasik VI. *On the categories of lingvoculturology. Linguistic personality: problems of communicative activity: collection of scientific papers*. Volgograd: Peremena. 2001:3–16 (in Russian).
6. Sheigal EI, Buryakovskaya VA. *Lingvoculturology: language representation of the ethnos: teaching aid for a special course for students of the faculty of foreign languages*. Volgograd: Peremena. 2002 (in Russian).
7. Maslova VA. *Lingvoculturology: a teaching aid for students of higher educational institutions*. Moscow: Academy. 2001 (in Russian).
8. Tomakhin GD. *Realities – Americanisms: a manual on regional studies: a teaching aid for institutes and faculties of foreign languages*. Moscow: Higher School. 1988 (in Russian).
9. Vlachov SI, Florin SP. *The Untranslatable in Translation*. Moscow: R. Valent. 2012 (in Russian).
10. Potebnya AA. *Complete Works: Thought and Language*. Moscow: Labyrinth. 1999 (in Russian).
11. Oyunskeya SP. *Sakha taabyryynara. Yakut riddles*. Yakutsk: Yakut book publishing house. 1975 (in Russian).
12. Gogolev AI. *The origins of mythology and the traditional calendar of the Yakuts*. Yakutsk: Publishing house of the Yakut State University. 2002 (in Russian).
13. Gabysheva LL. *Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory*. Novosibirsk: Science. 2009 (in Russian).
14. Filippova V, Filippova S. Cultural codes: Representations about the sky and celestial bodies in Yakut riddles. *Agathos: An International Review of the Humanities & Social Sciences*. 2021;12(2):61–75. Available at: https://www.agathos-international-review.com/issue12_2.html (accessed: 11.09.2022).

Об авторе

ФИЛИППОВА Варвара Васильевна – кандидат филологических наук, руководитель, ведущий научный сотрудник, отдел энциклопедистики, Академия наук РС (Я), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0371-7352>, WoS ResearcherID: ADR-2958-2022, Elibrary AuthorID: 1202673, SPIN: 6573-5089, e-mail: varvf@yandex.ru

About the author

Varvara V. FILIPPOVA – Cand. Sci. (Philology), Leading Research Fellow, Department of Encyclopedic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0371-7352>, WoS ResearcherID: ADR-2958-2022, Elibrary AuthorID: 1202673, SPIN: 6573-5089, e-mail: varvf@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 05.02.2025

Поступила после рецензирования / Revised 28.02.2025

Принята к публикации / Accepted 15.03.2025

**АРКТИКА XXI ВЕК
ARCTIC XXI CENTURY**

**Научный журнал
1(39) 2025**

Главный редактор *А. Н. Николаев*
Заместитель главного редактора *Н. В. Малышева*
Ответственный секретарь *М. А. Осорова*
Технический редактор *А. П. Васильева*
Компьютерная верстка *Л. М. Винокурова*
Дизайн обложки *С. С. Павлов*
Фото обложки *Н. Н. Слепцова*

При использовании материалов журнала ссылка на источник является обязательной

Печать цифровая. Подписано в печать 26.03.2025
Формат 70х100/16. Печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 10,29. Тираж 25 экз. Заказ № 58
Дата выхода в свет 31.03.2025
Цена свободная

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-88190 от 16 сентября 2024 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

**ARKTIKA XXI VEK
ARCTIC XXI CENTURY**

**Academic periodical
1(39) 2025**

Editor-in-Chief: *Anatoliy N. Nikolaev*
Deputy Editor-in-Chief: *Ninel V. Malysheva*
Executive editor: *Marina A. Osorova*
Technical editor: *Alina P. Vasileva*
Computer design: *Lira M. Vinokurova*
Cover design: *Stepan S. Pavlov*
Cover photo: *Nina N. Sleptsova*

Any use of the journal's materials must be accompanied by a mandatory reference to the source

Digital printing. Submitted for printing on March 26, 2025
Format: 70×100/16. Print sheets: 10.4. Authorial quires: 10.29. Circulation: 25 copies. Order No. 58
Publication date: March 31, 2025

Publishing House of NEFU
Address: 58 Belinskogo St., Yakutsk, Russia, 677000

Accreditation certificate ПИ № ФС77-88190 on September, 16, 2024 by the Federal Service for
Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)